Г. В. СОРИНА

ЛОГИКО-КУЛЬТУРНАЯ ДОМИНАНТА

Очерки теории и истории психологизма
и антипсихологизма в культуре

Москва 1993

J

f

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ, ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КОМИТЕТ ПО ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ
МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ЛЕНИНА

Г. В. СОРИНА

ЛОГИКО-КУЛЬТУРНАЯ ДОМИНАНТА

Очерки теории и истории психологизма
и антипсихологизма в кулыуре

Москва
Прометей
1993

ВБК 67.3
065

Рекомендовано к печати кафедрой философии
МПГУ им.В.И.Ленина

Сорина Г.В. Логико-культурная доминанта. (Очерки теории п истории психологизма и антипсихологизма в культуре). М.: П^метей, 1993. -gOO с. М В М - 7042-0743-Х.

В монографии вводится приятие логико-культурной доминанты (ЛВД). Оно испояьзует9я для анализа различных областей гуманитарной культуры с точки зрения ввделения общей для них проблематики. В этом понятии находит свое отражение современна^ общегуманитарная тенденция к собиранию, объединению разных областей знания и культуры взамен их замкнутости и разорванности. В качестве конкретного примера Л1Щ в работе реконструируются миры психологизма и антипсихологизма, во многом определившие направления решения ряда методологических и теоретических проблем в логике, лингвистике, литературоведении, психологии, социологии, политэкономии, в других гуманитарных науках. Спор мезду психологизмом и антипсихологизмом прослеживается в широком культурно-историческом контексте, начиная с ХУЛ века и вплоть до наших дней. В силу своей многоплановости работа может быть полезна представителям самых разных гуманитарных дисциплин.

Рецензенты: доктор философских наук Брюшинкин В.Н,,
доктор философских наук Меськов В.С.

Заказное издание

с 0301020000 - 816
183(2) - 93

ISBN 5-7042-0743-X

© Прометей, 1993

МОИМ ДОРОГИМ РОДИТЕЛЯМ

"Не увлекайся частными проблемами, но всегда старайся ускользнуть туда, где можно свободно обозреть, пусть и недостаточно ясным взглядом, некоторую большую проблему в целом (...)"

Л.Витгенштейн. Дневники 1914-1916 гг.
1.11.14 (Витгенштейн, 1987, с.27)

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ, ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

I Л. НОВАЯ ЕДИНИЦА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Концепция логико-культурных доминант (ЛКД) не представляет собой еще одной попытки построения варианта редукционизма В ней выражается стремление не к сведению, а к поиску некоторого выделенного мира, который принадлежал бы разным пластам культуры, разным наукам Мы живем в мире границ Это не только межгосударственные границы, но и границы между разными культурами, между науками, внутринаучные границы и так далее. Чаще всего наш мир – это мир замкнутых в себе отдельных блоков (культуры, знания, социальных коллективов и так далее). Я вовсе не хочу сказать (не только потому, что это невозможно, но и потому, что совершенно недопустимо), что нужно взять и просто отменить все эти границы, разные способы бытия. Речь не идет о смешении, например, наук, и превращении их в некий конгломерат, напоминающий Вавилонское столпотворение. Речь идет о том, чтобы попытаться показать, что (если воспользоваться современной общественно-политической лексикой), эти границы проницаемы, прозрачны, условны По сути, в данной мысли, как это мне представляется, заключается общая тенденция нашего времени: тенденция к собиранию, к объединению взамен замкнутости и разорванности В науке порой это выражается в совпадении общегуманитарной тенденции с общенаучной, как-то: собрать из разных областей разорванного по кусочкам, по наукам человека в единую науку о человеке. Не отменить анатомию, физиологию, психологию, нейрофизиологию и так далее, но вместе с ними, в дополнение к ним представить некоторую выделенную область знания о целостном человеке. Или – собрать язык, разобранный и разбитый на отдельные части, в некоторое единое целое. Не отказаться от этих разнесенных по разным наукам проблем языка, от самих отдельных наук, изучающих язык (фонологии, грамматики, семасиологии, социолингвистики, психолингвистики, других наук), но уметь выразить все эти проблемы в общей теории языка. Именно в этом контексте я и хотела бы представить концепцию ЛКД.

В данной работе представлены не история философии, логики, методологии науки, литературоведения, лингвистики, истории и так далее, собранные воедино, но делается попытка реконструировать, построить мир, который проходит сквозь разные пласты культуры, сквозь разные эпохи .Этот выделенный мир не заслоняет и не заменяет миров конкретных наук, а присутствует в них в качестве некоторого общего мира. Я хочу показать, что совершенно разные науки могут исходить из общих пресуппозиций (предпосылок), могу? концентрироваться вокруг общей для всех них проблемы Эта проблема может менять свои имена, например, по типу – "Утренняя звезда", "Вечерняя звезда", но все равно – Венера Она может проявляться в разных контекстах употребления*

* В зависимости значения от контекста употребления см. в данной работе параграф "Проблемы антитезы "психологизм-антипсихологизм" в связи с творчеством Витгенштейна, раннего и позднего".

зависеть от них, что не исключает возможности установления опосредованных сходств по принципу витгенштейновского "семейного сходства" между проблемами в разных областях знания, а тем самым показать проницаемость границ отдельных наук, их поразительную общность в решении каких-то проблем. Для анализа различных областей гуманитарной культуры с точки зрения выделения общей для них проблематики и вводится мною понятие ЛКД. В данной работё предлагается некоторый способ выявления того, что я называю логико-культурной доминантой, дается ее общая характеристика, анализируются ее функции в культуре. В качестве примера движения ЛКД в культуре в работе рассматривается антитеза "психологизм-антипсихологизм".

Я понимаю, что возможности открытия новых областей исследования в философско-методологической сфере представляются весьма проблематичными. Думаю, что наблюдение Декарта, который "еще на школьной скамье узнал, что нельзя придумать ничего стбль странного и невероятного, что не было бы уже высказано кем-либо из философов" (Декарт, т. , 1, 1989, е.259), не потеряло своей актуальности и сегодня. Вместе с тем это не отменяет того, что каждая эпоха, отдельные исследователи могут предложить и предлагают в этой сфере новые, порой неожиданные срезы исследования. Так, мне представляется, что в старой проблеме соотношения между психологизмом и антипсихологизмом можно выявить новые гра^и, новые черты, если проанализировать ее как сквозную проблему, характеризующую разные пласты гуманитарной культуры.

Введение понятия ЛКД как новой единицы методологического анализа предполагает наряду ' с ее непосредственным определением или описанием сопоставление с такими хорошо известными в философии и методологии науки концептуальными средствами, как парадигма, научно-исследовательская программа, тематический анализ и так далее. Несмотря на различия философско-методологических идей, концентрирующихся вокруг каждого из этих понятий в отдельности, думаю, можно выделить то, что их объединяет. Объединяющим моментом, на мой взгляд, для философско-методологических и историко-научных концепций Т.Куна, И.Лакатоса, П.Фейерабенда, Дж.Холтона, других крупнейших представителей этой области знания является их общая направленность, в первую очередь, на естественнонаучное знание, с углубленной ориентацией в каждом конкретном случае на определенную научную дисциплину: физику, астрономию, химию, биологию и^ч так далее. Эти методологические концепции достаточно скрупулезно проанализированы в отечественной и .зарубежной методологической литературе[1]. Все они ориентированы на реконструкцию науки, в них формулируется ряд принципов "для оценки готовых, хорошо сформулированных теорий" (Лакатос, 1978, с.204). Для всех них основополагающим является вопрос "что есть

Подробную библиографию по этой проблеме можно найти, в частности, в работе Юдина Б.Г. Методологический анализ как 'направление изучения науки. М.: Наука, 1986.

знание и как оно может быть получено?" (Фейерабенд 1986, с.3бо). Так, куновская парадигма направлена на то, чтобы описать состояние конкретной нормальной науки, для которой в период действия парадигмы характерно устойчивое и в каком-то смысле статичное положение дел. Тогда как ЛКД направлена на анализ межнаучных отношений, на выявление условий трансляции каких-то идей из науки в науку, из одного пласта культуры в другой.

Так, анализ антитезы "психологизм-антипсихологизм" в качестве ЛКД эпохи позволяет сделать вывод, что она является одной из пресуппозиций, не единственной, не той, к которой можно свести все другие, но именно одной из существенных пресуппозиций, определивших облик всей культуры XX века. Спор между психологизмом и антипсихологизмом в качестве важной пресуппозиции присутствует в:

-фрегевской концепции логики, определившей во многом современное состояние ЛОГИКИ;

' - гуссерлевской феноменологии;

некоторых принципиальных положениях семиотики;

- программных установках неопозитивизма;
- попперовской методологии;
- концепциях раннего и позднего Витгенштейна; ·
- соссюровской лингвистической концепции;
- бахтинской теории полифонии и диалогизма;
- психологии искусства Выготского.

Это незавершенный список. Я понимаю, что, на первый взгляд, он вызывает большие сомнения. Но в своих выводах я опиралась на анализ соответствующих текстов, которые иногда давали "критерии", иногда - "симптомы" (в витгенштейновских терминах) наличия этой проблематика в качестве существенной пресуппозиции в перечисленных выше концепциях (пресуппозиции некоторых из этих концепций непосредственно рассматриваются в работе, некоторые лишь обозначаются). Что же касается их места в культуре XX века, то это, как очевидно, просто не требует комментариев.

Основное отличие ЛКД как единицы методологического анализа от уже ставших классическими методологических средств заключается в ее направленности на разнообразные пласты, в первую очередь, гуманитарной культуры в разные исторические промежутки времени. В проводимом мною исследовании - содержание понятия ЛКД не фиксируется строгим определением. Оно рассматривается как открытое и способное получать дополнительные разъяснения по мере анализа форм его проявления в разных пластах культуры в разные эпохи. Говорить о существовании ЛКД в культуре можно только в том случае, если зафиксированная в каком-то пласте культуры проблема, характеризующая интеллектуальные особенности этого пласта культуры, может быть выявлена в иных пластах культуры исследуемой эпохи, а затем - в других эпохах,, то есть если С есть ЛКД и С принадлежит какому-то пласту культуры, то С проявляется в других пластах культуры и*в следующих после возникновения ЛКД эпохах.

Почему в качестве примера развития конкретной ЛКД[1] я выбрала именно антитезу "психологизм-антипсихологизм"? Это объясняется двумя основными причинами. Первая из них непосредственно связана с моим как автора давним интересом к этой проблеме. Вторая определяется, с одной стороны, возможностью показа ярких метаморфоз данной ЛКД в культуре, уходящей вглубь веков, с другой стороны – возрождением интереса к проблемам психологизма и антипсихологизма в современной культуре. Вопросам формирования и дальнейшего развития антитезы "психологизм-антипсихологизм" как ЛКД будут посвящены последующие очерки-книги. В первом же очерке введения в проблему мне представляется важным выделить совокупные миры психологизма и антипсихологизма в культуре и те современные направления, в которых концентрируется интерес к проблемам психологизма и антипсихологизма.

Итак, как же можно было бы описать совокупный мир психологизма в гуманитарной культуре?

1.2. СОВОКУПНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МИРА ПСИХОЛОГИЗМА В ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЕ

Большой мир психологизма как определенная сложная система не сводим к мирам психологизма конкретных наук, точно так же, как любая сложная система не может быть сведена к составляющим ее элементам[2].

"Рассматривая проблемы психологизма в разных пластах культуры, я вовсе не хочу сказать, что имя "психологизм" имеет одно и то же фиксированное значение для всех пластов культуры. Речь идет о том, что проблемы психологизма (а затем и антипсихологизма) можно проанализировать с точки зрения того, что Витгенштейн называл "семейным сходством"[3]. "Родство" психологизма в разных пластах культуры связано с тем, что для описания целой группы проблем используются одни и те же понятия. В большом мире психологизма накапливаются элементы, характеризующие разные пласты культуры, разные науки. Даже в мире одной конкретной науки психологизм может проявляться в разных формах. Например, классификация только логического психологизма, предложенная В.Н.Брюшинкиным, выглядит следующим образом: "редукционистский психологизм – наивный психологизм – крайний психологизм ..." (Брюшинкин, 1988, с.47). Вместе с тем, я думаю, можно сказать, что то, что делает теорию психологистической в самых разных науках, определяется следующими основными установками. Это, во-первых, утверждение методологического и теоретического превосходства психологии над всеми другими науками, во-вторых, декларация необходимости построения других наук на базе психологии, в-третьих, выделение решающей роли субъекта в науке и культуре. Отношение к субъекту, выявление его места в процессах, исследуемых в

[1] В типологии ЛКД см. параграф "К общей характеристике ЛКД".

[2] "Понятие сложности системы не является тривиальным. Кроме того, не существует и его общепринятого определения" (Моисеев, 1992, N 11, С.25).

[3] соответствующий параграф по Витгенштейну в данной работе.

конкретных науках, сферах культуры, подчеркивание основополагающей роли субъекта или полное отрицание его значения в каждой конкретной сфере является важнейшей линией противостояния между психологизмом и антипсихологизмом

Формы психологизма в конкретных науках как бы выбирают свои элементы из совокупного мира психологизма, но в результате эти элементы не перестают принадлежать большому миру психологизма Итак, в совокупном мире психологизма:

- науки строятся на фундаменте психологии, лишаясь тем самым собственного предмета, превращаясь в прикладную психологию;

- образцом методологической стратегии выступает психологистически понятая логика;

- происходит субъективизацйя и натурализация процесса познания;

- научное знание трактуется исключительно как результат деятельности познающего субъекта;

- науки рассматриваются с точки зрения их эмпирического характера;

- в каждой науке анализируются конкретные результаты мыслительной деятельности познающего субъекта и дается своя информация о субъекте познания;

- структуры познания связываются с психологическими структурами; возможности объяснения других наук "из психологии" - с субъектом как общим знаменателем всех наук;

- ассоциативная психология используется для объяснения закономерностей развития в разных науках, например, как логические законы, так и лингвистические трактуются с точки зрения действия ассоциативных связей;

познавательный процесс, творчество описываются с использованием понятийного аппарата ассоциативной психологии;

- в конкретных областях знания исследуются проблемы "творческой психологии";

- научное понимание связывается с представлением, условия понимания в разных науках ищутся в душах людей;

- логические высказывания обосновываются эмпирическими фактами;

- культуру оказывается возможным соотнести с "несколькими простыми формами мышления", поэтому так полезна психологистически истолкованная логика;

- законы психологии, отождествленные с законами ассоциативной психологии, понимаются как константные величины, которые применимы для характеристики людей вне зависимости от эпох и социально-экономических условий их жизни;

- проблемы истории и цивилизации понимаются как психологические проблемы;

- исторические события реконструируются на основе ассоциаций "сочувственного переживания", "психических состояний", "психических процессов"; проводится идея ассоциированности различных событий в истории;

- в сфере общественных отношений постулируется первичность субъекта по отношению к социуму;

– происхождение и развитие социальных институтов, общественных традиций связывается с "человеческой природой";

– "методология индивидуализма" (понятие введено Поппером) является основополагающей в жизни социума;

– язык, трактуется как сложный психический процесс, сводимый к явлениям ассоциации и апперцепции;

– истина трактуется как имеющая психологическое происхождение, как то, что непосредственно связано с человеческим отношением к реальности;

– в центре философского рассмотрения оказывается анализ непосредственных данных сознания, исследование психического мира изолированно взятой личности;

– "биографизм" становится одним из принципов научного анализа (реконструируется биография авторов, персонажей литературных произведений, языковых форм, идей и так далее);

– проблемы открытия, получения нового знания связываются исключительно со сферой ведения психологии

Это – далеко не полный перечень элементов совокупного мира психологизма

Психологизм может проявляться в самонаблюдении и интроспекции как основных методах анализа, но он же может проявляться и в других методах изучения, и даже в отборе материала исследования (см. Твардовский, 1992, мэ, с.73). Мир психологизма – это открытая система, продолжающая накапливать свои элементы

Что противопоставил антипсихологизм психологизму? Каков мир антипсихологизма?

1.3. СОВОКУПНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МИРА АНТИПСИХОЛОГИЗМА В ГУМАНИТАРНОЕ КУЛЬТУРЕ

В целом движение антипсихологизма было направлено против "аксиом психологизма". Общий тезис антипсихолопЬма в комплексе гуманитарных наук я бы сформулировала следующим образом: содержание ни одной науки, включая психологию, не может быть объяснено и обосновано в психологистических терминах. Оно никак не связано с психическими процессами. Любая наука должна ориентироваться на исследование своих собственных форм, определяющих ее содержание. В науке не просто недопустимо все сводить к психическим процессам познающего субъекта, субъект вообще должен быть выведен за рамки науки. "Машина науки" выдает результат без вмешательства человека. Человек же лишь должен знать метод, позволяющий ему использовать эту машину.

Соответственно разным установкам гуманитарный мир по-разному строился и по-разному выглядел в рамках психологизму и антипсихологизма. Конечно, во многом мир антипсихологизма строился по принципу "анти". Однако данный принцип не был единственным принципом построения мира антипсихологизма. Так, семиотический, знаковый характер языка, искусства, выявленный антипсихологизмом, невозможно связать только с противопоставлением его психологизму. Антипсихологизм был одной из принципиальных установок, определивших разработку семиотики (см. Смирнова,

1990, с.5). Но основные достижения направлений, использующих идеи антипсихологизма в качестве своих методологических и теоретических предпосылок, в частности семиотики, связаны с разработкой ими собственной позитивной программы и, в этом смысле, с преодолением принципа "анти". Вместе с тем существенной ошибкой антипсихологизма (чаще всего, просто декларируемого) в его споре с психологизмом является, на мой взгляд, упрощение им психологизма, сведение последнего к какой-то одной, хотя и центральной характеристике, например, к тезису о необходимости построения других наук на базе психологии. После проведения такой операции сведения вся критика направляется против выделенного тезиса, при этом собственно позитивная программа психологизма не рассматривается.

В мире антипсихологизма:

- отвергается статус психологии как основы для построения других наук;
- отрицается связь между основополагающими утверждениями конкретной науки и психологии;
- декларируется независимое существование наук, несводимость их понятийного аппарата к понятиям психологии, невозможность описания в конкретной науке результатов мыслительной деятельности познающего субъекта;
- не принимается возможность сведения содержания знания к каким-либо психологическим процессам, его объяснение и обоснование в терминах психологии;
- отклоняется трактовка эмпирического знания как основы для получения теоретических суждений. Например, в логике это выражается в тезисе "логика есть до всякого опыта" (см. Витгенштейн, 1958, с.?э, 5.552);
- отбрасывается психологистическая идея трактовки научного знания исключительно как результата деятельности познающего субъекта;
- субъект вообще выводится за рамки науки, постулируется принцип "изоляции субъекта, или, скорее, показа, что в некотором важном снысле субъекта нет..." (см. там же, 5.631);
- структуры познания, понимание в науке связываются с объективным характером мышления;
- познавательный процесс описывается с помощью объективных категорий, в качестве которых рассматриваются, например, системные и семиотические категории;
- истина понимается либо как некая метафизическая сущность, либо как объективное соответствие мысли действительности;
- язык трактуется как явление, независимое от психики;
- ставится задача избавления языка от неопределенности и многозначности; принцип однозначности слов рассматривается как средство против путаницы в рассуждениях;
- на основе анализа письменного языка выделяются образцовые формы рассуждения, универсальные языковые принципы;
- исторические события реконструируются на основе объективной логики развития;

– в сфере общественных отношений социум рассматривается как предшествующий субъекту;

– отвергается связь между общественными институтами, традициями и "человеческой природой";

– постулируется "кристальная чистота логики", стремление к строгости и однозначности не только в логике, но и в других науках;

– происходит вначале выделение конкретных "срезов" исследуемых объектов, а затем их изолированное рассмотрение;

– в самых разных сферах культуры и науки происходит поиск общего и устойчивого взамен присущего психологизму поиска индивидуального и неповторимого;

– "забота о формализации" проходит сквозь разные миры антипсихологизма в конкретных науках;

– результаты познавательной деятельности субъекта выделяются в отдельный объективированный мир (Фреге, Поппер);

– наука сравнивается с машиной, которая без вмешательства человека способна выдавать результаты.

Точно так же, как и по отношению к совокупному миру психологизма, выделенные мною элементы мира антипсихологизма не представляют собой полного описания мира антипсихологизма. Он тоже является открытой системой, продолжающей накапливать свои элементы. Такая открытость этих миров связана, как я думаю, с периодически возрождающимся интересом в науке и культуре к проблемам, заданным в этих мирах.

Как проявляется возрождение интереса к проблемам этих миров в современных условиях?

1.4. РЕКОНСТРУКЦИЯ СПОРА МЕЖДУ ПСИХОЛОГИЗМОМ И АНТИПСИХОЛОГИЗМОМ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ЛОГИКЕ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

Как и в период становления классической формы противостояния психологизма и антипсихологизма, так и сегодня возрождение интереса к этой проблематике в качестве явно сформулированной проблемы происходит в области логики и методологии науки. Я думаю, что можно указать несколько признаков такого нарождающегося интереса:

– это, с одной стороны, просто некоторая констатация того, что решение проблем спора между психологизмом и антипсихологизмом в пользу антипсихологизма не столь однозначно, что можно говорить о тенденции возрождения логического психологизма ¥ с другой стороны, это подчеркивание необходимости проведения последовательной линии антипсихологизма и выделение тех результатов, которые были получены благодаря ему[2];

[2] См. Бирюков, 1978, С. 212–235, 1981, N 2, С. 24–33.

[2] См. СмИрНОВа, 1986, 1989; 1990; СМИРНОВ, 1986, С. 101–1U.

– это реконструкция самого спора в истории философии, логики и методологии науки, поиск наиболее существенных характеристик данного спора, позитивных аспектов психологизма, классификация форм проявления данной антитезы ;

– это не всегда декларируемое возвращение в логику и методологию науки проблем, которые раньше связывались с психологизмом и поэтому были исключены из рассмотрения антипсихологистической науки[2];

– это призыв к пересмотру фреге-гуссерлевского антипсихологизма и к возрождению психологизма, в основу которого должна быть положена научная психология, отличная от ассоциативной психологии ;

– это реставрация психологизма на каких-то принципиально иных основаниях[4].

В перечисленных признаках уже прослеживается явное преобладание интереса именно к проблемам психологизма, к его возрождению В контексте концепции ЛКД, где психологизм рассматривается как одна из логико-культурных доминант, возрождение такого интереса представляется очевидным, необходимым Вместе с тем возникает вопрос: если За возрождением интереса к данной проблематике следует возрождение и самого ясихологизма как определенного направления в методологии науки, то в каких формах проявляется подобное возрождение?

На мой взгляд, можно выделить, по крайней мере, два принципиально разных подхода к самой идее возрождения. Причем оба подхода в методологическом плане, как я попытаюсь это показать, имеют аналоги в истории круговорота идей психологизма и антипсихологизма Наиболее радикальная, на мой взгляд, форма возрождения психологизма выражена ДжЭчем (см. **Ааси,** 1990). В его подходе повторяются основные методологические ошибки классического психологизма, в силу чего данный подход к возрождению психологизму мне представляется бесперспективным (анализ классической формы психологизма представлен в последующих очерках книги). Иная форма возрождения психологизма предложена в программе метапсихологизма ВНБрюшинкина (см.Брюшинкин, 1988). "Психологизм" Брюшинкича я считаю возможным охарактеризовать как анти-антипсихологизм, что нетождественно классическому психологизму. Аналогичным образом, на мой взгляд, могут быть представлены некоторые идеи Выготского, позднего Витгенштейна, Бахтина[5].

Итак, каковы же особенности этих двух программ возрождения психологизма?

Ъ*. **Haack, 1978; Currie, 1982, 1989; Thagard, 1984; CO_t Ж, 1980, 1984, 1986; БрЮШИНКИН, 1986; Notturno, 1982; Montgomery, 1987;** ХаапараНТЭ, **1986.**

® см.сааринен, 1989; **McKineey,** 1983.

[3]См. **Aach,** 1990.

[4]См.**БрЮШИНКИН, 1988.**

^См. соответствующие параграфы данной работы

1.5. РАДИКАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПСИХОЛОГИЗМА ДЖ. ЭЧА И ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЗМА И АНТИПСИХОЛОГИЗМА В ПСИХОЛОГИИ

В своей радикальной программе возрождения психологизма Эч проводит тезис о необходимости пересмотра как основных идей классической формы психологизма, так и идей классического антипсихологизма, выраженных Фреге и Гуссерлем. Антипсихологизм Фреге и Гусселя он предпочитает называть предположением о независимости (Independence Assumption). МОИ Возражения Эчу ОТНОСЯТСЯ Не СТОЛЬКО к постановке задачи пересмотра идей психологизма и антипсихологизма, сколько к их трактовке.

Для Эча "психологизм – это взгляд, в соответствии с которым логика может быть объяснена при помощи психологии, взгляд, который был широко распространен в прошлом столетии и который сегодня рассматривается как умерший" (см. даси, 1990, D.315). Очевидно, что это слишком узкое определение психологизма, недостатки которого не может снять и примечание Эча, где он замечает, что психологизм – это концепция, которая претендует не только на объяснение логики, но и этики, и метафизики, хотя эту часть претензий психологизма он не рассматривает в своей программе возрождения психологизма. Эч не принимает классических форм психологизма и антипсихологизма по одним и тем же основаниям. Он считает, что классический психологизм базируется на интроспективной психологии. Соответственно этому оказывается, что Фреге и Гуссерль выступают лишь против специфической традиции в психологии, вытекающей из британского эмпиризма. Кроме этого, как утверждает Эч, Фреге и Гуссерль не интересовались психологией, а поэтому не заметили принципиально нового направления в психологии – объективной психологии бихевиоризма. "Философские потомки", как называет Эч последователей Фреге и Гуссерля, считали, что исследования в области соотношения психологизма и антипсихологизма завершены, и поэтому, в свою очередь, не обратили внимания на возможность построения психологизма на базе бихевиоризма."

Пересматривая психологизм, Эч исследует основные аргументы антипсихологистов, выдвинутые Фреге и Гуссерлем, а – не собственно позитивную программу психологизма. В силу этого он не замечает, что психологистическая программа, в частности в логике, – это программа лишения логики собственного предмета исследования; превращения ее в техническое учение, зависимое от психологии и носящее характер эмпирической, индивидуально ориентированной дисциплины. При таком подходе проблемы логику оказываются неотделимыми от проблем теории познания, которая, в свою очередь, базируется на психологии. Рассматривая аргументы Фреге и Гуссерля против психологизма, Эч вполне справедливо, на мой взгляд, показывает их идейное совпадение с критическими замечаниями бихевиоризма, направленными против ийтроспективной психологии. Но это совпадение не является аргументом для утверждения, которое делает автор радикальной программы возрождения психологизма, о том, что "логика может быть объяснена при помощи психологии" бихевиоризма.

Эч пытается сохранить важнейший методологический принцип классического психологизма, в соответствии с которым менее фундаментальные дисциплины, в

частности, логику и теорию познания надо строить на основе более фундаментальной дисциплины, а именно – психологии. Он пытается реставрировать идею, свойственную психологизму, а затем, кстати сказать, и антипсихологизму, о создании единой науки об основных предпосылках знания. В качестве такой основы он рассматривает "бихевиористический психологизм", соотнося его с научным бихевиоризмом Дж.Б.Уотсона и Б.Скиннера в противоположность "логическому" бихевиоризму", который часто связывается с Витгенштейном и Гемпелем (см. **Aas H.**, 1990, p.31б). Эч не рассматривает свою концепцию как уже полностью построенный психологизм и не утверждает, что бихевиоризм – это единственно адекватное основание для построения психологизма. Он проводит идею о необходимости возрождения психологизма, не замечая того, что Фреге и Гуссерль выступают не против интроспективной или какой-либо иной **психологии** как эмпирической науки. Они **выступают** против психологизма как принципа построения других наук, в данном случае логики и математики, на базе психологии, **против** апостериорной трактовки законов логики и математики. Не замечая этого, Эч не замечает и того, что одной из пресуппозиций построения самого бихевиоризма является антипсихологизм.

Аргументы, направленные на доказательство несовместимости психологизма и бихевиоризма, он трактует как ошибочные (см. вюск, 1981). Последовательной скрупулезно рассматривая антипсихологистические идеи Фреге и Гуссерля и сравнивая их с критикой интроспективной психологии в бихевиоризме, Эч, на мой взгляд, приходит совсем не к тем результатам, которые он декларирует в своей программе. Как мне представляется, ему удается доказать не неободимость радикального возрождения психологизма, а тот факт, что психологизм был общегуманитарным явлением (**логико**-культурной доминантой, в моей терминологии), которое мешало развитию не только логики, но и, в равной степени, психологии; что бихевиоризм является формой антипсихологизма в психологии.

Как проявляется антитеза "психологизм-антипсихологизм" в психологии?

Конечно, проблема соотношения психологизма и антипсихологизма в психологии – это отдельная, самостоятельная и сложная проблема. Но формы их проявления как ЛКД эпохи в психологии оказываются "родственны... многими различными способами" (Витгенштейн, 1985, слое) соответствующим формам в других науках. Основные принципы антипсихологизма в психологии базируются на системной методологии, в соответствии с которой человек рассматривается не как замкнутая в самой себе телесная субстанция, а как продукт развития культурно-исторической среды. "В психологии данное положение **находит** свое конкретное выражение в следующем тезисе, красной нитью проходящем через теорию **установки** Д.Н.Узнадзе и теорию **деятельности** Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева: для того, чтобы изучить мир психических явлений, нужно выйти за их пределы и найти такую единицу анализа психического, которая, будучи субстанцией психики, сама бр* к сфере психического не принадлежала" (Асмолов, 1986, с.47>.

Психологизм в психологии, как и в других науках, базировался на локковских принципах "ассоциации идей", в соответствии с которыми все психические процессы, включая абстрактное мышление, совершаются по законам ассоциации, смежности двух

психических процессов: на восходящей к Д.Гартли, Д.Пристли» Джеймсу Миллю н Дж.Ст.Миллю драктовке психики как интроспективно понятого сознания.

В психологистической психологии, представителями которой были интроспективизм и ассоциационизм, сознание понималось как состоящее как бы из отдельных самостоятельных и константных блоков, которые могут быть выявлены с помощью специальных лабораторных экспериментов (идеи, связанные с концепцией В.Вундта). "Так, приверженцы Вюрцбургской психологической школы, например, говорили о "логических ощущениях",, полагая, что эти "ощущения" присущи человеческому сознанию в течение всей истории человечества" (Лурия, 1982, с.64). В психологистической психологии понимание природы значения слов и процесс речи связывались с законами индивидуального сознания. Так, в ассоциационизме "слово представляло по законам ассоциации два представления, представление предмета и представление звукового комплекса, сливающихся в одно ассоциативное целое. Появление одного из этих представлений вызывало появление другого. На этом, на частоте их совместного появления, ассоциационизм строил данность и функции значения слова и вообще весь мыслительный процесс" (Рамишвили, 1982, с.го). "Родственность" этих идей психологистическим установкам в лингвистике, истории и так далее, я думаю, будет видна при анализе психологизма в гуманитарной культуре, который бурет представлен в последующих очерках. Для психологии первых десятилетий XX века задача проведения идей антипсихологизма была не менее существенна, чем для других наук.

Антипсихологизм в психологии проявлялся в разных формах. Он был направлен против понимания законов · сознания как вечных и неизменных.. Он проявлялся в концепций-психологии искусства Выготского и в одврм из важнейших тезисов его. общей концепций психологии. Это – тезис о том, #что для понимания сущности высших психических процессов человека необходимо выйти за пределы организма и искать корни этих сложных процессов в общественных условиях жизни,..,, в усвоении общечеловеческого, исторически накопленного опыта" (см.Лурия, 1Э71, с. з7). Антипсихологизм в психологии проявлялся и в концепции ШПиаже, в частности, в его тезисе о радикальной независимости логики от психологии[1]

Таким образом, даже этот краткий обзор позволяет сделать вывод о том, что спор между психологизмом и антипсихологизмом для психологии был не менее актуален, чем для других наук, что антитеза "психологизм-антипсихологизм" как ЛКД эпохи проявлялась и в психологии, а предлагаемая Эчем замена интроспективной психологии на бихевиоризм для возрождения психологизма ничего не меняет в психологизме как методологической концепции.

Вместе с тем вопрос о том, возможно ли возрождение психологизма и, если да, то в какой форме, остается.

[1] Что этого тезиса в генетической эпистемологии ШПиаже подробно проанализирован в работе Брюшинкина (см.Брюшинкин, 1988, с. б б-80).

1.6 ь "НОВЫЙ ПСИХОЛОГИЗМ" В ПРОГРАММЕ МЕТАПСИХОЛОГИЗМА В.Н. БРЮШИНКИНА

Проблему возвращения психологизма в логику Брюшинкин "встраивает" в общую концепцию философских взглядов на логику, связывая между собой "гуманитарную установку" в логике и возвращение в нее "человеческого фактора". В качестве центральной проблемы философии логики он рассматривает проблему соотношения формализованных логических процедур и естественного мышления, которое, в частности, проявляется в процессах рассуждения и аргументации "...Философия логики начинается с разделения логических процедур, совершаемых при помощи формализованных языков, и естественного мышления, не пользующегося формализованными языками" (Брюшинкин, 1988* с.13). Понятие "естественное мышление" используется им для характеристики ежедневных "массовидных" процессов рассуждения, зависимых от запаса знаний, навыков субъекта, его психологических особенностей. Совершенно очевидно, что вводить "психологизм" в процессы "естественных рассуждений" нет никакой необходимости, ибо его просто невозможно "вынуть" оттуда. Программа метапсихологизма Брюшинкина направлена на возвращение психологизма в логику. Формулировка такой задачи в общей форме, без детализации, внешне практически ничем не отличается от традиционного психологизма. Тем не менее различия между классическим психологизмом и психологизмом (метапсихологизмом) Брюшинкина носят принципиальный характер. В чем они заключаются?

Эти различия начинаются с дифференциации области логических исследований. В качестве объекта, служащего основанием для философских обобщений в логике, Брюшинкин выделяет новую и еще не вполне сформировавшуюся область символической логики – теорию поиска вывода. Эта теория начинает формироваться с конца 50-х годов, и получает свое развитие в середине 70-х годов в работах С.Ю.Маслова. Брюшинкин возвращает психологизм в логические процедуры, но логическая процедура понимается им как сложная система, состоящая из двух подсистем: поиска вывода и вывода. Возвращение психологизма, как показывает автор программы метапсихологизма, возможно только в рамках одной из этих подсистем: в поиске вывода, который ведется на метауровне исследования и позволяет в процессе поиска конкретного варианта вывода моделировать некоторые процессы естественного мышления. В терминах психологизма И антипсихологизма анализируемая программа может быть изложена следующим образом. Для данной концепции "нового психологизма" характерны непсихологистическое истолкование процедуры логического вывода (сохранение основополагающего тезиса антипсихологизма в логике) и одновременно представление о логических процедурах (на уровне поиска вывода, осуществляемого субъектом) как некоторых моделях естественного мышления, а этот тезис уже, в свою очередь, является модификацией важнейшего тезиса логического психологизма, в соответствии с которым логика представляет процессы человеческого мышления. Фактически "новый психологизм", метапсихологизм

Брюшинкина предусматривает синтез некоторых идей психологизма и антипсихологизма в логике. В начале XX века подобный путь синтеза, но по отношению к психологизму и антипсихологизму в эстетике был предложен Л.С.Выготским[1]. Такой синтез позволяет вернуть познающего субъекта в науку.

Психологизм в любой науке замыкался на анализ возможностей познающего субъекта, антипсихологизм – просто выводил субъекта за рамки науки. В концепции синтеза психологизма и антипсихологизма в логике субъект, совершающий логические процедуры не учитывается при характеристике вывода и, наоборот, включен в характеристику поиска вывода. Различение в рамках логической процедуры вывода и поиска вывода позволяет Брюшинкину утверждать (а затем и показать на конкретных примерах анализа психологистической трактовки дедукции в секвенциальных системах Дж.Робинсона, концепции Ж.Пиаже, модели мышления С.Л.Рубинштейна и так далее), что символическая логика, не занимаясь эмпирическим исследованием мышления, "способна давать нам информацию (по крайней мере) о некоторых аспектах процесса мышления" (см.Брюшинкин, 1988, с.37). Мне представляется очевидным, что такая постановка вопроса не ведет к возвращению классического психологизма. Речь не идет о том, чтобы представить логический вывод как отражение какой-либо психической реальности. Важнейшая идея "нового психологизма" заключается в том, что в процедуре приска вывода есть место для "человеческого фактора". Само понятие логической процедуры является, на мой взгляд, адекватной основой как для решения проблем философии логики, так и для реализации программы метапсихологизма.

Анализ, проведенный Брюшинкиным на логическом и психологическом материале, направлен на доказательство возможности и необходимости логического моделирования некоторых аспектов естественного мышления. В этой форме "нового психологизма" не реставрируются редукционистские идеи "старого психологизма" о построении и объяснении всех других наук на базе психологии. Как я уже отмечала, в этой концепции синтезируются некоторые идеи психологизма и антипсихологизма, а "человеческий фактор" оказывается существенным элементом символической логики.

Последний вопрос, на который я хотела бы ответить в этом первом очерке, выглядит следующим образом: в чем необходимость реконструкции спора между психологизмом и антипсихологизмом в разных науках "под одной обложкой"?

1.7. ПСИХОЛОГИЗМ И АНТИПСИХОЛОГИЗМ КАК ЛКД; МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Мне представляется, что реконструкция спора между психологизмом и антипсихологизмом в истории культуры важна для современной культуры. Ее значение многоаспектно, и * оно будет прослеживаться фактически во всех очерках этой работы. В первом же очерке я хочу показать, что вне подобной реконструкции оказывается, в частности, что в современных научных исследованиях решение

[1] См соответствующий параграф данной рабохы

каких-то проблем, рассмотренных в рамках антитезы психологизма-антипсихологизма, обычно соотносят с позицией победителей. Потеряны многие идеи психологизма, постановка проблем в его рамках, результаты. Результаты побежденных просто не рассматриваются. Их либо словно не было, либо они упоминаются в стандартных контекстах типа: "в отличие от психологизма", "наша мысль состоит вовсе не в том, чтобы оправдать психологизм", "в противоположность психологизму" и так далее. Это происходит даже в том случае, если спор между победителями и побежденными никоим образом не рассматривается.

Приведу пример. Современные российские философы И.Т.Касавин и З.А.Сокулер в своей монографии "Рациональность в познании и практике" обращаются к анализу понятия истины и многообразия форм ее проявления. Им важно показать, что классическая корреспондентная теория истины, формально-логическое (антипсихологистическое) исследование которой было предложено А. Тарским, требует уточнения. Они считают, что нельзя рассматривать предложение как истинное только на основании его соответствия реальности, фактическому положению дел, как это предлагает Тарский. Для того, чтобы дистанцироваться от каких-то субъективистских теорий истины, авторы монографии вынуждены уточнить свое понимание реальности.

Реальность они понимают как континуум социокультурно обусловленных состояний. В таком случае истинность предложения "Снег бел" оказывается **зависимой** не просто от действительной белизны снега, а от множества иных факторов. Среди них могут быть оттенки цветовых признаков снега, условия освещения и условия наблюдения, экологическая ситуация и целый ряд других. Очевидно, что при таком подходе меняется как определение истины, так и ее характеристика в целом. Они выглядят следующим образом: «Истина есть прежде всего человеческое отражение реальности. Оно воплощается в представлениях людей, находящихся в конкретно-исторических условиях, на определенном этапе познания и практики, пользующихся определенным языком, категориальным аппаратом. Истина оказывается при этом как бы равнодействующей двух векторов: исходящего от объекта и исходящего от субъекта. Ибо истина – даже и абсолютная истина» – это не объективная реальность как она есть сама по себе, независимо от человека, но человеческое понимание, освоение этой реальности. Говоря о соответствии реальности, мы не должны забывать, что это соответствие устанавливается в человеческом языке, мышлении, понятиях, и потому оно является не зеркальным отражением, не отпечатком реальности в человеческом мозгу, но скорее чем-то вроде перевода реальности на понятный человеку язык. Поэтому соответствие здесь предполагает определенный код, масштаб, устанавливаемый людьми» (Касавин, Сокулер, 1989, С. 139).

Я привела эту длинную выписку, достаточно определенно характеризующую отношение Касавина и Сокулер к проблеме истины, неслучайно. Да, они не рассматривают проблемы психологизма-антипсихологизма и действительно не защищают "какую-то субъективистскую теорию истины" (там же, с. 140). Однако, если соотнести их подход с идеями, развиваемыми в психологизме, в частности,

Овсянико-Кулнковским[1] то так ли далеки они будут друг от друга? Думаю, что нет. Хотя сами авторы соотносят свою позицию с позицией представителей антипсихологизма, их понимание истины, как и в психологизме, оказывается во многом зависимым от мыслящего субъекта и его представлений. Означает ли это субъективизм? Я хочу оставить вопрос без прямого ответа, а вместо этого предложить косвенный ответ. Как психологизм, так и антипсихологизм всегда претендовали на объективность. Но само понимание объективности у них было принципиально разное. Касавин и Сокулер вовсе - не проповедуют субъективизма. Они предлагают проанализировать пресуппозиции такого простого, на первый взгляд, утверждения, как "Снег бел". Их анализ показывает, что выяснение условий истинности данного утверждения не так просто. Но и Овсянико-Куликовский не говорит о том, что это просто. Он проводит процедуру предицирования, соотносит знания и представления субъекта с реальностью, в качестве которой выступает снег. Важнейшей предпосылкой его анализа является сознательно принятый психологизм. Поэтому исследованию актов предицирования предшествует "множество" психологических оговорок. Но результат не так далек от концепции, представленной современными авторами. Как проявляется фактор времени в этом анализе? Овсянико-Куликовский исследует проблемы истины в 1эоэ году. Тарский строит свою теорию в 1933 году. Касавин и Сокулер публикуют монографию в 1989 году. Меняются эпохи, уточняются позиции, проблемы остаются. Поэтому так важно, на мой взгляд, представлять проблемы, проходящие сквозь разйые науки и в разные эпохи при помощи единого стержня, в качестве которого я рассматриваю ЛКД. Отсутствие такого единого стержня может приводить, в частности, к неточностям в оценках контекста культуры прошедших эпох. Приведу еще один пример, хотя их количество может быть умножено.

В предисловии к изданию 1990 года основных работ П.Н.Сакулина, написанных в 1925-1928 годах, Ю.И.Минералов, отдавая должное этому крупнейшему представителю литературоведения и культурологии начала XX века, формулирует две противоречащие друг другу мысли. С одной стороны, он замечает, что Сакулин "предельно четко" формулирует все свои идеи. С другой стороны, комментируя мысль Сакулина о психологическом характере художественного произведения, замечает, что творческий процесс трактуется Сакулиным" не в собственно филологическом аспекте", однако относит это к числу неточностей, к "психологическим" оговоркам" (Минералов, 1990, с.22). Думаю, что автор вступительной статьи не совсем прав. Сакулин действительно "предельно четко" формулирует свои основные идеи, но дело в том, что в основе их лежат методологические установки психологизма. Поэтому для него, как и для других представителей психологизма, "психологические" оговорки" - норма. Он формулирует это явно и недвусмысленно. „Идеи же антипсихологизма, в лице, например, ОПОЯЗа (Общество по изучению поэтического языка) не представляются ему плодотворными.

*См.соответствующий параграф в данной работе.

Пример предисловия к книге Сакулина, я думаю, лишний раз демонстрирует правомерность реконструкции антитезы "психологизм-антипсихологизм" как ЛКД эпохи, как явления общекультурного характера. Если работы Сакулина, других мыслителей этого периода по-прежнему актуальны (а это в определенном смысле именно так и есть), то хотелось бы, чтобы современные читатели воспринимали их мысли в том числе в контексте ушедшей эпохи, чтобы важнейшие методологические установки не воспринимались как "оговорки", чтобы сама методология конкретной науки понималась в связи с методологическими концепциями других наук. Тем более, что деление наук на дисциплины в методологическом плане, думаю, действительно носит условный характер. Это отмечали представители внешне весьма далеких друг от друга наук, например, историк М.Блок и математик Н.Винер (см. Блок, 1986; Винер, 1964).

Так, Марк Блок в "Апологии истории" писал, что "любая наука, взятая изолированно, представляет лишь некоторый фрагмент всеобщего движения к знанию", что для того, "чтобы правильно понять и оценить методы исследования данной дисциплины – пусть самые специальные с виду, – необходимо связать их вполне убедительно и ясно со всей совокупностью тенденций, которые одновременно проявляются в других группах наук" (Блок, 1986, с. и). Понятие ЛКД оказывается как бы стержнем, который позволяет тенденции и движения разных наук связывать воедино.

ЛКД выступает в качестве системной единицы культурологического анализа. Почему именно на базе системного подхода становится возможным введение ЛКД

ОЧЕРК ВТОРОЙ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ЛКД

2.1. ЛОГИКО-КУЛЬТУРНАЯ ДОМИНАНТА КАК СИСТЕМНАЯ ЕДИНИЦА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Системные исследования представляют собой хорошо разработанную область научного знания. В настоящее время в мире несколько специализированных научно-исследовательских институтов занимаются проблемами системных исследований (СИ). Такие институты, кроме нашей страны, есть в США, Канаде, Великобритании, Франции, других странах. Поэтому очевидно, что внести что-нибудь принципиально новое в разработку проблем СИ – столь же сложная задача, как и в исследование философско-методологической сферы.

Часто в философии, в науке, как и в различных жизненных ситуациях, новым оказывается хорошо забытое старое. В этом смысле одну из основных задач данной работы я как раз и вижу в возвращении в СИ тех культурологических интенций, которые закладывались основоположниками СИ в их теории, но в силу разных обстоятельств не были ими реализованы. Основополагающими для данного раздела работы будут два вопроса. Во-первых, как проявляются культурологические интенции в работах основоположников СИ? Во-вторых, в чем заключается системный характер ЛКД? Анализ проблем культуры через призму ЛКД я рассматриваю лишь как один из подходов к системному исследованию культуры[1].

Бесспорный приоритет в разработке СИ, в частности, общей теории систем принадлежит австрийскому ученому Людвигу фон Берталанфи. Столь же бесспорно, что одним из теоретических источников современных системных исследований являются идеи русского ученого и политического деятеля А.А.Богданова. Именно их отношение к проблемам культуры в связи с разработкой системного подхода (СП) я и рассмотрю.

Так, Л.фон Берталанфи, характеризуя статус общей теории систем, выделял ее культурологическую, гуманистическую направленность. Он считал, что именно системные исследования позволят построить мост между "двумя культурами" Ч. Сноу – "наукой и гуманитарным мироощущением, технологией и историей, естественными и социальными науками или сторонами любой иной сформулированной по аналогичному принципу антитезы" (Берталанфи, 1973, с.36). Развиваемый Берталанфи гуманистический аспект общей теории систем существенно отличается от взглядов тех теоретиков системного подхода, которые говорят о нем, используя понятия

Проблемам логико-методологического обоснования общей теории культуры посвящена, в частности, работа Маркаряна Э.-С. Теория культуры и современная наука – М.: Мысль, 1983.

только математики, кибернетики, техники. Берталанфи высоко оценивал возможности использования понятийного аппарата этих наук для создания общей теории систем. Однако он предупреждал и об опасности такого подхода к созданию теории систем, который приводил бы к технократизму, к отказу человека от ценностных ориентация. Кроме того, ограничение гуманистических аспектов в общей теории систем привело бы, по Берталанфи, к узости и фрагментарности ее представлений.

В свою очередь, исследование творческой деятельности А.А.Богданова позволяет сделать вывод, что именно культурологическая, гуманистическая традиция является одной из ведущих в его эволюции на пути к тектологии. Богдановская трактовка мира как непрерывного ряда организационных процессов становится более понятной после знакомства с его пониманием культуры, педагогическими идеями (и то, и другое осталось практически неисследованным). Идеи Богданова в области культуры не просто пользовались успехом, это были во многом плодотворные идеи. Правда, они, благодаря негативной деятельности "Пролеткульта", были доведены до абсурда и своего отрицания. Думаю, нельзя отождествлять идеи Богданова в области культуры с организацией "Пролеткульта". Для Богданова культура заключалась в "живом сотрудничестве поколений", причем это сотрудничество никоим образом не зависело от классовой принадлежности. Искусство прошлого, так же, как и наука прошлого не исчезали. Они сохранились, но "в новом понимании", "в критическом истолковании" (Богданов, 1924, Т.2, с. 122-123).

К такому выводу Богданов пришел во многом благодаря своей педагогической деятельности. Поставив перед собой задачу "научить учиться", Богданов оказался вынужденным заняться методологией, системными принципами организации знания и культуры. Преподавание в рабочих кружках, работа в школах на о.Капри и в Болонье - это не просто эпизоды из жизни Богданова, это ее важнейшие определяющие вехи. Он писал, что именно педагогическая практика привела его к необходимости "соединять, как звенья одной сложной цепи развития, явления технические и экономические с вытекающими из них формами духовной культуры" (там же, с.240). Можно спорить о том, что из чего вытекает, но для нас сейчас важен именно тот факт, что для Богданова, точно так же, как и для Берталанфи, технические и экономические явления неотделимы от форм духовной культуры.

Культурологические идеи Богданова неразрывно связаны с его тектологическими идеями. Он понимал культуру как организационные методы и создаваемые посредством них организующие, т.е. идеологические формы. Основная сфера деятельности человека, по Богданову, направлена на наиболее целесообразную организацию некоторой совокупности элементов - реальных или идеальных. При этом "человек в своей организующей деятельности является только учеником и подражателем великого и всеобщего организатора - природы" (Богданов, 1989, Т. 1, с. 142).

Весь тот материал, который необходимо организовать, содержится, по Богданову, в культуре, способ же ее освоения заключается в поиске взаимной связи элементов, образующих культуру. Организовать – для Богданова означает связать, скомбинировать на монистических принципах известный материал культуры. Не ставя сейчас перед собой задачу оценки творческого наследия Богданова в целом, я хотела выделить именно культурологические интенции в его идеях, приведших к написанию "Всеобщей организационной науки".

Таким образом, культурологическая и гуманистическая направленность системных исследований в период их становления не вызывает сомнений. Но исторически сложилось так, что фактически системные исследования в первую очередь ориентировались на биологию, кибернетику, технику, экономику, физику, методологию науки. Проблемы культуры находились в тени. Вместе с тем благодаря тем результатам, которые получены в рамках СП, стала возможной и постановка задачи анализа ЛКД. Ведь "системный подход сам по себе как таковой не дает решения проблемы непосредственно, он является орудием новой постановки проблем. Такова принципиальная методологическая сторона дела" (Юдин, 1973, с.43). Эта мысль Э.Г.Юдина не только декларирована им. Во многом благодаря ему в исследованиях российских авторов была развита концепция, в соответствии с которой СП понимается как общенаучное методологическое направление. Методологический характер СП позволяет объяснить и тот факт, что системные принципы исследования применимы к самым различным объектам действительности, и тот факт, что есть несколько десятков определений понятия "система".[1]

Что дает введение понятия ЛКД в методологию системных исследований? В чем заключается системный, культурологический характер ЛКД?

Введение этого понятия, как представляется, позволяет по-новому взглянуть на многие старые проблемы в культуре и, в частности, предложить иной срез системного анализа проблем культуры. Понятие ЛКД, как я уже отмечала, с одной стороны, возникает в рамках СП, с другой стороны, само становится его инструментом. Происходит своеобразный круговорот идей, "оборачивание метода". Кроме того, это понятие позволяет вернуться к исходным культурологическим интенциям, которые закладывались в СИ в период их возникновения, но в дальнейшем не были реализованы.

ЛКД представляет собой сложное целостное образование, характеризующееся определенным типом рассуждения, совокупностью гносеологических и

[1] Так, В.Н.Садовский в своей монографии "Основания общей теории систем". М.: Наука, 1974 приводит около 40 только наиболее распространенных в литературе определений понятия "система".

методологических установок, ценностных ориентаций. Системность логико-культурной доминанты определяется ее целостным, многоуровневым характером. ЛКД – это динамичная, открытая система, изменяющаяся в процессе исторической эволюции, но сохраняющая свое целостное ядро. Представление об ЛКД как о целостном образовании вполне соответствует философской традиции, идущей от Платона через средневековую схоластику к Лейбницу, рассмотрения в качестве целостных продуктов духовной деятельности.

Благодаря использованию понятия ЛКД можно дать совокупную характеристику интеллектуальных особенностей развития культуры определенной эпохи. Вместе с тем нечто может быть охарактеризовано как ЛКД только в том случае, если оно может быть явным образом прослежено в разных пластах культуры и в разных эпохах.

В связи с этим возникает целый ряд новых вопросов:

- Почему эта доминанта логико-культурная?
- Чем определяется сложная структура ЛКД, ее открытый и вместе с тем целостный характер?
- Что такое культурный пласт?
- Как определяется эпоха?
- Как возникает ЛКД?

Одной из важнейших характеристик ЛКД является определенный способ рассуждения. Данное положение будет проиллюстрировано (на конкретных примерах движения антитезы "психологизм-антипсихологизм" в культуре). Возникновение ЛКД может быть связано, например, с идеями, обсуждавшимися в логике либо в связи с логикой. Это происходит в том случае, когда проблемы, которые возникают внутри логики либо на металогическом уровне, затем переходят, транслируются, занимают существенное место в общекультурном контексте. Однако может происходить и обратный процесс. Основой ЛКД могут послужить проблемы, возникшие в общекультурном контексте, а затем занявшие существенное место в ряду проблем, обсуждаемых логикой. Для возникновения ЛКД необходим такой процесс ретрансляции. Поэтому возникающая доминанта и оказывается логико-культурной. В возникновении и развитии антитезы "психологизм-антипсихологизма" этот процесс явно прослеживается.

Мне представляется, что сквозь призму ЛКД несколько по иному предстает и традиционный облик логики. Ведь логика – это не только отдельная и самостоятельная наука, в рамках которой могут выделяться и исследоваться конкретные типы логик: дедуктивная, индуктивная, релевантная, интеррогативная и т. д. Логика – это и элемент, и инструмент развития культуры.

Более того, существует небесспорная точка зрения, в соответствии с которой логика является не просто элементом и инструментом развития культуры, но ее определяющим фактором. Причем, я думаю, очень важно подчеркнуть, что принадлежит эта точка зрения не логику, а психологу и социологу, представителю неофрейдизма Э.Фромму. Кроме того, высказывает он эту мысль в работе, которая уже по своему

названию представляется весьма далекой от проблем логики. Эта работа называется "Искусство любви". Э.Фромм выделяет два типа логики: аристотелевскую логику, характеризующую западную культуру, и ее противоположность – парадоксальную логику, которая преобладала в восточных культурах Индии и Китая, а в западной мысли свое раннее выражение нашла в философии Гераклита. По Фромму, "парадоксальная мысль ведет к терпимости и усилию в направлении самоизменения, Аристотелевская точка зрения ведет к догме и науке, к католической церкви и к открытию атомной энергии" (Фромм, 1990, с.48).

Таким образом, получается, что философ XX века, нелогик Э.Фромм, склонен связывать культуру в целом с соответствующим эталонным характером логики. Может быть, в такой позиции к сказывается неявно выраженное представление о логике как ЛКД в культуре? Ведь логика в истории культуры выполняла функции ЛКД несколько раз. Но самое главное, она выполняла эти функции – в период формирования философского стиля мышления.

Мое представление о логике как ЛКД, как о науке, которая может выполнять функции ЛКД в культуре, думаю, требует уточнения. Такое представление может содержать в себе опасность порочного круга в определении. В самом деле, если просто сказать: "Логика – это логико-культурная доминанта", то, несомненно, такая ошибка будет допущена. Поэтому я сразу же хотела бы развести между собой определение логики как конкретной теоретической науки со своей системой законов и представление о ней как образце, эталоне интеллектуальной деятельности, выполняющем функции ЛКД в культуре. Именно представление о логике как образце интеллектуальной деятельности определяло тот факт, что в разные исторические промежутки времени в западной культуре проблемы знания в целом, вся теоретико-познавательная проблематика ориентировались на логику. В свою очередь, это приводило к тому, что построение новых логических систем стимулировалось решением теоретико-познавательных задач, а сама логика выполняла функции ЛКД.

Функции ЛКД могла взять на себя другая наука. Если в качестве образца для построения в совокупности гуманитарных наук рассматривалась психология, то в таком случае она выполняла функции ЛКД. Возможно переплетение двух ЛКД, на базе которого возникает новая ЛКД. Так произошло при формировании антитезы "психологизм-антипсихологизм" ¥ чье противоречивое единство определяло ориентацию наук на ту или иную сторону антитезы.

Следующая проблема – это проблема структурирования ЛКД.

Структура ЛКД определяется соотношением ее основных компонентов: определенного способа рассуждения, выделенной точки реконструкции (ТР), форм ее проявления в разных пластах культуры, в разные исторические эпохи. Вместе с тем структура ЛКД определяется отношением между этими выделенными компонентами и между синхронным и диахронным срезами существования ЛКД. Эти два среза существования ЛКД не противостоят друг другу, ибо только соотношение между ними

позволяет говорить как о самом факте существования ЛКД, так и о системном его осмыслении[1]. Целостный характер ЛКД можно понять только в соотнесении этих двух уровней исследования. Синхронный срез позволяет зафиксировать современное состояние ЛКД, но без диахронного среза невозможно идентифицировать факт существования ЛКД, проследить ее зарождение и последующие трансформации.

Точка реконструкции – это выделенная исследователем точка зрения, это способ фиксации какой-то темы исследования, способ выражения каких-то предпочтений, характеризующих данное исследование. Например, кто-то анализирует место алхимии в средневековой культуре, а кто-то – логики в этой же культуре. Два исследователя получат разные (в зависимости от выбранной ТР) срезы культуры одной и той же эпохи. Порой срезы культуры могут оказаться столь разными, что неискушенный человек иногда с большим трудом догадывается, что речь идет об одном и том же историческом отрезке времени.

Роль точки зрения в изменении видения культуры блестяще показал Хосе Ортега-и-Гассет в своем эссе "О точке зрения в искусстве" (см. Хосе Ортега-и-Гассет, 1991, с. 186-203). Для Ортеги-и-Гассета единый закон предопределил все метаморфозы западной живописи. Аналогичный закон предопределил и развитие европейской философии. Он показал, что эволюция западной живописи была связана с переключением внимания с объекта на субъект, с объема, телесной формы на пустое пространство. Свою мысль Ортега-и-Гассет проиллюстрировал примерами из истории живописи. Для него эволюция западной живописи определялась изменением точки зрения, ее смещением от ближнего видения объектов к дальнему рассмотрению пустого пространства, в центре которого находится субъект. Конкретно в живописи это выражалось в переходе от канонов заполненных объемов, телесности кватроченто к сосредоточению на деятельности субъекта, с одной стороны, его субъективных состояний, впечатлений в импрессионизме, с другой стороны, к попыткам изображения идей, то есть объектов, имманентных субъекту, в кубизме. Ближнее и дальнее видение – это как бы две основные ТР эволюции западной живописи для Хосе Ортеги-и-Гассета.

Понятия "синхрония" и "диахрония" пришли в методологический анализ из лингвистической теории Ф. де Соссюра, для которого эти понятия выражали два абсолютно противоположных способа описания языка. Однако тезис об абсолютной противоположности синхронии и диахронии не был поддержан в лингвистике (см. Проблема разграничения синхронии и диахронии – В кн.: Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. – М.: Наука, 1973), не был он принят и в методологии.

Буквальная эмпирическая точка зрения не совпадает с теоретическим понятием точки реконструкции. Проиллюстрирую это вслед за Ортегой-и-Гассетом на примере из истории живописи. Дальнее видение – это ТР, которая характеризует живопись импрессионизма, это то общее, что позволяет характеризовать импрессионизм в целом. А вот в цикле Клода Моне из 20 картин, посвященных Руанскому собору, на каждой из картин собор предстает перед зрителями в зависимости от его освещенности и месторасположения художника, его точки зрения в буквальном смысле этого слова.

Не всякая выбранная ТР какого-то пласта культуры может оказаться принадлежащей ЛКД. Я буду говорить о ТР как принадлежащей ЛКД только в том случае, если эта ТР является исходным пунктом для анализа разных пластов культуры. Так, например, предложенная О. Мандельштамом в статье "О природе слова" реконструкция истории литературы как истории потерь в литературе и истории приобретений в ней, несомненно, характеризует проблемы теории литературы. Фактически это две разные ТР для описания одного и того же пласта культуры. Результаты такой возможной реконструкции Мандельштам сравнивает с двумя разными геометриями: Евклида и Лобачевского (см. Мандельштам, 1990, т.2, с. 172-187). Обе полученные в итоге истории литературы имеют право на существование. Однако выделенные Мандельштамом ТР принадлежат истории литературы, но не входят в ЛКД. В том случае, если ТР оказывается принадлежащей ЛКД, возникает возможность как бы провести единую линию, проходящую сквозь разные культурные пласты и разные эпохи.

Мы можем говорить о наличии ЛКД только при условии выделения объективного критерия оценки. Возможность реконструкции разных пластов культуры, в разные эпохи, исходя из одной и той же ТР, как раз и будет одним из таких объективных критериев наличия ЛКД. Ретроспективно "плоскость" культуры оказывается системой ТР, принадлежащих ЛКД. В свою очередь, выбор ТР определяется доминирующим характером какого-то явления в разных пластах культуры. Доминировать – то есть преобладать, быть основным (см. Ожегов, 1983, с. 155). Однако возникает вопрос – что означает доминанта в теоретическом плане? Теоретическая разработка принципа доминанты была осуществлена А.А. Ухтомским. Впервые учение о доминанте применительно к физиологии было изложено им в докладе 1923 года. Под доминантой Ухтомский понимает господствующий очаг возбуждения, определяющий деятельность всей нервной системы. В соответствии с его концепцией, нервные центры выполняют не одни и те же неизменные функции, а функции, меняющиеся в зависимости от общего состояния организма, от господствующей на данный момент доминанты. Доминанта при этом рассматривается не как привилегированная характеристика "высших нервных этажей", а как общий рабочий принцип любых нервных центров.

Ухтомский выделял роль доминанты в предметном мышлении, в высшей психической жизни. Он распространял принцип доминанты на человеческий опыт в целом, на науку, в частности. Уже в докладе 1923 года Ухтомский сформулировал

следующую идею "Наука, как и все отрасли человеческого опыта, подвержена влиянию доминирующих тенденций", т.е. тех 'доминант, при помощи которых подбираются впечатления, образы, убеждения: "oer Teufel eprlcht immer vom seinen echwanze"[1]. Мировоззрение, как известно, всегда стоит своего носителя, точно так же, как картина запечатлевает лишь то, что и как умел видеть художник" (Ухтомский, 1978, с.48). К мысли о роли доминанты в науке Ухтомский возвращался и позже. Он считал, что в истории науки принцип доминанты определяет "столь типичное явление, что абстрактные теории периодически сменяют одна другую, возвращаясь опять к тем путям, которые были покинуты, казалось, навсегда" (там же, с. 85). Вместе с тем последовательной разработки эта идея в трудах Ухтомского не получила.

Можно ли говорить об истории "принципа доминантности" в науке и культуре? Несомненно, что об этом можно говорить. Так, Ухтомский "намеки на принцип доминантности" находит в работах Р.Авенариуса, В.М.Бехтерева, З.Фрейда, И.П. Павлова, И. Канта. Концепция доминанты стала одним из определяющих элементов в теории русского формализма, а затем в структурализме. Впервые она была предложена Б.М.Эйхенбаумом в работе "Мелодика русского лирического стиха" (см. Эйхенбаум, 1924), а затем использовалась другими представителями формализма (см.Якобсон, 1976). Как считает А.Хансен-Лев, термин "доминанта" в русский формализм пришел из философской концепции немецкого философа Бродера Христиансена (см. Hansen-Love, 1986). Плодотворной оказалась концепция доминанты и для кинематографа, где ее использовал С.М.Эйзенштейн (см. Эйзенштейн, 1964, т.2, с. 45-51). В области гносеологии этот принцип был разработан недавно. Понятие доминанты познавательной деятельности было введено С.П.Чернозуб для выявления качественных характеристик процесса познания. В ее концепции понятие доминанты познавательной деятельности связывается с проблемой отношения человека к миру. Функции доминанты выполняет система отношений между субъектом и объектом познания (см. Чернозуб, 1988, с.9-11).

По Ухтомскому, представить себе бездоминантное состояние как в нервной системе, так и в творчестве просто нельзя. Точно так же, думаю, невозможно представить себе **без** доминантность в социуме, в культуре. Как же проявляется * принцип доминанты в культуре с точки зрения концейции ЛКД?

В том случае, если доминирующая (пусть даже временно преобладающая) в культуре идея трансформируется в ЛКД, это означает, что выделенное явление не исчезает в последующие исторические промежутки времени. Происходит как бы превращение и снятие era в следующих ЛКД. ЛКД, сложившаяся в одной из эпох, может совершенно неожиданно "обернуться" в другой. Однако несмотря на все ее

*Черт всегда говорит о своем хвосте (нем.пословица).

метаморфозы можно показать, что это та же самая ЛКД, уже однажды выделенная в культуре. ЛКД в зависимости от выбранной ТР позволяет, с одной стороны, охарактеризовать какие-то пласты культуры определенной эпохи, с другой стороны, сохранить общие принципы анализа иной эпохи. В силу своей целостности ЛКД сказывается как бы ядром, погруженным в массу различных фактов, событий, в хаос культуры.

Так, несмотря на все перипетии классической риторики, которая явно доминировала в культуре античности, ее основные характеристики столь же явно прослеживаются в такой ЛКД современности, каковой является теория и практика переговорного процесса. Другой ЛКД античности была логика, которая как ЛКД сформировалась через свое противопоставление риторике. Те свойства, которые характеризовали логику как инструмент культуры в античности, сохранились за ней и в последующие эпохи. Очевидно, что в эпоху средневековья доминирующий стиль мышления был связан с религией. Вместе с тем, в обществе сохранялась роль логики как важнейшего фактора культуры, как ЛКД эпохи, которая в качестве целостного образования вошла в более мощную ЛКД новой эпохи.

Казалось бы, такая далекая от логики проблема, как проблема иконоборчества, в определенном смысле оказалась тесно связаной с логикой. Для интеллектуала этого периода "логика – инструмент теологических диспутов, наполнивших иконоборческую эпоху. Лишь с окончанием этих диспутов атмосфера умственной жизни заметно меняется" (Аверинцев, 1989, с. 43). Аристотелевская логика заняла одно из центральных мест в идеологическом обосновании государственной власти, роли церкви в обществе. В эту эпоху, как это хорошо показал С.С.Аверинцев, формируется такой Тлп философа, церковного и политического деятеля, который вынужден, ибо такова доминанта культуры этого периода, постоянно выверять, ориентируясь на аристотелевскую силлогистику, правильность всех своих утверждений. Как и в античности, в средневековье культура ума оказывалась зависимой от принимаемого типа логики, но подчинена она была запросам новой доминанты – теологии.

Критицизм последующих эпох очень часто одевался в логические "одежды". В эпоху Ренессанса продолжал господствовать богословско-схэластический стиль мышления и иорьба с ним была вовсе небезопасна, тогда как в логических "одеждах" она принимала вроде бы нейтральный характер. "Язык переодевает мысли. И притом так, что по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме скрытой за ней мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаружить форму тела" (Витгенштейн, 1958, 4.002).

Непросты метаморфозы логики в культуре последующих эпох. Однако те ее свойства, которые были ей приписаны как ЛКД еще в античности, можно выделить в каждой из последующих эпох. Так, в XX веке не в логической, а в методологической концепции логицизма перед нами предстает иной образ логики, отличный от аристотелевской логики античности и средневековья, отличный от образа логики

последующих эпох. Однако приписанные логике еще в античности функции, например, соотнесения любых теоретико-познавательных проблем с логикой, явно прослеживаются и в концепция логицизма. Несмотря на смену эпох, в культуре сохранились те свойства, которые характеризовали ее как ЛКД еще в античности. Не столь важно, что лргицизм XX века – это, в первую очередь, методологическая, а не только логическая концепция. Ведь именно методологизм стал одной из ведущих ЛКД в культуре XX века. Предшествующие же ЛКД вовсе не остались только в истории культуры, они присутствуют в новых ЛКД в снятом виде. Взаимоотношения логики и методологии могут рассматриваться лишь в качестве частного примера этого общего утверждения.

В ЛКД фиксируются интеллектуальные особенности эпохи. Она проявляется и в образцах учебников, и в ментальности эпохи. Поэтому понятие ЛКД и может помочь строительству мостиков между самыми разными пластами культуры, проведению междисциплинарных исследований.

Вновь возникают вопросы: что же такое пласт культуры, как определяется эпоха?

Понятие "пласт культуры" я хотела бы отнести к числу "семантических примитивов", интуитивно очевидных, задаваемых контекстно, но не определяемых понятий (см. Вежбицка, 1983, с. 225-252). Непросто обстоит дело и с определением понятия "эпоха".

Очевидно, что эпоха – это определенный исторический промежуток времени. Однако раз и навсегда задать жесткую характеристику этого промежутка времени, как, например, задается век, невозможно. Деление истории на конкретные исторические эпохи зависит от исследовательской позиции, от выбранной исследователем ТР, ибо вне ее практически невозможно задать начальную и конечную точки отсчета эпохи. Приведу пример из современной политической ситуации. События 19-21 августа 1991 года. Ни у кого не вызывает сомнений, что событля этих дней завершили целую историческую эпоху. Однако, если задать вопрос представителям разных политических течений о том, какую эпоху они завершили, то окажется, что начальный пункт этой эпохи трактуется ими весьма различно. Одни могут отнести его к октябрю 1917 года, другие – к временам создания Российской империи, третьи – к апрелю 1985 года. Возможны и другие варианты. Точно такая же ситуация складывается и в других пластах культуры. Например, как задается время существования эпохи Возрождения? Оказывается, что ученые могут задавать это время по-разному. Причем разница может исчислятыг не только в несколько десятилетий, но и в век.

Соответственно, разные исследователи по-разному трактуют само понятие "эпоха". Для математика Ф. Клейна в известном смысле этот термин выражает идею об объективном развитии науки: не субъект с его волей, склонностями и вкусами одаривает общество научными открытиями, пришедшими ему в голову, скорее, наоборот, эпоха диктует гению проблематику научных поисков" (см. Грязнов, 1982,

с. 224). В трактовку понятия эпохи Клейн как бы закладывает определенный механизм, действующий наподобие системы дедуктивного вывода.

Иным представляется понятие "эпоха" литературоведу Ю.Н.Тынянову. Он использует это понятие для описания подвижных систем, эволюционирующих в процессе исторического развития. Каждая новая историческая эпоха выбирает из прошлых эпох те явления, которые ей родственны и необходимы, забывая или не замечая все прочие. Вместе с темдля Тынянова как выбранные эпохой материалы, так и "использование этих материалов характеризует только ее самое" (Тынянов, 1977, с. 259). Есть и другие подходы.

Такая неоднозначность характеристик понятия эпохи у разных мыслителей позволяет, я думаю, сделать вывод, что допустимо определение, точнее, характеристика эпохи как выделенного исторического промежутка времени, устанавливаемого в зависимости от выбранной исследователем ТР.

Общий анализ содержания ЛКД, по-прежнему без жестко зафиксированного определения, я хотела-бы завершить отдельным параграфом "К общей характеристике Жй\

2.2. К ОБЩЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛКД

В каждой сфере человеческой культуры используется свой понятийный аппарат, своя система расдуждений. Думаю, что первая часть моего утверждения не вызовет ни возражений, ни дополнительных вопросов. При помощи понятий происходит спецификация различных фрагментов действительности, выделяются и закрепляются разные культурные пласты .

Иначе, обстоит дело со второй частью моего утверждения, в соответствии с которой оказывается, что каждый пласт культуры характеризуется своей собственной системой рассуждений. По традиции, восходящей к Канту, процедура рассуждения связывается с предметом логики. Логика понимается как наука о рассуждениях. Если рассматривать рассуждение в качестве "предметной области исследования" только логики, то в таком случае понимание самого рассуждения может замкнуться на трактовке его исключительно как определенной процедуры, подчиненной законам и

Различия между понятиями "предметная область исследования" и "объект исследования" провел Б.С.Грязнов. Он писал: "Предметной областью исследования будем называть совокупность вещ§й (явлений) и их отношений, которая существует независимо от деятельности человека... Объектом же научного исследования является не сам предметный мир (или его фрагмент) такой, какой он есть, а свойства и отношения этого предметного мира, зафиксированные человеком" (Грязное, 1982, с". 10).

правилам, которые выявляет логика как наука. В соответствии с таким подходом оказывается, что возможна унификация всех типов рассуждения вне зависимости от сферы рассуждения. Даже на современном этапе логических исследований, когда "перед наукой логикой... ставится задача исследования рассуждений в каких-то определенных теориях" (Меськов, 1986, с. 11), появляющиеся разные типы логик (модальная логика, интуиционистская логика,, конструктивная логика, квантовая логика, релевантная логика и т. д.) лишь подтверждают возможность такой унификации. Чем же она определяется?

Логическое обобщение различных типов рассуждений оказывается возможным потому, что логика во множестве всех рассуждений выделяет их структурные аспекты. "Она дает правила суждения о корректности перехода от посылок к заключениям, но не правила суждения об истинности самих посылок и заключений. Это придает логике ее формальный характер – и именно это имели в виду и Кант, и Гегель, когда жаловались на "пустоту" предмета и отсутствие содержания" (фон Вригт, 1992, с. 81). Таким образом, логика как наука не исследует все множество "шектов процедуры рассуждения. Вместе с хем она оказыается единственной наукой, нашедшей объект своего исследования исключительно в той предметной области исследования, которая называется "рассуждение", "...высчитаем, что современное состояние логики позволяет нам рассматривать ее как особую науку о рассуждениях" (Месысов, 1986, с. 11).

Какие же можно выделить иные аспекты процедуры рассуждения, находящиеся вне сферы ведения логики?

Эти аспекты рассуждения, за вычетом уже выделенных структурных особенностей, удачно, на мой взгляд, вычленил В. Н. Брюшинкин. В свое определение рассуждения он включил субъекта со свойственными ему психологическими признаками сознательности и произвольности, с учетом его запаса знаний и навыков, с направленностью субъекта на приобретение новых сведений и информации, которыми он не располагал ранее. Рассуждение оказывается зависимым от деятельности субъекта. Оно может быть рассмотрено и как акт коммуникации между субъектами и так далее (см. Брюшинкин, 1988, е.. 15).

При таком подходе оказывается, что рассуждение изучается не только логикой. В качестве объекта научного исследования оно принадлежит и логике, и психологии, и теории коммуникации, и теории аргументации, и социологии, и теории культуры и так далее. Список можно продолжить. Такая многоаспектная, многоплановая характеристика рассуждений как раз и является основанием для моего исходного утверждения о том, что каждый пласт культуры характеризуется своей собственной системой рассуждений.

Вопрос Декарт трактует широко, включая в него не только выражения, содержащие вопросительные слова, но и собственно незнание (**ignoratia**) субъекта. Такой подход опять-таки свойственен и некоторым современным методологическим концепциям, базирующим построение методологии научного познания на анализе **вопросно**-ответной ситуации, например, современному западному логику и методологу С.Бромбергеру. Он трактует развитие науки как результат постановки вопросов, включающих в себя различные формы незнания (**Forms of Ignorance**), и получения на них ответов в форме теорий (см. **Bromberger**, 1971, p. 45-67).

В связи с анализом вопросов Декарт поднимает и проблему спора. Как и в последующей философии нового времени, он отрицательно относится к спору, связывая его, в первую очередь, со словопрением о названиях. Однако в отличие от уже явно психологистически выраженной позиции Локка, для которого проблемы спора фактически оказываются неразрешимыми, Декарт считает, что преодолеть споры о словах и названиях может помочь конвенция. "И эти вопросы о названии, - пишет Декарт, - встречаются так часто, что если бы среди философов навсегда установилось согласие относительно значения слов, то почти все их споры были бы прекращены" (там же, с. 129).

Подводя итоги рассмотрению методологической концепции Декарта в плане ее роли в формировании антитезы "**психологизм**-антипсихологизм", я хотела бы отметить следующее. Во-первых, картезианский принцип ясности и отчетливости становится **основополагающим** принципом для методологических построений как в психологизме, так и в антипсихологизме. Во-вторых, методологические построения Декарта приводят его к необходимости введения вопроса, а вместе с ним и субъекта, в методологию научного исследования.

3.3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ЛОККА

Попытка объяснения качественного своеобразия мышления путем выделения рефлексии как особого источника знания была предпринята английским философом - эмпириком XVII века Локком. Задачу своего **основного** философского труда "Опыт о человеческом разумении" Локк определяет как исследование о происхождении, достоверности и объеме нашего знания. Для решения этого вопроса ему необходимо было изучить познавательные способности человека. Локковские идеи, связанные с анализом познавательных способностей человека, оказали самое серьезное влияние на кристаллизацию позиции психологизма.

Из чего складывалась психологическая направленность концепции Локка?

Если для Декарта источник ясности и отчетливости знаний **логико**-математического типа лежал в разумной интуиции, то Локк выдвинул другой вариант решения этой задачи. Источник всех истин он находит в идеях, возникающих в результате воздействия вещей на чувства. Важным источником знания является рефлексия. Рефлексия, по Локку, вторична и возникает на основе чувственного

опыта, источником которого является объективный материальный мир вещей. Для Локка очень важно выяснить "происхождение тех идей, или понятий..., которые человек замечает и сознает наличествующими в свой душе, а затем те пути, через которые разум получает их" (Локк, t985 т.1, с.92).

Человеческое познание истолковывается Локком с субъективно-психологической точки зрения. "...Вся гносеология Локка была проникнута психологизмом в том знакомом нам смысле, что главный, если не единственный способ ее построения состоит в созерцании индивидом посредством своего "внутреннего ока" его собственных психических процессов" (Нарский, 1985, с. 35). Поэтому и введение двух видов познания нужно ему, в первую очередь, для того, чтобы объяснить, как складывается психическая жизнь человека и ее различные формы проявления. Под формами проявления человеческой Психики Локк понимает и чувственные впечатления, и эмоциональные акты, и отвлеченные понятия. Идеи, по Локку, - это составные элементы психического мира, обнаруживаемые тогда, когда "ум" обращается к исследованию своей собственной деятельности. Таким образом, под идеей понимается все, что может быть опознано в субъективном мире посредством рефлексии. "Натурализация психического, проходя через Джона Локка, оказывает влияние на все новое время, вплоть до наших дней", - писал по этому поводу Гуссерль (Husseri, 1910/11, s 64).

Итак, ответ на вопрос о том, почему именно Локка можно рассматривать в качестве одного из первых теоретиков психологизма, несмотря на то, что он сам никогда не использовал это понятие, думаю, достаточно определен. В системе Локка мы впервые сталкиваемся с явным выражением основных идей психологизма. Так, по Локку, вещи даны человеку как комплексы свойств, воспринятое свойство есть идея, представление о вещи есть комплекс идей. Своеобразие логического мышления, согласно Локку, заключается в деятельности по образованию сложных идей посредством комбинирования простых.

Но поскольку локковские идеи являются "психологическим предрассудком", в терминологии Гуссерля, постольку и своеобразие логического, и результаты познания не выходят за рамки психологического. В локковской теории познания исследование происхождения научного знания ведется психологическим путем, и, следовательно, ей присуща характерная для всего последующего психологизма черта трактовки знания в пределах сознания познающего индивида, внутри субъективной деятельности отдельного индивида как результат самонаблюдения, рефлексии над деятельностью ума. Для Локка все идеи, возникающие из ощущений, являются некой духовной реальностью, обладающей непосредственной очевидностью и наличным бытием, если только человек пожелает заняться самонаблюдением. Это явно психологические установки, которые в дальнейшем будут развиваться в психологизме в целом. У самого же Локка, как мне представляется, наиболее ярко, кроме психологистически ориентированной гносеологии, психологизм проявился в его трактовке языка и логики. В чем это выразилось?

Я думаю, что психологизм Локка в трактовке языка проявляется не столько в том, что он отождествляет звуки и слова, сколько в том, что слова-звуки становятся знаками чувственных идей, которые, в свою очередь, лежат в основе всех понятий и всего познания. Слова служат для обозначения действий, понятий, вещей. Для Локка является несомненным, что, "будь мы в состоянии проследить слова до их источников, мы цашли бы, что названия, обозначающие вещи, не относящиеся к области наших чувств, во всех языках имели свое первое начало от чувственных идей" (Локк, 1985, т.1, с.460).

Для него слова являются чувственным знаками конкретного человека и вместе с тем служат основой для общения между людьми. Все мысли человека как бы теснятся в его груди, но человек нуждается в общении, поэтому он и превращает "внешние чувственные знаки" в членораздельные звуки. Хотя значение слов связано с идеями, возникающими в уме отдельного человека, люди надеются, предполагают, что их слова адекватны знакам идей других людей. Таким образом, по Локку, возникают условия для общения. Вместе с тем общение всегда затруднено. Это происходит в силу того, что "каждый человек обладает такой неотъемлемой свободой обозначать словами какие угодно идеи, что никто не в силах заставить других при употреблении одинаковых с ним слов иметь те же самые идеи, что и он" (там же, с.465). Ясно, что в таком случае, хотя сохраняется возможность общения, протекает оно совсем не просто. Сама же возможность общения определяется тем, что Локк постулирует существование общего употребления, благодаря которому устанавливается как бы молчаливое соглашение о соответствии между определяющими звуками и определенными идеями. Но Локк не устает повторять, что значение слов всегда ограничено идеями конкретного человека, особенностями его мировосприятия. Этот тезис будет иметь большое значение для последующего развития психологизма.

С той же психологистической точки зрения Локк анализирует теоретико-познавательные и вместе с тем логичесие проблемы происхождения общих понятий и сингулярных терминов. Для него общие понятия – это отвлеченные или частичные идеи, входящие в более сложные идеи, возникающие от отдельных предметов. "В самом деле, – замечает Локк, – пусть всякий подумает и скажет мне, чем идея "человек" отличается от идеи "Петр" или "Павел" или идея "лошадь" от идеи "Буцефал", как не тем, что исключает то, что свойственно каждой особи и удерживает из этих отдельных сложных идей различных отдельных предметов лишь то, в чем они сходятся?" (там же, с.469). Таким образом, оказывается, что для Локка общее понятиэ "человек" представляет собой лишь часть первоначальной идеи человека. Таков путь образования любого общего понятия.

Локк критикует установку универсальных грамматик относительно соответствия языка и логики, специально подчеркивая, что языки вовсе не всегда согласовывались с правилами логики, поэтому значение каждого термина не может быть строго и однозначно выражено другими. Не устраивает Локка и классический способ определения в логике через род и видовое отличие. Для Локка определение представляет собой лишь "указание на значение одного слова при помощи нескольких других не синонимических терминов" (там же, с.479). Определяться могут только сложные идеи, простые идеи определению не поддаются, так как они возникают в результате отдельных впечатлений.

Психологические установки Локка проявляются в его понимании способов употребления слов. Слова, по Локку, имеют двоякое употребление. Но и в первом, и во втором случае оно связано с целями конкретного человека, который может использовать слова, во-первых, для закрепления собственных мыслей и, во-вторых, для сообщения своих мыслей другим людям. Закрепление слов помогает развитию памяти, закреплению собственных мыслей. Но это никоим **образом** не гарантирует полного совпадения значения сложных идей у разных людей. Может быть, в такой постановке вопроса следует искать истоки идеи В.Гумбольдта, на которого ориентировался психологизм в языкознании, о том, что всякое понимание, в конечном счете, представляет собой непонимание?

Так как для Локка все споры: философские, религиозные, правовые и так далее связаны со значением звуков, то споры о философских понятиях, толкование законов, комментарии к комментариям, объяснения к объяснениям – бесконечны. Свою мысль Локк иллюстрирует ссылкой на то, что любые споры о чести, вере, милосердии, религии, церкви всегда выявляют тот факт, что у людей разные понятия обо всем этом. Подтверждение своей мысли Локк находит и в обращении к толкованию текстов Священного писания. Локк считает, что комментарии к Библии, Новому завету лишь затемняют и искажают их смысл. Из этого, по Локку, не следует ненужность комментариев, но становится очевидным, сколь сложна сама эта процедура.

Неприятие спора свойственно и антипсихологизму, который, в частности, в лице Лейбница провозглашал замену всяких интеллектуальных споров процедурой вычисления, наподобие математического. Конечно, сама идея Лейбница, нашедшая союзников и в последующие века, например в неопозитивизме XX века, оказалась не только технически не осуществимой – но, думаю, и просто интеллектуально скучной. Кроме того, отрицание необходимости спора, как мне представляется, можно рассматривать и как определенную форму нигилизма. Может возникнуть вопрос, в чем проявляется здесь нигилизм?

Если понимать под нигилизмом отрицание общепринятых культурных ценностей, то при подобном подходе нигилизм налицо. Отвержение возможности понимания, общего истолкования значений и смысла слов приводит Локка к утверждению о том, что беспокоиться о смысле сочинений разных авторов в общем-то не стоит. "Так как во всех языках значение слов сильно зависит от мыслей, понятий и идей того, кто их употребляет, то, – пишет Локк, – я не сомневаюсь, что оно неизбежно должно быть очень неопределенным (даже) у людей одного языка и одной страны" (там же, с. 547). Снисходительность друг к другу, к которой призывает Локк, не может компенсировать исчезающее, при таком подходе, общее поле культуры.

В этом же плане, но уже как исчезновение целого дласта культуры, можно толковать такую, на первый взгляд, безобидную идею Локка, как требование соответствия между словами и вещами, между возникающими новыми словами и, опять-таки, вещами. При таком подходе возникает вопрос о праве на существование абстрактных понятий, таких, как например "белизна", "мудрость" и так далее.

Виновниками того, что споры существуют, Локк считает интеллектуалов и, в первую очередь, логиков. Поэтому критика диспутов является у Локка одновременно критикой логики. Свою критику логики и диспутов Локк демонстрирует, в частности, на примере известного схоластического рассуждения, определение одного из предложений которого впоследствии, благодаря А.Тарскому, станет в логике классическим примером в логической теории истинности. Я имею в виду предложение "Снег бел". К его анализу в классической теории Тарского я буду еще возвращаться. Так вот, для того, чтобы показать, что аристотелевская логика и диспуты приносят только вред, Локк анализирует знаменитое рассуждение, в котором из того, что вода, образующаяся при таянии снега, не является белой, делается вывод о том, что она черная. "Но хотя люди неученые достаточно хорошо понимали слова "белый", "черный" и т.д. и имели твердые понятия идей, обозначаемых этими словами, нашлись философы, у которых хватило учености и утонченности, чтобы доказывать, что снег черен, т. е. что белое черно. При этом их преимущество было в том, что они портили орудия и средства рассуждения, беседы, обучения и общения, с большим искусством и утонченностью занимаясь только тем, что запутывали и смешивали значения слов, и таким образом делали язык менее полезным, чем он был в результате своих действительных недостатков, – способность, которая не дана людям необразованным" (там же, с.554).

Конечно, рассуждение, проанализированное Локком, в соответствии с которым доказывается, что белое является черным, вовсе не красит схоластические споры и диспуты. Однако и сам Локк в своем доказательстве вредности споров допускает обыкновенную логическую ошибку слишком широкого обобщения: из вредности подобных типов споров не следует вредность споров вообще. Утверждение о том, что черное тождественно белому, бессмысленно, но из рассуждения, ведущего к такому результату, – не следует необходимость исключения споров и диспутов в целом. Трудно согласиться с выводом Локка о том, что именно искусство спора внесло путаницу в религию и правосудие.

Бесконечные споры, плохое употребление слов привели, по Локку, просто к опустошению интеллектуального мира. Спор для него является результатом того, что ученые разных школ говорят на разных языках. Тогда как процесс познания, точно так же, как процесс рассуждения, требуют точных и определенных идей. При передаче идей язык, по Локку, преследует несколько целей. "Во-первых, сообщение мыслей или идей одного человека другому. Во-вторых, достижение этого со всей возможной легкостью и быстротой. В-третьих, передача знания о вещах. Когда не достигают какой-нибудь из этих трех целей, это значит, что речью злоупотребляют или же она имеет недостатки" (там же, с.563).

Локк ставит всю ту же, идущую еще от Декарта задачу добиваться ясности и отчетливости, в данном случае, в употреблении слов. (Вместо понятия "ясные и отчетливые идеи" Локк часто использует понятие "определенные идеи", специально оговаривая это (см. там же, с.88)). Для него язык представляет собой великий канал, по которому распространяются знания. Поэтому недопустимо употребление слов без ясного и неизменного смысла. "А тот, кто делает это умышленно, должен считаться врагом истины и познания" (там же, с.569). Недопустимо употреблять слова без идей. Очень важно объяснять значения слов через определения, синонимы или указания на примеры. Локк пишет о необходимости сохранять значения слов, постоянно употребляя их в одном и том же смысле. Но это требование соблюдать в локковской теории не просто сложно, скорее – невозможно, если вспомнить те субъективистские, психологические начала, которые он положил в основу своей теории значения. Поэтому сами эти требования приводят к противоречию с психологистическими установками локковской гносеологии:

"Опыт о человеческом разумении" – это исследование возможностей разума и души. Это – исследование того, как идеи приходят в душу. "Все идеи приходят от ощущения или рефлексий" (там же, с. 154) – в этом как раз и заключается основа психологизма Локка. Отсюда следует направленность локковской теории на индивидуума, на его самость. Такая установка имела свои плюсы и минусы, которые впоследствии и проявились в психологизме.

3.4. АНТИПСИХОЛОГИЗМ ЛОГИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ГОББСА

Итак, если в философии нового времени линия психологизма связана, в первую очередь, с именем Локка, то антипсихологистические тенденции – с именем другого английского философа нового времени Томаса Гоббса.

Антипсихологизм установок Гоббса не вызывает сомнений. Однако область проявлений его антипсихологизма требует уточнений. В связи с этим, я думаю, можно сформулировать следующие вопросы. Во-первых, это непосредственно вопрос о том, где конкретно проявляется антипсихологизм Гоббса; во-вторых, в чем сущность антипсихологистических идей Гоббса; и, наконец, как он связан с последующим антипсихологизмом.

Основная область проявления антипсихологизма – это его гносеология. Именно общие теоретико-познавательные установки и приводят Гоббса к антипсихологистической трактовке языка, логики, мышления. А это, в свою очередь, выражается и в решении частных проблем, например, в отношении к вопросительным предложениям.

В теории познания Гоббса нет тех "психологических предрассудков", которыми впоследствии окажется наполненатеория познания Локка. Мышление для него – это явление логико-философского порядка. Мыслить означает исчислять, или умозаключать, что, в свою очередь, означает процедуру вычисления, состоящую из сложения и вычитания. Процесс мышления, соответственно процедура логического рассуждения, трактуется им не как психологические явления, связанные, например, с какими-то внутренними душевными состояниями познающего, а с операциями, наподобие математических. Гоббс, как и многие другие философы нового времени, соотносит свое представление об образцовом знании с двумя дисциплинами: логикой и математикой. Однако у логики, по сравнению с математикой, есть один очень существенный недостаток. В течение долгих веков она была включена в идеологические структуры. Поэтому у Гоббса логические размышления, необходимые для получения достоверного знания, соединяются с математическими вычислениями.

Получение знаний о мире, по Гоббсу, связано с опытом и философией. Если опыт, согласно Гоббсу, дает знание единичных фактов, то философия обеспечивает возможность методического и достоверного получения общего знания. Процесс получения знания имеет у Гоббса явно выраженную прагматическую направленность, ибо любое умозрение для него направлено на какое-нибудь конкретное действие или практический успех. Цель, или основное назначение философии он видит в том, "что благодаря ей мы можем использовать к нашей выгоде предвидимые нами действия и на основании наших действий по мере сил и способностей планомерно вызывать эти действия для умножения жизненных благ" (Гоббс, 1989, т. I, с.77).

Даже изучение способностей и нравов людей, а тем более исследование их обязанностей Гоббс не замыкает на анализе психологических особенностей людей, их внутреннего мира. Он открыто заявляет, что занимается наукой о причинах, о том,

как знание поучин ведет к познанию действий и наоборот. Другое дело, что всякое познание начинается с образов восприятия и воображения. "Однако, почему они существуют и откуда происходят, мы узнаем только посредством научного исследования, которое ... состоит в сложении и разложении предмета на его составные элементы, или в анализе (resolution®.)" (там же, с. 120). Кроме аналитического метода Гоббс выделяет еще синтетический метод исследования. Вместе с тем все методы исследования строятся им на базе умозаключения от известного к неизвестному. Такие общегносеологические установки приводят к тому, что в "Основах философии" даже непосредственно душевные явления, такие, как влечение, отвращение, любовь, благосклонность, надежда, страх, гнев, ревность, зависть и так далее Гоббс анализирует с точки зрения причины и следствия. Так, например, причиной удовольствия и неудовольствие является не внутреннее психологическое состояние человека, а какие-то предметы, которые влияют на органы чувств. Точно так же и аффекты Гоббс объясняет различиями в движении крови, а не какими-то душевными состояниями человека (см. там же, с. 237-253).

Соотнося проблемы знания с проблемами языка, Гоббс в качестве ясного и отчетливого знания предлагает не интуицию, а способность слов нашего языка. Быть знаками общих понятий. В связи с этим он выделяет два вида знаков. Во-первых, это знаки, которые понятны только тем, кто их ввел и посвящен в их смысл. Это - знаки-метки, введенные конкретным человеком для укрепления собственной памяти. Несмотря на то, что метки не могут служить основой для общения людей между собой, несмотря на их индивидуальность, они не носят психологического характера. Для человека метка является просто отличительным знаком какой-то вещи или явления. Вначале метка понятна только отдельному человеку, но в том случае, когда речь идет о науке, цель подлинного ученого заключается в том, чтобы его метки приобрели общезначимый характер, превратились бы в знаки. "Только тогда, когда эти метки памяти являются достоянием многих и то, что изобретено одним, может быть перенято другим, наука может развиваться на благо всего человеческого рода" (там же, с. 82).

Превращение "меток памяти" в общепонятные знаки и означает, по Гоббсу, собственно знаки в их отличии от меток. Во-вторых, Гоббс выделяет общепонятные знаки, которые в других людях вызывают те же представления, что и у человека, изобретшего их впервые.

Таким образом, знаки и метки различаются между собой только в степени общности: первые имеют значение для многих, может быть, для всех, вторые - лишь для конкретного человека. С точки зрения же выявления отношения Гоббса к проблемам формирования антитезы "психологизм - антипсихологизм" мне представляется важным еще раз подчеркнуть, что метки Гоббса никак не характеризуют психологическое состояние их изобретателя. Весь процесс обучения, в частности, связан с процедурой превращения меток в знаки. Поскольку для Гоббса "учить означает не что иное, как вести ум обучаемого по пути,

пройденному самим обучающим в процессе исследования к познанию найденного им" (там же, с. 129).

Гоббс просто исключает из философии, которая выражает "естественный разум", любые психологические установки. Как можно обосновать такое утверждение? Для этого необходимо продолжить анализ роли меток и знаков в его концепции достоверности человеческого знания.

Как метки, так и знаки закрепляются при помощи слов. Сочетание и соединение слов образует, по Гоббсу, различные виды речи. Среди видов речи Гоббс выделяет вопросы, просьбы, обещания, угрозы, желания, приказы, жалобы, утверждения. Но статус философского вида речи Гоббс придает только утверждениям. Почему? Думаю, что исключение всех остальных видов речи из философии не в последнюю очередь связано с антипсихологизмом Гоббса. Я имею в виду антипсихологизм не по названию (Гоббс никогда не употреблял понятия "психологизм", "антипсихологизм"), а по его сути.

Как и в последующем антипсихологизме, Гоббс рассматривал вопросы в качестве такого вида речи, в котором выражаются желания и душевные движения спрашивающего, его ожидание услышать ответ от того, кому адресован вопрос. Непонимание сложных вопросов в сочетании с желанием выглядеть знатоком может, по Гоббсу, привести к появлению бессвязных слов и так далее. Все другие виды речи также связаны с различными душевными движениями и переживаниями. Философия же исследует "принцип .рационального познания" и зиждется "исключительно на правильном употреблении созданных нами слов" (там же, с.218). Кроме того, наука начинается -там, где постигается истина, содержащаяся в конкретных утверждениях.

Вместе с тем . развитие философского знания связано не только с утверждениями, они по сути представляют собой лишь первый шаг, "движение одной ноги", говоря словами Гоббса. Полное движение возможно благодаря силлогистическим умозаключениям. Критика Гоббсрм аристотелевской силлогистики сочетается с анализом структуры силлогизмов, их фигур и мод-усов, с признанием того, что сделать очередной шаг в философии без силлогистики невозможно. Есть еще один важный момент в философской концепции Гоббса, где явно выражается линия антипсихологизма. Для того, чтобы предупредить появление абсурдных, бессмысленных утверждений, Гоббс предлагает классификацию имен, которую можно рассматривать в качестве несовершенного образца деории типов, созданной Расселом, представлявшим линию уже победившего в начале XX века антипсихологизма, при анализе теории множеств. Все имена Гоббс делит на классы. Каждый отдельный класс соответственно обозначает: тела, акциденции, наши представления, сами имена, "речи". Заблуждения, считает Гоббс, возникают как результат незаконного употребления имен одного класса вместо имен другого класса, например, когда имена тел даются нашим представлениям и так далее. Употребление вместо точных слов метафор и поэтических выражений образует особый

^класс заблуждений Кроме того, Гоббс выделяет еще один особый класс заблуждений – это философские заблуждения, которые возникают в результате смешения "имен имен" "общее", "особенное" "всеобщее" и так далее с именами тел.

Таким образом, антипсихологистическая позиция Гоббса, как в последующем и антипсихологистическая позиция Фреге, носит во многом семантический характер. Вместе с тем логико-семантический анализ, предложенный Гоббсом для анализа знания, еще несовершенен, а антипсихологизм не всегда последователен. Так, превалирующая в то время тенденция натурализации знания может быть найдена и у Гоббса, с точки зрения которого наше восприятие различных свойств предмета может проявляться лишь как субъективные свойства, присущие нам, а не предмету. Поэтому антипсихологистическая позиция Гоббса еще не так последовательна, как, например, позиция Лейбница или Фреге.

Кроме того, не всегда Гоббс отказывается и от анализа различных душевных движений человека, что, впоследствии уже совсем было не свойственно сложившемуся антипсихологизму. Гоббс же предпринимает такой анализ в "Левиафане", где он пишет специальную главу "О внутренних началах произвольных движений, обычно называемых страстями, и о речах, при помощи которых они выражаются" (см. Гоббс, 1991, т. 2, с. 37-48), Но тем не менее общая антипсихологистическая направленность философской концепции Гоббса может быть явным образом прослежена.

3.5. АНТИПСИХОЛОГИЗМ ЛЕЙБНИЦА

Линию антипсихологизма в философии нового времени продолжил великий немецкий ученый и философ Г.Лейбниц, которого Б.Рассел и Л.Кутюра называли предтечей логицизма, что просто эквивалентно жесткому антипсихологизму.

Философская концепция Лейбница формируется в его полемике с Локком и Декартом, в соотнесении своей позиции с позицией Гоббса. Энциклопедическая образованность Лейбница приводила к тому, что на страницах его работ присутствует и множество других имен, но в плане становления его как философа эти три имени все-таки имели ключевое значение. В критических установках Лейбница проявляется не только позиция рационалиста, но и антипсихологиста. Хотя сам Лейбниц, как и его предшественники, понятия "психологизм", "антипсихологизм", ставшие неотъемлемой частью философской культуры конца XIX-уачала XX веков, не использовал, но реально его позиция – это позиция антипсихологиста.

В чем и где проявляется антипсихологизм Лейбница?

Области проявления антипсихологизма Лейбница те же, что и у Гоббса. Это – гносеология, логика, язык. Вместе с тем антипсихологизм Лейбница уже столь фундаментален, что он предвосхищает в своей позиции те идеи, которые станут программно-антипсихологистнческимй лишь спустя три века в филологическом антипсихологизме. Эти идеи связаны с общей теоретико-познавательной установкой

исследователя, но не являются ее явным выражением. Что я имею в виду?

Один из важнейших постулатов антипсихологизма, проявившийся, в первую очередь, в антипсихологизме в литературоведении, заключается в требовании создавать историю литературы не как историю литераторов, а как историю литературных идей. Можно задать вопрос, каким образом эта литературоведческая позиция связана с философской позицией Лейбница? Думаю, что непосредственного влияния, в плане преемственности, Лейбница на литературоведов XX века нет. Есть идейное опережение, детерминированное фундаментальными антипсихологистическими установками.

Итак, в антипсихологистическом литературоведении, анализ которого еще предстоит, ставилась задача освободить литературу от любых знаков присутствия автора в тексте. Эта позиция проявилась и в русском формализме, и во французском структурализме – во всех направлениях, в литературоведении, базирующихся на принципах антипсихологизма. Эта же идея явным образом присутствует и у Лейбница в его отношении к историкофилософским текстам. Мысль о приоритете анализа идей философов по сравнению с описанием их биографий проводится Лейбницем не единожды. В частности, в "Письме к Якобу Томазию о возможности примирить Аристотеля с новой философией" Лейбниц высоко оценивает историю философии, написанную его адресатом. Преимущества этой истории философии заключаются, с точки зрения Лейбница, в том, что Томазий излагает историю философских идей, предлагает рассуждения "о связи философских мнений". Это и позволяет Томазию, как считает Лейбниц, "дать цельную и полную историю философии". Обращаясь к Томазию, Лейбниц пишет, что основной недостаток других историй философии как раз и связан с тем, что они "познакомили нас скорее с биографиями философов, чем с их учениями; ты же даешь нам историю не философов, но философии" (Лейбниц, 1982, т.1, с. 85). Эта же идея проводится Лейбницем в работе "О литературной республике". Здесь Лейбниц сравнивает сочинение Диогена Лаэрция "О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов" с книгами извлечений из Плиния. Лейбниц отдает предпочтение Плинию, ибо последний излагает философские идеи, а не биографии философов (см. Лейбниц, 1984, т.Ш, с. 425-434). Данная философская позиция Лейбница проявляется, непосредственно и в проведенном им анализе теоретических концепций его великих предшественников и современников.

Спор между психологизмом и антипсмхологизмом впоследствии, как мы знаем, завершится победой последнего. Однако абсолютизация любых принципов антипсихологизма так же порочна, как и абсолютизация принципов психологизма. Думаю, что обращение к творчеству самого Лейбница служит подтверждением этого. Ведь его идеи, как и идеи любого крупного деятеля культуры, тесно связаны с творческой, а значит, и просто человеческой биографией. В конечном счете, можно убрать из результатов деятельности представителей культуры реальные факты их биографии и биографии эпохи, получая в остатке лишь идеи. Проделывать такую процедуру не только можно, но и нужно. В противном случае, наука может

превратиться в бесконечное, несистематизированное скопление фактов. Но из этого не следует, что эти факты не существенны, что их надо выбросить, забыть, что биографий идей реконструируются только по научным результатам без учета биографий исследователей и эпох. Факты биографий надо сохранять, отводя им другой уровень анализа, но с возможностью перехода с одного уровня на другой.

Многие идеи Лейбница кристаллизовались не только в его бескомпромисной полемике, но и в его многочисленной переписке. Его издательская деятельность была не только фактом биографии, но и элементом творческой эволюции. Так, Лейбниц издает работу гуманиста ХУ1 столетия Мария Низолия. В самом факте издания этой работы и в предисловии к ней, написанном Лейбницем, переплелось множество личностных, биографических элементов с идейными позициями и, в частности, как я думаю, с его анти-психологиетическими установками. Какие факты биографии Лейбница и как проявились в этом издании?

Финансовое положение и социальный статус Лейбница были таковы, что он нуждался в покровителе, меценате. Издание работы Мария Низолия «Об истинных принципах и истинном методе философствования против псевдофилософов» Лейбниц предпринимает по просьбе своего мецената барона Бойнебурга, которому, кстати, и посвящает издание. В свою очередь, "издание Низолия служит Лейбницу поводом для того, чтобы впервые обстоятельно и публично высказать свое отношение к культурному наследию прошлого и к тем спорам вокруг него, которые будоражили ум его современников и ближайших предшественников" (Майоров, 1984, е. б).

По-видимому, во времена Лейбница издательская деятельность была не слишком в большом почете, если не более того. Поэтому Лейбниц начинает свое предисловие с оговорок. Он ставит в известность "благосклонного читателя" о том, что он, Лейбниц в курсе того, что издание чужих сочинений рассматривается как "занятие унизительное и презренное". Реабилитирует свою издательскую деятельность Лейбниц при помощи аналогий. Он сообщает все тому же читателю, что в издательском деле него были серьезные предшественники. Это и авторы Священного писания, которые "довершали, издавали и продолжали созданное их предшественниками" (Лейбниц, 1984, т.Ш, с. 55), это и благородный Ксенофонт, опубликовавший "Историю" Фукидида и многие другие достойные люди.

Таким образом, вначале факт биографии стал причиной публикации Низолия, затем, решив, в первую очередь, проблемы личностного, биографического, престижного характера, Лейбниц приступает к исследованию идей Низолия в качестве "повода" для изложения собственных идей. Если рассматривать ориентацию на учет биографии мыслителя (или даже эпохи) при исследовании различных теоретических концепций как один из элементов проявления психологизма (я надеюсь показать в дальнейшем, что так оно и есть), то, думаю, плоха не **подобная** ориентация сама по себе, а отношение к ней как исключающее все другие подходы. В этом смысле Плинг и Лазрций не исключают, а взаимодополняют друг друга. Биография мыслителя не отделена от его идейного развития и от биографии эпохи. Другое дело, что

критерии использования индивидуальных биографических фактов для анализа идейного развития вовсе не однозначны и должны, по-видимому, включать в себя, в том числе, ограничения этического плана:

Точно так же биография эпохи. Ее менталитет самым непосредственным образом врывается в личную жизнь мыслителя и в его творческую биографию. Фактически это совершенно явным образом выражал и сам Лейбниц. Его защита идей Аристотеля, - стремление примирить Стагирита с новейшими философами и доказать его непричастность к "нелепостям схоластики" базируется, в первую очередь, на новом прочтении Аристотеля. Одновременно Лейбниц вовсе не отрицает всю средневековую схоластику. Он выступает против старого (схоластического) метода философствования в современных условиях. Он не принимает аргументы аристотелегонителей. "Ведь нельзя умолчать и о несправедливости тех, кто столь резко обличает ошибки того времени, ибо, доведись вам жить в ту эпоху, и вы бы думали не так, как теперь" (там же, с.88). Что это, как не выражение зависимости мыслителя от менталитета эпохи? Лейбниц углубляет эту мысль, он показывает зависимость публикации и перевода лучших писателей и философов от общественно-политических условий. Иногда очень трудно вычленить факты биографии эпохи в той или иной теоретической концепции. Приведу пример, которой уже упоминался и еще будет появляться на страницах данной работы.

Одной из важнейших и принципиальных установок, связанных с разработкой логической семантики, был антипсихологизм (см.Смирнова, 1990, с.5). Обсуждение ряда семантических проблем можно найти и у Гоббса, и у Лейбница. Но, конечно, формирование современной логической семантики связано с именами мыслителей XX века: Г.Фреге, Б. Рассела, С. Лесневского, К.Геделя, Р.Карнапа, целого ряда других мыслителей. Современная логическая семантика немыслима без имени А.Тарского, который дал классическое определение понятия истины для формализованных языков. Классическим стал анализ предложения "Снег бел". Тарский использовал его в своем определении понятия истины. Нельзя представить себе современного исследователя, занимающегося проблемами истинности в любом из ее аспектов, который не сравнивал бы свою концепцию с концепцией Тарского. Предложение же "Снег бел" стало как бы визитной карточкой любой теории истины. Почему именно оно? Почему, совершенно независимо от Тарского, издавшего свою работу "Понятие истины в формализованных языках" в 1935 году, представители психологизма, например, филолог ДНОвсянико-Куликовский в работе, написанной в начале века, анализирует проблемы истины, используя то же самое предложение? Я могу согласиться с тем, что для построения теоретической концепции истины ответ на этот вопрос несущественен. Но, думаю, он существенен для исследования истории формирования идей, для сквозного анализа разных эпох и разных наук, для понимания менталитета эпохи. Ответ же на этот конкретный вопрос можно, как представляется, найти в параграфе, посвященном Локку.

Отношение Лейбница к проблемам места фактов биографии мыслителя в биографии

идей – это частный эпизод как в лейбницевском антипсихологизме, так и в антипсихологизме всего нового времени. Основные антипсихологистические идеи Лейбниц все-таки выразил в своих гносеологических и методологических установках. Он, как и его предшественники, занимался разработкой общих оснований науки, искал безусловные критерии истинного научно-теоретического знания, независимого от индивидуальных способностей познающего субъекта.

Сохранился план его книги о началах и образцах всеобщей науки. В этой книге Лейбниц предполагал разработать систему, "с помощью которой, приложив усердие, люди могли бы безошибочно судить об истине или по крайней мере о степени вероятности и смогли бы все, что находится в человеческой власти или могло бы быть выведено из данных человеческим умом, открывать посредством надежного метода..." (Лейбниц, 1984, т.Ш, с.435). Возможность построения такой системы и такого метода Лейбниц связывал с объективным характером процессов мышления и созданием "универсальной характеристики". Все науки, по Лейбницу, могут быть сведены к исчислению, что создаст условия для оценки их в числах. Это поэтапный процесс сведения: физику можно свести к геометрии, благодаря анализу Виёта оказалось, что "вся геометрия сводится к простой арифметике" (там же, с.452). Наконец, в числах выразимы все понятия, ибо, по Лейбницу, "Бог устроил все согласно весу, мере и числу..., нет ничего такого, что не допускало бы выражения через число" (там же, с.412). Отсюда вытекает идея Лейбница о создании алфавита человеческих мыслей, благодаря которому станет возможным выведение всех произвольных понятий и упорядочение человеческого знания в целом. Тогда из процесса получения достоверного аналитического знания будут полностью исключены любые психологические зависимости, чувственная локковская интуиция, а внимание полностью сосредоточится на логических зависимостях между предложениями и выводах одних предложений из других. Лейбниц исходил из того, что то или иное предложение имеет силу "из чисто логических доводов" без обращения к какой-либо эмпирии. Всякая научная истина, по Лейбницу и согласно общей позиции антипсихологизма, формальна и ее можно доказать **apriori.** Всякая сложная истина сводима к более простому виду, к тождественному предложению. Знание, истины которого представляют собой тождество, является теоретическим знанием, в котором субъекты тождественны предикатам. Наконец, установление правил оперирования с числами позволит не только доказывать, но и открывать новые истины.

В своем постоянном споре с Локком Лейбниц не отрицал роль наблюдения и опыта в процесс познания, но оценивал его совсем по другим черкам. Лейбниц считал, что в результате эмпирической деятельности получаются "случайные истины", "или истины факта". Фактуальные же предложения не могут быто названы тождественными истинами, ибо для них нельзя предложить такую процедуру доказательства, в которой можно было бы установить тождество субъекта и предиката, пользуясь только логическими средствами. "Таким образом, – считал Лейбниц, – следует признать, что опыт не всегда убеждает нас в своей безусловной

10-Зак.17Ь

универсальности и еще менее убеждает нас в своей необходимости" (Лейбниц 1983 т.П, с.554).

Принципы правильного философствования, по Лейбницу, может дать только логика, которая формулирует общие правила, позволяющие отличить истину от лжи. Она же предлагает "исследование одновременно и правил мышления, и стиля речи, пригодного для передачи мысли,..." (Лейбниц, 1984, т.Щ, с.81). Доказательность мышления позволит, наконец по Лейбницу, избавиться от споров, которые характеризовали всю предшествующую философию. Знаменитое лейбницевское "Давайте посчитаем!" "В результате, когда возникали бы споры, нужда в дискуссии между двумя философами была бы не большей, чем между двумя вычислителями. Ибо достаточно было бы им взять в руки перья, сесть за свои счетные доски и сказать друг другу (как бы дружески приглашая): давайте посчитаем" (там же, с.497),

Для Лейбница, философский язык - это строгий язык, из которого должны быть изгнаны все "туманные выражения". Он должен быть ясным и отчетливым, доказательным и определимым. Все неопределенные термины, по Лейбницу, должны быть отлучены от философии, в многозначных же словах следует найти такое значение, из которого можно было бы выводить все другие употребительные значения. В отличие от Локка, Лейбниц "душу человеческого познания" видит в абстрактных понятиях, отвлеченных от конкретных образов (см. там же, с.453), а в соотношении общих терминов и индивидуальных считает, "что все имена собственные, или индивидуальные, были первоначально нарицательными или общими" (Лейбниц, 1983, т.П, с.276).

Существенное место в характеристике философских рассуждений Лейбниц отводит взгляду, точке зрения, которые отличают философов от всех других людей. Философы могут видеть те же самые вещи, что и другие люди, но они их видят по-иному, дают им точные наименования в слове. Как и у Гоббса, у Лейбница процедура наименования в слове двузначна. Слово может быть "меткой для моей собственной памяти и знаком суждения для остальных" (Лейбниц, 1984, т.Щ, с.70).

Кант, упрекая Лейбница за то, что он создал слишком интеллектуальную систему мира, писал, что Лейбниц интеллектуализировал явления, подобно тому как Локк сенсифицировал все рассудочные понятия, считая их эмпирическими понятиями (см. Кант, 1964, т.Щ, с.320). В качестве метода "интеллектуализирования явлений" и построения теоретического знания Лейбниц наряду с "универсальной характеристикой" предлагал еще акроаматический метод. "...Все, что может быть сказано о характере философского стиля, должно быть отнесено к акроацатическому методу" (Лейбниц, 1984, т.Щ, с.75). Суть этого метода заключается в том, что он состоит из дефиниций, доказательств, -ясного и отчетливого языка. Этот абсолютно строгий и точный метод не приемлет таких рассуждений, в которых лишь фиксируется внимание, напоминается о других мыслях, не являющихся предметом рассмотрения в данный момент. Последний способ рассуждения характерен, по Лейбницу, для

экзотерического стиля речи, которому принадлежат, в числе других элементов, вопросы. Как и во всяком ином антипсихологизме, в концепции Лейбница нет места вопросам, ибо они не вписываются в "универсальную характеристику" и в "исчисление понятий".

Каким же образом Лейбниц обосновывает свою позицию? Ведь он не может отрицать реального факта существования вопросов.

Да, Лейбниц признает, что вопросы существуют. Но рассматривает это лишь как временное явление, которое должно постепенно уйти вместе с развитием акроаматического метода и аналитического исследования. Фактически Лейбниц предлагает общую классификацию вопросов, которая в своей основе совпадает с современными логическими и лингвистическими классификациями вопросов. Вопросы для Лейбница являются чем-то средним между идеей и предложением. Идея представляет собой "нечто такое, что находится в нашем уме" (там же, с. 108). В свою очередь, "предложение есть то, что выражает тот факт, что из двух атрибутов, или терминов, вещей один, который называется предикатом, содержится в другом, называемом нами субъектом, причем так, что, чему приписывается субъект, тому же должен быть приписан и предикат" (там же, с. 419-420). Так вот, вопросы, на которые требуется в качестве ответа только "да" или **"нет"** (это ли-вопросы в современных классификациях), Лейбниц считает наиболее близкими к предложениям. Те же вопросы, в ответах на которые необходимо **изложить** "обстоятельства дела" (почему-вопросы в современных классификациях), требуют намного больше усилий для превращения их в предложения. Самостоятельного значения вопросы и стиль речи, основывающийся на них, для антипсихологиста Лейбница не имеют (см. Лейбниц 1983, т. II, с. 364).

"Универсальная характеристика", или, как ее иногда называет Лейбниц, "философская характеристика", постепенно избавит людей от необходимости задавать вопросы. В искусстве открытия, получения нового знания вопросы Лейбниц отнес к комбинаторике, получение же ответов - к аналитике. Так вот, постепенно, по Лейбницу, "слава комбинаторного **искусства** померкнет окончательно", а процедура открытия "станет общедоступной" (см. Лейбниц. 1984, т. III, с. 395-398).

В каком-то смысле, я думаю, отношение к вопросам можно рассматривать в качестве своеобразной лакмусовой бумажки для определения позиции мыслителя в рамках антитезы "психологизм-антипсихологизм". Психологизм склоняется к пониманию вопросов как важного **элемента** процесса познания, антипсихологизм стремится минимизировать или совсем убрать вопросы из **процесса** познания. В этом смысле весьма показательна позиция **Канта**, который между акроаматическим и эротематическим (вопросительным) методами, не отрицая роли первого, часто отдает предпочтение второму, который провозглашает антипсихологизм, но склоняется к своеобразной форме психологизма. Но прежде, чем перейти к анализу позиции Канта в этом контексте, некоторые выводы по поводу антипсихологизма Лейбница.

Программа Лейбница, как я думаю, в контексте анализа проблем

"психологизм-антипсихологизм", может быть рассмотрена как последовательно оформленная антипсихологистическая программа. Реформа всей системы знания строится Лейбницем, во-первых, на базе исключения субъекта из процесса получения нового знания, во-вторых, на основе использования двух важнейших инструментов: универсального научного языка (character^universalis) и исчисления мышления (calculus ratiocinator). Основная цель Лейбница совпадает, как это будет показано далее, с общей программной установкой всего антипсихологизма в целом, как-то: убрать барьер между индивидуальными высказываниями субъектов, достичь общности в мышлении и получить исчисление для формирования новых научных идей.

Однако логическая программа Лейбница (а затем и программа всего антипсихологизма, что опять-таки будет показано в дальнейшем анализе), оказалась невыполнимой ввиду невозможности представить любое понятие как составленное из элементарных и ограниченных иетинными "характеристическими числами". Несостоятельной оказалась и "типично метафизическая концепция Лейбница о сведении всего содержания человеческого мышления к определенному конечному числу формальных математических исчислений" (Стяжкин, 1967, с. 41).

Подводя итоги анализа тенденций развития психологизма-антипеихологизма в философии нового времени, я хотела бы подчеркнуть следующие моменты:

- декартовский принцип ясности и отчетливости мышления в силу его неоднозначности становится руководящим принципом в логико-философских исследованиях как психологистов, так и антипсихологистов. Полное обоснование наук связывается Декартом с философией, в качестве образца для реформирования которой рассматривается логика, алгебра и геометрия. Вместе с тем реформированная философия не только позволяет открывать истины в других науках, но и не исключает субъекта, дает направление всей человеческой жизни;
- психологизм Локка проявляется в тенденции сведения всей интеллектуальной деятельности человека к чувственному созерцанию, так, чтобы каждому употребляемому понятию соответствовал вполне определенный чувственно воспринимаемый объект; в сведении интеллекта к различным формам проявления человеческой психики. Кроме того, психологизм проявляется в том, что проблема достоверности и объема знания связывается исключительно с познавательными способностями человека, предлагается психологистическая трактовка гносеологии, логики и языка, идеи рассматриваются в конечном счете как составляющие элементы психического мира познающего субъекта;
- антипсихологизм Гоббса и Лейбница выражается в том, что они трактуют интеллектуальную деятельность и мышление подобно вычислению, которое независимо от мира наблюдаемых фактов и внутреннего состояния познающего сбъекта. Они предлагают антипсихологистическую трактовку гносеологии, логики и языка. Оба мыслителя разрабатывают принципы правильного философствования, которые базируются на логике, независимой от познающего субъекта и имеющей форму некоего

математического знания. Соответственно, в качестве образцового знания рассматривается знание логико-математического типа;

– отношение к вопросительным формам рассуждения часто оказывается своеобразным "тестом", позволяющим выявить позицию исследователя внутри антитезы "психологизм-антипсихологизм".

В этом контексте рассмотрения, я думаю, важно подчеркнуть следующее: из этих двух- тенденций философии нового времени антипсихологистические выводы Гоббса и Лейбница не имели вплоть до начала XX века, когда антипсихологизм занял лидирующее положение в логике и методологии науки, общественного резонанса. Тогда как психологистическая тенденция, выраженная Локком, получила широкое распространение.

Прчина этого, как мне представляется, кроется в стремлении философов и ученых данного периода дать естественнонаучную характеристику знания в целом, придав ему форму чего-то осязаемого, практически (опытно) получаемого, то есть подведя под все знание фундамент некой подлинной реальности, в качестве которой выступало ощущение, "а не какая-то априорная форма знания, независимая от познающего субъекта.

Поэтому для построения системы научного знания необходимо было найти, с точки зрения философов – последователей Локка, такую теоретическую дисциплину, предметом которой являются непосредственно ощущения и которая поэтому создает фундамент для построения всей системы научного знания. В качестве такой дисциплины стала рассматриваться теоретическая психология. Попытки построения систем таким образом понятого научного знания в XIX веке были предприняты Миллем и Зигвартом как лидерами психологизма в логике и теории познания, а затем и их последователями. В кристаллизации же позиций антипсихологизма существенную роль сыграл Кант.

Можно ли считать Канта антипсихологистом? Если да, то в чем выразился его антипсихологизм? Если нет, то каким образом он оказал влияние на формирование антипсихологистической позиции, не будучи антипсихологистом?

Ответы на эти вопросы можно найти в следующем параграфе.

3.6. КАНТОВСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРОБЛЕМАМ ПСИХОЛОГИЗМА-АНТИПСИХОЛОГИЗМА

В кантоведческой литературе, как это верно отмечает В.Н.Брюшинкин, серьезному исследованию при анализе истоков трансцендентальной философии обычно подвергаются ее философские и естественнонаучные предпосылки. Между тем "содержание ряда идей трансцедентальной философии обусловлено Кантовской интерпретацией формальной (общей) логики..." (Брюшинкин, 1986, с.29).

Сложившаяся к XVIII веку европейская философская традиция поиска единственно истинной методологии научного познания и- трактовка логики как важнейшего и

обязательного условия ее построения нашла свое отражение и в критической философии Канта. Кант определял свою критику в первую очередь именно как трактат о методе, а не как систему самой науки. Вся теоретическая философия Канта детерминировалась стремлением построить единую теорию науки. "Она исходит из факта науки и ищет ее логические основы" (Бакрадзе, 1977, т.1У, с.351). В свою очередь, поиски логических основ науки с необходимостью должны были привести Канта к выражению своего отношения к антитезе психологизма-антипсихологизма. В силу чего возникла такая необходимость?

Среди многочисленных направлений в логике (логика формальная, материальная, Силлогистическая, индуктивная, функциональная и реальная, теоретическая и нормативная, логика как теория искусства мышления и как техническое учение о методе, психологистическая и антипсихологистическая и так далее), оформившихся к моменту начала работы Канта над построением трансцендентальной логики, ведущее место занимала именно психологистическая логика.

Основные посылки психологизма в логике и теории познания заключаются в следующем: логика является наукой о мышлении, мышление принадлежит к области ведения психологии, поэтому теоретический фундамент логики находится в психологии, сама же логика направлена на исследование научного знания, трактуемого субъективно-психологически.

Такая характеристика задач логики и теории познания в докантовском психологизме, зафиксированном, в частности, в учебниках по логике, заставляет Канта выразить свое отношение к этой проблеме. В предисловии ко второму изданию "Критики чистого разума" он, перечисляя те изменения, которые сделаны во втором издании по сравнению с первым, специально выделяет расширение аргументации своей критики психологизма. Он пишет: "Действительным прибавлением, однако лишь в аргументации, я бы мог назвать только новое опровержение психологического идеализма и строгое (как я полагаю единственно возможное) доказательство объективной реальности внешних созерцаний" (Кант, 1964, т.Щ, с. 101). Итак, своеобразное решение теоретико-познавательных проблем в рамках психологизма вынуждает Канта выразить свое отношение к этому направлению в логике и теории познания.

Следует отметить, что проблема психологизма-антипсихологизма была тесно связана с другой теоретико-познавательной альтернативой: эмпиризмом-рационализмом. Отношение Канта к этой антитезе подробно проанализировано в кантоведческой литературе. В данном случае для меня важно именно развести эти родственные, но различные альтернативы.

Основной вопрос антитезы "психологизм-антипсихологизм" – это вопрос об основаниях логики и знания; основной же вопрос антитезы "эмпиризм-рационализм" – это вопрос об источнике знания. Вместе с тем эти альтернативы решают и какие-то общие проблемы, например, вопрос о путях развития знания. Ответы, к которым приходят в каждой альтернативе, а, соответственно, и предпосылки вопросов,

разные. Предпосылкой данного вопроса для эмпиризма-рационализма является утверждение о наличии чувственного или рационального пути познания, для психологизма-антипсихологизма – утверждение о зависимости мышления, путей познания от индивидуальной психологии или от каких-то объективных, независимых от познающего субъекта реальностей.

Несмотря на то, что наиболее последовательный психологизм в логике и теории познания связан с именами крупнейших представителей эмпиризма, а, в свою очередь, антипсихологизм чаще всего ассоциируется с именами рационалистов, эмпиризм может вполне уживаться с общей антипсихологистической направленностью в понимании логики и знания. Так, эмпирик Гоббс занимал антипсихологистическую позицию, а в целом рационалистическая и декларируемая как антипсихологистическая позиция Канта, как это будет показано в дальнейшем анализе, в процессе своего развития пришла к противоположному результату: кантовская логика и теория познания оказались специфической формой психологизма, формой рационалистического психологизма.

В классической, как бы эталонной форме, идеи антипсихологизма были выражены Гуссерлем в его "Логических исследованиях". Поэтому, я думаю, уместно кантовское отношение к проблемам психологизма сравнить с гуссерлевским. Вот одна из оценок Гуссерлем кантовского отношения к проблемам психологизма. "Известно, что теория познания Канта в некоторых отношениях стремится выйти за пределы психологизма душевных способностей, как источников познания, и, действительно, выходит за их пределы. Но здесь для нас важно, что она в других отношениях сильно вдается в психологизм... Ведь трансцендентальная психология тоже есть психология" (Гуссерль, 1909, с.80). Теории эмпиризма, в которых логические законы трактуются как эмпирико-психологические законы, и теории рационализма, которые видят основу логических законов в свойствах "сознания вообще", могут быть отнесены к психологизму. Поэтому, я думаю, не следует рассматривать антитезу психологизма-антипсихологизма как вид или частный случай альтернативы эмпиризма-рационализма.

Таким образом, позиция, занимаемая относительно вопроса о "философском уяснении" основ логики и гносеологии, тесно связана, хотя и не совпадает, с позицией относительно "чувственного или рационального пути познания". Однако сама взаимосвязь вынуждает Канта выразить свое отношение к каждой из альтернатив. В дальнейшем анализе меня будет интересовать отношение Канта к первой из этих альтернатив.

В истории развития "чистого разума" Кант выделяет основные спорные вопросы, знаменовавшие собой перевороты в метафизике. Эти вопросы, с точки зрения Канта, касались следующих проблем: выделения предмета познания, происхождения познания и, наконец, метода познания (Кант, 1964, т.Ш, с.692-695). Следует отметить, что эти вопросы представляли собой единую систему. Ответ на один из них детерминировал ответы на два других вопросов, и все вместе они связывались с той

или иной трактовкой логики и знания.' При этом логика строилась в качестве важнейшего инструмента познания. Фактически, как это уже отмечалось, такое отношение к традиционной (общей) логике сохраняется и у Канта. Он использует формальную логику как средство, при помощи которого "строит трансцендентальную аналитику, анализирует категории и связи между ними, так что "общая логика", о которой ... пишет Кант, - это логика формальная в свойственном ей "каноническом", то есть обычном применении, а логика трансцендентальная - это та же формальная логика, но уже в гносеологическом ее использовании Кантом" (Нарский, 1976, с.58).

Роль, которая отводилась Кантом логике, никак не совпадала с ее психологистическим истолкованием. Для Канта психология была "метафизикой мыслящей природы", она принадлежала области собственно эмпирического естествознания и не могла ответить на вопросы, связанные с анализом априорного пути познания. "Следовательно, - делает вывод Кант, - эмпирическая психология должна быть совершенно изгнана из метафизики и уже совершенно исключена из нее самой идеей метафизики... Она лишь пришелец, который пользуется приютом до тех пор, пока не создаст себе собственное жилище в обстоятельно разработанной антропологии (составляющей подобие эмпирического учения о поиооде)" (Кант, 1964, т.Щ, с. 691).

Задача логики совершенно иная. Она должна обеспечить теоретические основы науки и одновременно стать пропедевтикой любого употребления рассудка. Логика, с точки зрения Канта, позволяет собрать разрозненные сведения о предметах в единое целое. Он считал, что предмет общей логики был верно определен уже в древнейшие времена, то есть во времена Аристотеля, поэтому логика является "наукой вполне законченной и завершенной" (там же, с.82). Отсюда ясно, что для Канта было недопустимым расширение логики через включение в нее психологических разделов о различных познавательных способностях индивида. Он утверждал, что смешение различных наук, например, логики и психологии, ведет лишь к искажению каждой из них.

Логика Канта - этот канон для оценки полученного знания. Она "не может проникать в науки и предвосхищать их материю" (Кант, .1980, с.321). Кант критикует попытки использования логики "как бы в качестве органона для действительного создания по крайней мере видимости объективных утверждений..." (Кант, 1964, т.Щ, с. 161). Он считал, что подобные попытки могут принести логике и процессу познания только зло. Использованная tarn* образом логика оказывается лишь логикой видимости, что эквивалентно софистическому искусству "придавать своему незнанию или даже преднамеренному обману вид истины", подражая основательному методу, предписываемому вообще логикой... для прикрытия всяких пустых утверждений" (там же, с. 161). Такое использование логики в качестве видимости расширения знания для Канта недопустимо. Свои теоретические рассуждения о предмете логики он использовал для того, чтобы доказать, что

логика, будучи каноном рассудка и разума, не может заимствовать свои законы и принципы из какой-либо другой науки или из опыта, что она основывается ш законах **a priori**, а поэтому в логику недопустимо вводить какие-либс психологические принципы

Ход его рассуждений выглядел следующим образом Логические законы не могут основываться на принципах психологии потому, что сама психология вырастает из непосредственных эмпирических наблюдений над индивидуальным рассудком Такие наблюдения ведут к тому, что мы можем ответить на вопрос о том, как происходит процесс мышления при тех или иных индивидуальных субъективных условиях Такой путь ведет, с точки зрения Канта, к познанию случайных законов, что противоречит основной задаче логики как канона, регламентирующего то, как надо мыслить. "Поэтому правила логики, – доказывал Кант, – следует черпать не из случайного, а из необходимого применения рассудка, которое находят у себя помимо всякой психологии" (Кант, 1980, с. *322*). Для Канта логика выступала в качестве той науки, которая позволяла систематически перечислить все возможные действия разума, обеспечить условия для достижения обстоятельности в процессе познания. Сложившаяся же психологическая традиция противоречила фактам познания, не согласовывалась с реальным развитием математики и естествознания

Декларируемый Кантом антипсихологизм сыграл существенную. роль в формировании классической формы антипсихологима Во введении к первому тому "Логических исследований" Гуссерль выделил те основополагающие идеи, которые были положены им в фундамент построения антипсихологистической логики и теории познания. В числе таких идей он особенно подчеркнул роль кантовского положения о недопустимости смешения различных областей знания. Свою задачу Гуссерль как раз и видит в том, чтобы очистить логику, теорию познания от любых элементов психологии Кант и Гуссерль единодушны в том, что именно смешение в одно целое таких разных наук, как логика и психология, – приводит к существованию психологизма в теории познания.

Гуссерль ставит перед собой задачу разобраться в традиционных разногласиях между психологизмом и антипсихологизмом Вместе с тем он, как и Кант хочет построить новую теоретическую науку, которая будет носить априорный и демонстративный характер, вскроет сущность процесса познания. Важнейшее препятствие для построения такой науки Гуссерль видел в господстве психологизма в логике и теории познания. Сама же теоретическая дисциплина, которую он собирался построить, "и есть та наука, которую имел в виду Кант и другие представители "формальной" или "чистой" логики..." (Гуссерль, 1909, с. 5).

Таким образом, уже во введении к "Пролегоменам к чистой логике" Гуссерль специально подчеркивал влияние Канта на формирование своей антипсихологистической позиции, общность теоретико-познавательных задач. Конечно, Гуссерль обращал внимание и на непоследовательность антипсихологизма Канта, однако для него важно то, что именно Канту принадлежит попытка первого

систематического проведения антипсихологистической позиции в логике и гносеологии

Вместе с тем Гуссерль вполне справедливо находит в антипсихологистических рассуждениях Канта элементы психологизма Такие элементы психологизма есть в кантовских рассуждениях о нормативном характере логики Кант, доказывая „ независимость логики от психологии ее априорный и чисто демонстративный характер выступал против характеристики логики как технического учения Однако трактовка им логики как канона как некоей нормативной науки снижала с точки «зрения Гуссерля ценность рассуждений о логике как теоретической дисциплине

Гуссерль рассуждал следующим образом: каждая норма должна обладать определенным теоретическим содержанием которое может быть отделено от самой нормы Тогда оказывается, что теоретическое содержание принадлежит некоторой теоретической науке детерминирующей нормативную науку В гуссерлевской концепции основной смысл долженствования связывается с определенными желаниями требованиями приказаниями которые в свою очередь предполагают некоторую оценку совершенных действий» Фактически нормирование включает в себя некоторые социально-психологические характеристики оценки позволяющие отличить хорошее от плохого "В теоретических же дисциплинах – утверждал Гуссерль – наоборот отсутствует эта центральная связь всех исследований с основной мерой ценности как источником преобладающего интереса нормирования" (там же с.38).

Все это свидетельствует о том что кантовское положение о нормативном характере логики о логике как каноне не является основанием для радикальной критики психологизма Более того аргумент нормативизма вполне устраивал психологистов которые утверждали что необходимое употребление разума есть лишь частный случай употребления его вообще Следовательно нормативное употребление разума тоже принадлежит сфере ведения психологии

Непоследовательность антипсихологистической позиции Канта Гуссерль , вскрывает обращаясь непосредственно к аргументации психологистов "Вопрос о том что должно делать можно свести к вопросу о том что нужно делать для достижения определенной цели; а этот вопрос в свою очередь равнозначен вопросу п том как эта цель фактически достигается" (там же с.47) – цитирует он липпса Гуссерль доказывал что кантовская критика психологизма недостаточна что его "чистая логика" не вполне удовлетворяет требованиям которые формулировались исходно при ее построении

Важнейшую ошибку всех предшествующих антипсихологистов Гуссерль видел в том что они неправильно понимали сущность и основные задачи логики Трактовка логики как регулятора познания не позволяла им с точки зрения Гуссерля определить действительно теоретический характер логики

В кантовском же априоризме Гуссерль как бы выделяет отчасти правильные отчасти неправильные утверждения Он принимает кантовское деление логики на чистую и прикладную но не принимает его "психологистических предрассудков"

Гуссерль согласен с Кантом в главной тенденции, но мы не думаем, - писал Гуссерль, - что он (Кант - Г.С.) ясно прозрел сущность задуманной дисциплины и сумел в ее изложении учесть ее надлежащее содержание» (там же, с. 186)«

Гуссерль относит кантовский психологизм к особой форме психологизма, который исходит из антропологически истолкованного априоризма Да, Канта не устраивает идущая от Локка практика субъективно-психологического анализа человеческого познания. Вместе с тем он сам постулирует, что протекающее **ш priori** познание позволяет узнать о вещах лишь то, что вложено в них нами самими" (Кант; 1964, т.Ш, с.88]. В данном важнейшем положении кантовской философии детерминируется зависимость знания от познающего субъекта Этот постулат кантовской философии позволяет выявить его непоследовательность, в частности, в антипсихологистической позиции Кантовское утверждение о том, что в априорном, то есть независимом от опыта и всех чувственных впечатлений познании, объектам может приписываться только то, "что мыслящий субъект берет из самого себя» (там же, с.91), свидетельствует о реальном психологизме кантовской гносеологии Из утверждения зависимости процесса познания от структуры сознания познающего субъекта мо^но было вывести, что "для каждого вида судящих существ истинно то, что должно быть истинно сообразно их организации, согласно законам их мышления" (Гуссерль, 1909, с. 101).,

Антропологический априоризм приводит к тому, что кантовский предметный мир оказывается зависимым от человеческого сознания. Получается, что предметный мир детерминируется познающим субъектом, которого, правда, Кант называет трансцендентальным субъектом, всеобщий и необходимый характер научного знания, - структурой сознания. Со всей определенностью можно сказать, что "вместо логических условий знания Кант устанавливает психологические условия знания" (Бакрадзе, 1977, т.1У, с, 400).

Неоднозначность кантовского отношения к проблемам психологизма-антипсихологизма связана, как мне представляется, с тем, что, с одной стороны, абсолютизация принципов психологизма уже во времена Канта становилась очевидным тормозом на пути развития научно-теоретического знания, что заставляло Канта выступить с критикой психологизма С другой стороны, анализ проблем познания приводил Канта к утверждению о необходимости введения и сохранения субъекта в процессе получения знания. Кантовский анализ выявлял тот факт, что "познание метины происходит не путем элиминации структур, чуждых познаваемому объекту, а наоборот, - за счет максимального развертывания тех "субъективн? способностей", которые обеспечивают возможность теоретического познания" (Гайденко, Смирнов, 1989, с. 28). Это, в свою очередь, приводило к сохранению некоторых принципов, декларируемых психологизмом, делало кантовский априоризм антропологическим Антропология вообще занимала существенное место в философии Канта. В чем это выразилось?

Кантовский антропологизм -непосредственно связан не только с его

логико-гносеологической концепцией, о которой говорилось ранее, но и с его концепцией воспитания и образования. Последняя же концепция во многом ориентирована на анализ вопросно-ответных процедур в процессе воспитания и образования. Если рассматривать отношение к вопросам и ответам в философской системе как своеобразный "тест" на психологизм, то и в этом случае, как я думаю, становится очевидным, что Кант лишь декларирует антипсихологизм, но реально склоняется к психологизму.

Итак, антропологизм лежит в фундаменте еще одной важной проблемы кантовской философии. Кант исследует вопрос о том, как можно помочь человеку занять подобающее ему место в мире, более того, среди всех наук он выделил именно ту науку, "из которой можно научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком" (Кант, 1964, т.П, с.206). Именно поэтому три основных вопроса, при помощи которых он определял сферу философии в целом:

Ч." Что я могу знать?

2. Что я должен делать?

3. На что я смею надеяться? - Кант считает возможным свести к антропологии, к вопросу о том, "Что такое человек?" (Кант, 1980, с.332). Познавательные способности человека, проблемы воспитания, образования исследовались Кантом в контексте поиска ответа на этот основополагающий для него вопрос.

Изменения во внутреннем мире человека должны, по Канту, привести к такому состоянию, когда он, наконец, обретет "мужество пользоваться собственным умом" (Кант, 1966, т.У1, с.27). Для этого человеку, в частности, необходимо научиться отвечать на другие три вопроса, которые, по Канту, вскрывают познавательные способности человека:

"Чего я хочу? (спрашивает рассудок).

От чего это зависит? (спрашивает способность суждения]

К чему это ведет? (спрашивает разум)" (там же, с.470).

Возможные ответы на каждый из этих трех вопросов характеризуют разные способности познающего человека. Тогда как умение отвечать на все три вопроса и выполнение в качестве незыблемых следующих трех максим:

"1. Думать самому.

2. Мыслить себя (в общении с людьми) на месте любого другого.

3. Всегда мыслить в согласии с самим собой" (там же, с.471) характеризуют, и как бы задают, особую группу людей: "класс мыслителей".

Формирование "класса мыслителей" - это конечный результат всей системы образования и воспитания. Мыслители уже не пользуются готовыми ответами, не живут по принципу, "если у меня есть книга, мыслящая за меня, если у меня есть духовный пастырь, совесть которого может заменить мою, и врач, предписывающий мне такой-то образ жизни, и т.п., то мне нечего и утруждать себя" (там же, с.27). Мыслителю нужна свобода, он должен думать самостоятельно. Вместе с тем

Кант строго различал стремление к самостоятельному мышлению и необходимость выполнения долга на государственной службе. В рамках исполнения закона и долга человеку следует использовать готовые ответы, ибо их распространение как раз и входит в его функции. Любой человек на службе "не может быть свободным, так как он выполняет чужое поручение" (там же, с. 31). Этот же человек в качестве ученого-мыслителя "располагает неограниченной свободой пользоваться своим разумом и говорить от своего имени" (там же, с.31). Эта мысль проводится Кантом в работах "Ответ на вопрос: Что такое просвещение?", "Спор факультетов", "Антропология с прагматической точки зрения", в других работах.

Система образования, - считал Кант, - должна быть направлена на то, чтобы развить природные способности человека, помочь ему достичь своего назначения в жизни. Среди методов развития человеческих способностей Кант выделял искусство задавать вопросы и находить на них правильные ответы. "Умение ставить разумные вопросы есть уже важный и необходимый признак ума или проницательности. Если вопрос сам по себе бессмыслен и требует бесполезных ответов, то кроме стыда для вопрошающего он имеет иногда еще тот недостаток, что побуждает неосмотрительного слушателя к нелепым ответам и создает смешное зрелище: один (по выражению древних) доит козла, а другой держит под ним решето" (Кант, 1964, т.Ш, с. 159).

Кантовские идеи о месте вопроса и ответа в структуре образования представляют собой особый интерес не только как идеи великого мыслителя, но и как обобщение практики работы педагога, который в течение семи лет работал домашним учителем, а затем сорок один год преподавал в университете. Количество лекционных курсов и предметов, прочитаных Кантом, не может не поражать любого современного педагога. "За годы работы в университете Кант прочитал 268 лекционных курсов; в том числе логику 54 раза, метафизику - 49, физическую географию - 46, этику - 28, антропологию - 24, теоретическую физику - 20, математику - 16, право - 12, энциклопедию философских наук - 11, педагогику - 4, механику - 2, минералогию - 1, теологию » Г (Гулыга, 1977, с.247).

Кант-педагог непосредственно связан с Кантом-мыслителем. Поэтому и вопросы педагога, и вопросы мыслителя в конечно счете должны быть как-то связаны между собой. Так как у Канта нет специальной работы, посвященной данной проблеме, то правильнее было бы в этом случае, как, впрочем, и в других, говорить о том, что, по выражению Фихте, удалось "вычитать из него" (Фихте, 1914, с. 17).

В работах Канта, как я полагаю, можно выделить два типа допросов: глобальные, метафизические, м учебные, педагогические. Это разделение существенно, й отношение Канта к этим двум типам вопросов разное. Первые из них должны быть строго ограничены и регламентированы, вторые, базируясь на первых, уже не имеют ограничений и определяются уровнем педагога, его задачами и возможностями ученика.

Что же представляет собой каждая из этих групп вопросов?

Для Канта процесс формирования метафизических вопросов – это бесконечный, никогда не завершенный процесс. Анализ метафизических вопросов Кант проводил в плане решения задачи оправдания научного знания, выявления источников различных видов знания (математики, теоретического естествознания, метафизики). Эта задача не могла быть решена без ограничения возможности задавать вопросы. Достижение подлинного, объективного знания возможно, по Канту, только через ограничение разума, через сознательное ограничение возможностей познания. Это известное положение Канта о том, что ему необходимо "ограничить (autheben) знание, чтобы освободить место вере" (Кант, 1964, т.Щ, с.95). Процесс ограничения Кант считал нужным начать с ограничения допустимых вопросов. Уже первая фраза предисловия к первому изданию "Критики чистого разума" вскрывает его отношение к этой проблеме. Он писал: "На долю человеческого разума в одном из видов его познания выпала странная судьба: его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой; но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят возможности человеческого разума" (Кант, 1964, т.Щ, с.73). Поскольку эти вопросы никогда не прекращаются, постольку процесс познания оказывается незавершенным. У основоположений есть, среди других, и эта функция – функция ограничения возможных вопросов разума. Метафизика, создание которой является одной из важнейших задач "Критики чистого разума", должна исключить вопросы, не относящиеся к сфере знания, должна создать условия для культуры разума. А уже на этой подготовленной базе можно, как считал Кант, заниматься воспитанием разума по-сократовски. "Сократ, который называл себя повивальной бабкой познания своих слушателей, в диалогах, которые нам до некоторой степени сохранил Платон, показывает примеры того, как даже у пожилых людей можно кое-что извлечь из их собственного разума" (Кант, 1980, с.481). Ограничения же на метафизические вопросы помогут определить верный путь науки. Они не позволят вернуться к прежней догматической метафизике, не приведут к потерям спекулятивного разума. Они только создадут рамки для неконтролируемых монополий прежних школ.

Кант не уклонялся от поставленных человеческим разумом вопросов, однако введенные им основоположения должны были избавить разум от традиционно-ожидаемых ответов, ограничить "догматически мечтательную любознательность", ибо ее, по Канту, удовлетворить может только волшебство. Он определял специфику возможных вопросов в соответствии с введенными им принципами. "Чистый разум и на самом деле есть такое совершенное единство, что если бы принцип его был недостаточен для решения хотя бы одного из вопросов, поставленных перед ним его собственной природой, то его пришлось бы отбросить целиком, так как он оказался бы непригодным для верного решения и всех остальных вопросов" (Кант, 1964, т.Щ. с.76). Фактически механизм, который Кант предлагал для формулировки вопросов и поиска ответов, задавался возможностью определения "всех чистых априорных знаний, которое должно служить мерилом и, следовательно, примером всякой

аподиктической (философской) достоверности" (там же, с.77). Кант исследовал вопрос о том, что может быть познано рассудком и разумом до всякого опыта. Он считал, что результаты его усилий приведут к созданию некоторого "систематизированного инвентаря", при помощи которого можно будет осваивать материал уже на "дидактический манер", то есть при помощи школы. Так Кант намечал один из возможных переходов от метафизических вопросов к школьным.

Условия для дидактического способа освоения связаны с тем, "что разум видит только то, что сам создает по собственному плану", заставляя природу отвечать на поставленные им вопросы "-...Но не как школьник, которому учитель подсказывает все, что он хочет, а как судья, заставляющий свидетеля отвечать на предлагаемые им вопросы" (там же, с. 85-86). Кант пытался изменить прежний способ исследования в метафизике, которая пока еще не стала наукой. Он, по его собственному признанию, создавал трактат о методе, а не систему самой науки. Поэтому для него было столь важно не только задать основоположения, но и ограничить при помощи них бесконечный поток метафизических вопросов. Построение метафизики субъекта, по Канту, невозможно без такого ограничения.

*

Если метафизические вопросы Кант анализировал в связи с проблемами чистого разума, то школьные, методические вопросы - в связи с проблемами практического разума. Однако в "Критике практического разума" Кант лишь наметил свой подход к выяснению этого типа вопросов. Он писал о необходимости ооздания "чисто морального катехизиса" (Кант, 1965, т.1У$_v$'1), с.491), построенного на базе вопросов и ответов. Реально он этим занялся в работе, которая развивает идеи "Критики практического разума". Это "Метафизика нравов в двух частях". Нравственное состояние человека, добродетель, по Канту, не прирождены человеку, они приобретаются. Кант считал, что добродетели можно и должно учить, в связи с этим он выделил проблемы способов обучения, которые проанализировал во второй части работы "Этическое учение о методе". Методы обучения обсуждались Кантом и в других его работах, в частности, в трактатах: "Логика. Пособие к лекциям" и "О педагогике".

Кант выделил два основных способа обучения. Первый из них построен на монологе. Это акроаматический метод обучения, специально предназначенный для слушания. Акроаматический метод обучения является необходимым, но не самостоятельным методом. Он создает основы для эротематического способа обучения, который, в свою очередь, подразделялся Кантом на катехизический и диалогический, или сократический, методы обучения.

Катехизический способ обучения рассчитан на неискушенного воспитанника и обращен к его памяти. Этот способ обучения связан, в первую очередь, с освоением принципов морали и долга. Понятие "катехизис" ассоциируется обычно в первую очередь с проблемами усвоения религии. Однако Кант считал, что моральный катехизис должен предшествовать религиозному, ибо "перейти от учения о добродетели к религии можно только через чисто моральные основоположения, так

как в противном случае религиозные убеждения не были бы чистыми" (Кант, 1965, т. 1У (2), с.423). В соответствии с дидактическими правилами Обучения должны быть составлены моральные категории.

Катехизический способ обучения необходим на той стадии, когда еще невозможно сотрудничество, "потому что ученик даже не знает, как ставить вопросы; следовательно, только учитель задает вопросы" (там же, с.423). Ученика необходимо научить задавать вопросы в конкретной области знания. До тех пор пока он не умеет это делать, учитель должен при помощи своих вопросов "извлекать из разума-ученика" необходимые ответы, которые не могут быть заменены даже в способе выражения. Эти ответы должны основываться на памяти ученика. Такой способ обучения Кант называл механически-катехизическим. Этот способ обучения Кант отличал от догматического способа, при котором говорит только учитель. Преимущества катехизического метода, по сравнению с акроаматическим, особенно заметны в том случае, когдэ он приближается к диалогическому способу обучения. В этом случае происходит не просто тренировка памяти, а все-таки воспитание разума. Здесь уже ответы так жестко не предопределены, хотя инициатива остается по-прежнему за учителем. Однако у ученика есть некоторая свобода выбора, в этом смысле катехизический способ обучения, построенный не механически, приближается к диалогу, к партнерству в обучении. Это очень важно для Канта, который считал, что "сократовский прием при катехизическом методе должен был бы стать правилом" (Кант, 1980, с.481).

Сократовским методом можно доказывать незнание собеседника-оппонента, отклонять его возражения против нравственности и религии. Следует заметить, что Кант считал, что именно этим методом он построил свою "Критику чистого разума" (см. Кант, 1964, т.Ш, с.96). Однако такая характеристика не вскрывает главные качества сократовского метода в процессе обучения. Этот способ обучения обращен к разуму ученика. Он создает условия для совместного поиска ответов. Отношения учителя и ученика в этом случае оказываются отношениями сотрудничества, так как диалог предполагает обращение друг к другу. "В самом деле, - писал Кант, - когда один человек хочет получить ответ от разума другого, то это может произойти лишь в виде диалога, то есть учитель и ученик спрашивают друг друга" (Кант, 1965, т. 1У (2), с. 422). При диалогическом способе обучения учитель не просто при-помощи вопросов направляет ход мыслей своего ученика, происходит и обратный процесс. Ученик, осознавший свою способность мыслить, побуждает, в свою очередь, и учителя совершенствовать искусство правильной постановки вопросов. Диалогический способ обучения, по Канту, представляет собой метод, при помощи которого раскрываются творческие возможности обоих участников диалога. При таком способе обучения дается не просто окончательный ответ, но выделяются ступени, предварительные суждения, наводящие на правильный ход рассуждения. С точки зрения Канта, именно здесь содержатся главные достоинства диалогического способа обучения, которые, к сожалению, недостаточно принимались во внимание как во времена Канта, так и в наше время.

Различив метафизические и педагогические вопросы, Кант все же вынужден их иногда объединять. Это происходит тогда, когда он оказывается непонятым. Так было с "Критикой чистого разума". Стремление быть понятым заставило Канта более популярно изложить основные идеи "Критики". Одновременно произошло и некоторое изменение способа изложения. Кант писал "Пролегомены", специально подчеркивая, что пишет их не для учеников, а для учителей. Они планировались как более популярное изложение "Критики" и не должны были стать руководством для преподавания. Они были направлены на создание самой науки. Несмотря на подобные заверения Канта, его стремление направить ход **мыслей** читателя-ученика-учителя совершенно отчетливо проявляются в тексте.

Как доказать, что метафизика еще не стала наукой? Ведь ей так много веков. И вот тогда в кантовском тексте появляется серия вопросов, которая должна вынудить читателя (вне зависимости от его статуса) принять точку зрения автора, то есть Кант начинает использовать метафизические вопросы в функции педагогических. "...Возможно ли вообще то, что называется метафизикой? Если метафизика - наука, то почему она не может подобно другим наукам снискать себе всеобщее и постоянное одЬбрение?... да возможна ли такая наука и если возможна, то как? и т.д." (Кант, 1965, т.1У(1), с.69-?0). Даже названия параграфов превращаются в вопросы:

"Общий вопрос пролегоменов: возможна ли вообще метафизика?

Общий вопрос: как возможно познание из чистого разума?

* Главного трансцендентального вопроса часть первая.

Как возможна чистая математика?

Главного трансцендентального вопроса часть вт.орая.

Как возможно чистое естествознание?

Главного трансцендентального вопроса часть третья.

Как возможна метафизика вообще?...

Решение общего вопроса пролегоменов: как возможна метафизика как наука? (Кант, 1965, т. 1У(1), с. 542). Стремление быть понятым вынуждает Канта объединить разные типы вопрошания.

Таким образом, и в кантовской теории познания, и в его системе обучения вопрос как инструмент познания занимал существенное место.

"Тест" на психологизм Кант решает в пользу психологизма. Ведь последовательный антипсихологизм, уже в лице Лейбница, отказывается от неопределенности вопросительных форм рассуждения. Для антипеихологиста Лейбница акроаматический метод является основополагающим методом философского стиля мышления, для Канта, склоняющегося к психологизму, - он, пусть для начала в системе образования, является лишь подготовкой дйя введения эротематического метода.

3.7. ПСИХОЛОГИЗМ КАК ОФОРМИВШАЯСЯ В XIX ВЕКЕ ЛОГИКО-КУЛЬТУРНАЯ ДОМИНАНТА

Оформление психологизма как ЛКД эпохи произошло в XIX веке в области логики, гносеологии и методологии науки, функции которых не были четко разведены. Они взаимопереплетались, а порой просто замещали друг друга.

Решающее значение для развития психологизма как ЛКД эпохи имела его кристаллизация в логическом психологизме XX века. Основные посылки логического психологизма, а именно – логика является наукой о мышлении, мышление принадлежит к области ведения психологии, поэтому теоретический фундамент логики лежит в психологии, а сама логика направлена на исследование научного знания, наиболее ярко проявились в английской школе в философии Дж. Ст. Милля, а в немецкой – в философии Х. Зигварта. Вместе с тем основополагающая роль в этом процессе принадлежит все-таки Миллю, которого Фреге называл лидером логического психологизма.

Критические размышления Фреге о Милле при оценке роли последнего в развитии логико-философской мысли совпадают с позитивной характеристикой его деятельности в работах последователей Милля. Так, исследователь творчества Милля – С. Зенгер – писал, что Милль "обновил логику и сделал возможным труды Бэна, Джевонса, Зигварта, Вундта, Эрдмана и др." (Зенгер, 1903, с.78). Лидерство Милля, его влияние на развитие психологизма в разных пластах культуры во многом определялось тем, что Милль непосредственно затрагивал проблемы культуры в целом, "писал по самым разнообразным вопросам и среди них по таким, которые касаются наиболее возвышенных и постоянных интересов человека" (Прайс, 1907, с.72). Все идеи Милля сконцентрированы вокруг субъекта, познающего и действующего.

Конечно, можно проследить движение идей без учета особенностей их формирования, вне деятельности их творцов, без анализа культурно-исторических особенностей времени. Это линия объективизма и антипсихологизма. Однако реальное развитие идей неотделимо от творческих и индивидуальных характеристик ее носителей, от культурно-исторического и социально-политического – своеобразия времени. Сразу же хотела бы оговориться, что сделанное мною утверждение вовсе не направлено на отрицание столь же реального факта самостоятельного существования идей с момента их оформления. Выделенный мир идей, к которому апеллирует антипсихологизм, на мой взгляд, имеет право на существование. Но его существование никоим образом не отменяет процесса формирования идей в индивидуальном и общественном сознании.

В чем проявилась линия психологизма в творчестве самого Милля? Какое влияние оказали его идеи на развитие психологизма в разных пластах культуры?

Особенности формирования Милля как мыслителя уникальны. Он сам писал о своем воспитании в "Автобиографии" как о "необыкновенном и, замечательном, которое, несмотря на все прочие результаты, доказало, что можно обучить ребенка,

и хорошо обучить, гораздо большему, чем обыкновенно предполагают возможным, в те ранние годы, которые при обычных теориях воспитания почти пропадают даром" (Милль, 1874, с. 1-2). В самом деле, не может не .поражать тот факт, что ребенок в три года заучивал греческие слова, записанные ему на отдельные карточки его отцом, с трех до семи лет занимался греческим языком, историей и арифметикой, прочел множество научных книг. С семи лет начал изучать латынь, с двенадцати - вначале - логику, а затем - политэкономию

Несомненно, что система воспитания сказалась в том энциклопедическом диапазоне интересов, которые характеризуют Милля как мыслителя. Его исследования захватывают области логики, теории познания, методологии науки, политики, политической экономиии, социологии, истории, этики, проблем взаимоотношений личности и общества, он касается таких сфер, которые сегодня оформились как область прав человека и феминистское движение.' Одновременно в круг своих интересов он включал математику и естествознание. В процессе своего "умственного развития" Милль приходит к выводу о необходимости поддержания должного равновесия между различными способностями человека. Он. писал о том, как постепенно от строгого объективного научного анализа он перешел к учету чувств в формировании мыслителя и в его деятельности. Более того, "развитие чувств" стало одним из главных оснований его нравственной и философской теории. Милль стал "находить значение в том, что прежде слышал и читал о важности поэзии и искусства, как факторов человеческой культуры" (там же, с. 150).

. Нравственная и научная позиция Милля, выраженные им в журнальных статьях, в фундаментальных исследованиях в сфере логики и политэкономии, принесли ему широкую известность и множество последователей в самых разных областях. "В средине столетия он считался всеми признанным главой радикальной философии" (Зенгер, 1903, с.74). Последователи Милля были в Англии, Франции, Германии. В круг его последователей, наряду с философами, логиками, политэкономами, социологами, входили публицисты политики, историки, литературные критики, естествоиспытатели. Так, через французских критиков И.А.Тэна и Т.Рибо идеи миллевского психологизма пришли в литературоведение. Английский историк и публицист, друг Милля Т.Карлейль способствовал их распространению в истории. Можно говорить о взаимовлиянии Милля и Карлейля друг на друга. В работе Карлейля "Французская революция. История" использованы материалы по истории французской революции, собранные Миллем (см.Милль, 1874, с. 136). Вместе с тем психологизм Милля, с точки зрения Карлейля, недостаточен. В своих работах Ка^лейль развивает И углубляет миллевский психологизм

Милль оказал влияние и на крупнейших естествоиспытателей этого периода. Так, немецкий химик, основатель научной школы Ю Либих, писал о том, что изучение миллевской системы логики позволило ему приложить общие положения Милля к отдельным частным явлениям (см.Зенгер, 1903, с.76). Таким образом, даже данный краткий обзор позволяет сделать вывод о влиянии Милля на представителей самых

разных областей знания. Я буду возвращаться к этой проблеме и при анализе развития психологизма в других областях знания.

Думаю, уместен вопрос о том, как многообразие интересов Милля проявилось в его психологизме.

Тот широчайший культурный и научный контекст, который Милль включил в сферу своих научных интересов, сказывался в каждой конкретной области, где у него были свои результаты. Так, в "Системе логики" Милль исследует не только проблемы логики, но и пишет о необходимости создания новой социальной науки. Эту науку он называет "политической этологией". Она, с его точки зрения, должна исследовать законы развития национального характера, психические особенности целых народов. Он считал, что эта наука должна существовать наряду с психологией, изучающей психические особенности жизни отдельной личности. Фактически Милль говорил о создании социальной психологии. Однако идею построения социальной психологии ему не удавалось осуществить. Материал, который он собирал для решения этой задачи, был использован им при написании "Основ политической экономии".

Поразительно короткий срок отделяет друг от друга два фундаментальных исследования Милля. В 1843 году была издана его "Система логики", оказавшая и продолжающая оказывать влияние на развитие логико-философской мысли в Европе, в 1848 году – "Основы политической экономии". Такая последовательность написания работ была для Милля вовсе не случайна.

Дело в том, что для него логика выступала в качестве общей методологии науки. Полное название его основополагающего философского труда фиксирует именно такое отношение Милля к логике. Работа Милля называется не просто "Система логики", но "Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования". Уже само название работы свидетельствует о том, что логика мыслится им как общая методология науки. В одном из своих писем еще в 1831 году Милль писал: "Если существует наука, развитию которой я могу содействовать, то я думаю, что это наука самой науки, наука исследования метода" (см. Франк, 1960, с. 444). Развивая эту идею в "Системе логики", Милль писал, что каждая наука создает свою специфическую теорию. Одна наука создает теорию растительности, другая – чисел, третья – души. Задача логики заключается в том, чтобы создать общую теорию знания.

Точно так же каждая наука пользуется своими методами. Особенности методов в целом, по Миллю, анализируются в логике. Следовательно, именно логика и является наукой о самой науке. В отличие от других наук, которые изучают определенные области явлений природы, логика исследует непосредственно процесс умозаключения, характеризующий знание в целом. В силу этого Милль прежде чем строить науку об обществе, анализирует логические процессы. Вместе с тем и сама логика представляет собой у Милля не вполне самостоятельную науку.

Не только Милль оказал огромное влияние на других мыслителей, он и сам был открыт влияниям и не скрывал это. Психологизм Милля отталкивается от Локка и

формируется под влиянием английских психологов-ассоциационистов – Д.Гартли и Д.Пристли. Сравнивая Гартли с Локком, который ввел сам термин "ассоциация", Милль писал о преимуществах ассоциативной психологии по сравнению с учением Локка. Ассоциативная психология Гартли позволяет, по Миллю, дать психологическое объяснение "сложных умственных явлений" (см. Милль, 1874, с. 69).

Вслед за Гартли Милль связывает образование общих понятий с принципом ассоциации. Общие понятия возникают из единичных путем отпадения от основной ассоциации случайных и несущественных признаков. Любая последовательность мыслей выводима из ощущений на основе принципа ассоциации. В свою очередь, причиной образования ассоциаций является смежность двух психических процессов. Задача логики заключается в том, чтобы проанализировать психологические предпосылки и условия образования понятий, суждений, умозаключений в процессе познания.

Основным предметом познания, по Миллю, являются наши чувства, мысли, желания, которые наполняют душу. И хотя логика, согласно Миллю, занимается непосредственно исследованием формы мысли, "материя Мысли суть ощущения, восприятия или другие представления, в которых ум не имеет никакого участия" (Милль, 1869, с. 364). Поэтому для Милля является "психологической истиной" то, что общие понятия могут существовать только как часть восприятия, точнее как "некоторая часть некоторого конкретного состояния духа" (там же, с. 313).

В отличие от антипсихологистической позиции Лейбница, для Милля не существует априорного, интуитивного знания, а законы логики для него – это высшие эмпирические обобщения. Любая истина получается опытным путем, и критерием ее истинности является сам опыт, понимаемый субъективно-психологически. Так, утверждение "Снег бел" означает, что если снег встретится с конкретным органом зрения, то он произведет на него ощущение белого цвета. Истина окажется показателем согласия между фактами, поэтому критерием истины для Милля является опыт.

Точно так же математические истины по Миллю возникают как результат обобщения опыта. Позиция априоризма, как уже отмечалось, в соответствии с которой математические истины коренятся в самом существе человеческого духа, была неприемлема для Милля. Как положения геометрии, так и положения арифметики для него являются индуктивными истинами, получаемыми в результате обобщения опыта. Так, по Миллю, нет абстрактных чисел, все числа являются числами чего-нибудь: тел, символов и так далее.

Основная задача индуктивной логики, с точки зрения Милля, заключается в том, чтобы ответить на вопрос, как получаются суждения, имеющие общеобязательное значение и дать, таким образом, характеристику развития знания. Логика должна установить, опираясь на психологические законы мышления, правила и нормы, при помощи которых можно было бы образовывать правильные суждения в непосредственной практике мышления. Все, что утверждается или отрицается, выражается в форме

предложений, которые превращаются в суждения в зависимости от того, верят или не верят в них. Сами логические законы основываются на "актах душевной жизни". Например, закон противоречия, согласно Миллю, - возникает индуктивным путем благодаря наличию взаимоисключающих ощущений света и тьмы.

Милль считал, что простое определение логики можно получить, если ввести в науку все "умственные процессы" и определить логику "как науку об операциях человеческого разума при отыскании истины" (Милль, 1865, с.4). Для Милля "логика - есть наука об отправлениях разума, служащих для оценки очевидности; она... есть наука о всех умственных действиях" (там же, с.9). Логика дает критерий для определения того, насколько обоснованы обобщения и заключения, полученные из наблюдаемых событий на основе все той же очевидности, к которой апеллировали как психологисты, так и антипсихологисты.

Таким образом, с точки зрения Милля, практические обобщения и заключения формируются по тем психологическим законам, которые лежат в основе образования понятий, суждений, умозаключений, в основе процессов знания и познания. Именно поэтому, толкуя логику как учение о нормах правильного мышления, Милль пытается выяснить психологические условия его правильности, способ, каким в действительности совершается мышление, ибо для того, чтобы объяснить, как можно мыслить, надо, считает Милль, знать, как протекает реальный процесс мышления. Всеобщее знание, с точки зрения Милля, может быть получено на основе анализа психологических - предпосылок и условий истинности человеческого мышления. Для этого логика должна дать психологический анализ суждений, понятий, умозаключений, из которых конструируется система знания, получаются "живые акты мысли". "Я нахожу верным, - писал Милль, - что Логика не есть теория Мысли как Мысли, но - правильной Мысли; не есть теория мышления, но - правильного мышления. Она не есть наука отличная от Психологии и одного с этою порядка. Насколько всего она есть наука, **она есть часть или ветвь Психологии** (**выделено** мною - Г. С.), разнствуя от этой, с одной стороны, как часть разнится от целого, а с другой - как Искусство разнится от Науки. **Ее теоретические основания всецело заимствованы от Психологии** (выделено мною - Г. С.) и заключает в себе настолько той науки, насколько требуется, - чтобы оправдать правила логического искусства" (Милль, 1869, с.363). Из этого высказывания Милля становится понятным, почему, согласно ему, логика как психологическая дисциплина занимается "умственными отправлениями индивида". Так как задачей логики является разработка правил, пригодных для конструирования науки, то в центре логической науки оказывается проблема обоснования вывода одних суждений из других, проблема объяснения того, как получаются достоверные суждения, имеющие необходимое и общеобязательное значение.

Милль, как и все другие представители психологизма, ведет анализ основных понятий, характеризующих процесс познания, в субъективно-психологической сфере. В качестве основных понятий, определяющих процесс познания, он рассматривает

достоверность, – логическую очевидность, вероятность, аналогию, случайность, закон, гипотезу. Эти понятия он обсуждает в связи с учением об индукции, но сохраняя в анализе принципы ассоциативной психологии.

Точно так же принципы ассоциативной психологии в последующем психологизме будут проводиться в эстетике, литературоведении, лингвистике, истории, других гуманитарных науках. Этому будет способствовать развитие традиций психологизма в логике и методологии научного познания.

3.8. ПСИХОЛОГИЗМ В ЛОГИКЕ ЗИГВАРТА

Психологистическая традиция построения логики и методологии научного познания была продолжена немецким философом и логиком Х.Зигвартом. Как и у Милля, в системе Зигварта выражается нормативно-психологический подход к построению логики. Для Зигварта, психологистическая логика должна разработать учение о нормах суждения. В соответствии с этой позицией он предложил новую классификацию суждений (см. Попов, 1960, с.241-244). Для него, точно так же, как и для Милля, логика не ярляется теоретической наукой, но дисциплиной, содержащей практические указания по поводу применения логических норм к реальным свойствам и отношениям. Она занимается, с точки зрения Зигварта, областью должного мышления, то есть разрабатывает систему норм правильного мышления. Логическая необходимость, по Зигварту, выражается в опрэделенном эмоциональном состоянии души, которое он называет "чувством очевидности".

Задача логики как раз и состоит в том, чтобы выявить те условия переживания истины, которые выражают объективную истину. Последнее имеет место тогда, когда чувство достоверности обладает устойчивостью. Отождествление таких устойчивых эмоциональных состояний души, в которых переживание истины выражает объективную истину, должна произвести логика. Логика на основе "чувства очевидности" должна выделить такие неизменные и достоверные суждения, которые не зависят от данного конкретного состояния того, кто мыслит.

Противоречивость зигвартовской системы логики заключается, на мой взгляд, в том, что, с одной стороны, он понимал, что логика не может базироваться на каких-то индивидуальных особенностях познающего, но, с другой стороны, общезначимые логические законы сводил к различным эмоциональным состояниям души. Поэтому, например, логическая и психологическая необходимость Ъ учении Зигварта оказываются на самом деле тождественными, ибо если логическа необходимость, согласно Зигварту, является осознанной необходимостью, то психологическую необходимость он понимал как такую, которая может быть осознана или нет, но при этом все равно управляет процессом мышления. Логическая необходимость – это все та же психологическая необходимость, сопровождающаяся осознанием достоверности. Таким образом, для Зигварта, как и для всего направления психологизма в целом, характерно рассмотрение специфики логического в сфере индивидуального сознания познающего.

Однако построение логики для Зигварта не является самоцелью. Основная задача логики, с точки зрения Зигварта, заключается в том, что она должна конституировать идею науки, ибо та связь, что пронизывает научное знание, есть прежде всего логическая связь. Поэтому исследование процесса логического мышления необходимо было ему для того, чтобы выявить, что представляет собой научное знание, каким образом оно развивается и становится, каковы основные понятия и методы научного познания. Эти идеи руководили Зигвартом при написании им "Логики". Вот что он пишет в предисловии к своей работе: "Последующее являет собой попытку построить логику с точки зрения учения о методе и тем поставить в живую связь с научными задачами современности" (Зигварт, 1908, т. 1, С. XX1).

Нерасчлененность логических и психологических моментов в познании, а точнее даже их смешение, не позволило, на мой взгляд, Зигварту построить действительно научную методологию знания. Такая задача была сформулирована им в "Логике", и в ходе ее решения Зигварт выдвинул плодотворную, как мне представляется, идею о необходимости включения анализа вопросов в сферу методологического рассмотрения. Стремление к рассмотрению процесса становления нового знания вело Зигварта к логике вопроса, которая должна была вскрыть движение мышления от незнания к знанию. Так как логика для Зигварта выступала общим регулятивным средством для построения каждой отдельной науки, то она должна была изучать вопросы, которые постоянно используются в науке.

Оценивая результаты Зигварта в области логики вопросов, обычно замечают, что эти результаты достигнуты Зигвартом несмотря на психологизм. Однако анализ особенностей развития психологизма позволяет, как я думаю, сделать вывод о том, что именно общеметодологические установки психологизма лежат в основе обращения Зигварта к самой проблематике вопросно-ответных процедур. "X. Зигварт высказывает очень ценные мысли как относительно классификации вопросов, так и относительно взаимосвязи между из различными видами... Важное значение имеют положения X. Зигварта о взаимосвязи вопросов и их взаимопревращениях из одних в другие. Они... являются важным этапом в подготовке современных систем исчислений вопросов" (Берков, 1972, с.20).

Зигварт был первым, кто обратил внимание на то, что вопрос, как и суждение, имеет трехчленную объектно-предикатную структуру. В современных исследованиях по теории вопроса такой же точки зрения придерживался Копнин (см. Копнин, 1957, с.300), среди зарубежных авторов - Леонард (см. Leonard, 1959, p. 172). "В вопросе: "А есть, конечно, В?", - пишет Зигварт, - все элементы взяты и соединены между собой в том же самом смысле, как и в суждении. Вопрос этот выражает ожидание синтеза между А и В, и при том ожидание значительного синтеза, а не просто какой-либо произвольной комбинции. Суждение все уже готово, но оно еще нуждается в печати подтверждения: ибо нет уверенности относительно значимости" (Зигварт, 1908, т.1, с. 133). Логика вопроса, с точки зрения Зигварта, должна была вскрыть эвристическую сторону мыслительного процесса,

выступая в качестве инструмента научного познания. Для него вопрос представлял собой живое движение и прогресс мышления, более того, "можно сказать, – отмечал Зигварт, – что вопрошание есть мышление" (там же).

Итак, Зигварт ставил перед собой задачу построения логики на психологистической основе для применения ее в методологии научного познания, соответственно знание и логику он трактовал с точки зрения психологизма, не расчленяя задач логики и теории познания. Вместе с тем в его методологической концепции содержатся интересные идеи о включении анализа вопросов в логико-методологические исследования, понимание вопроса как момента становления знания.

В начале XX века психологизм продолжает развиваться в логике и гносеологии, он занимает лидирующие позиции в разных пластах гуманитарной культуры. Традиция и основные идеи психологизма были столь велики, что даже Дж. Буль, строя алгебру логики, называет свою работу "Исследование законов мышления..." (см. Boole, 1854), предполагая, что он занимается исследованием человеческого интеллекта. И хотя в его работе "нет и следа миллевского психологизма и субъективизма" (Стяжкин, 1967, с. 319), но идейное влияние психологизма, его терминологии и языка были настолько значительны, что сказались и в работе Буля. Это позволяет некоторым исследователям (Torgensen, 1931, p. 98) считать, что в споре между психологистами и антипсихологистами Буль занимает позиции первых.

Основным недостатком классического психологизма миллевского типа было то, что он замкнул исследования процессов познания в пределах сознания познающего субъекта. Все познавательные процессы трактовались психологизмом как проявление актуализация познавательных способностей индивида. Все объективное содержание знания было сведено к индуктивному обобщению фактов, к мыслям индивида на различных ступенях его мыслительной деятельности. Субъективизация процесса познания, что особенно сказалось в понимании законов логики и математики, игнорирование его объективности вызвали широкое движение антипсихологизма (Коген, Наторп, Кассирер, Фреге, ранний Рассел, Кутюра, Гуссерль и другие), который видел свою основную задачу в обосновании объективности логики и знания.

Как же можно обосновать объективность логики и знания, с точки зрения антипеихологизма?

3.9. ЛИДЕРЫ АНТИПСИХОЛОГИЗМА: ФРЕГЕ И ГУССЕРЛЬ

Наиболее широко критика психологизма представлена в работе Э. Гуссерля "Логические исследования. Пролегомены к чистой логике". Однако первое крупное произведение Гуссерля "Философия арифметики" с подзаголовком "Ряд психологических и логических исследований" было написано с позиций психологизма. Здесь Гуссерль исходил из того, что логика, наука вообще должны получить свое, философское "уяснение" из психологии.

В 1894 году Г. Фреге выступил с резкой критикой работы Гуссерля. Эта критика напоминала аналогичную критику, проведенную им за год до этого в 1893 году в предисловий к "Основным законам арифметики" по поводу Б.Эрдмана. Обоснование математики, решение проблем значения и смысла, теоретико-познавательных проблем Фреге ставил в зависимость от проведения жесткой линии разграничения между логикой и психологией. Нерасчлененность задач логики и психологии является, по Фреге, важнейшим признаком психологизма, который мешает решению любой из сформулированных им проблем.

Для Фреге психологизм представлял собой, в первую очередь, определенную философскую систему, в которой субъективизировались и натурализировались системы логики и знания в целом. Для того, чтобы избежать натурализма в логике, Фреге исключает из сферы рассмотрения логики какие-либо психологические процессы мышления. Задачей логики, по Фреге, является изучение законов истинности, а не мышления. При этом он явным образом формулирует методологическую направленность задач логики: логика исследует "лишь ту истину, познание которой является целью науки" (Фреге, 1987, с. 19). Фреге понимает мысль как то, что не имеет никакого отношения к психологии и к чему приложимо понятие истинности. Отсюда вытекает важнейший тезис фрегевского антипсихологизма: "Мысль – это нечто внечувственное, и все чувственно-воспринимаемые объекты должны быть исключены из той области, в которой применимо понятие истинности. Истинность не является таким свойством, которое соответствует определенному виду чувственных впечатлений" (там же, с. 22).

Линия размежевания между логикой и психологией затрагивает и фрегевскую классификацию предложений. По Фреге, все те предложения и все те их компоненты, на которые не распространяется сила утверждения и возможность соотнесения с истинностью, просто исключаются из сферы научного рассмотрения. Так, из области логического рассмотрения наряду с приказами, возгласами, предложениями, выражающими желание или просьбу, передающими человеческие чувства, были устранены и вопросительные предложения. Частные вопросы (почему-вопросы) Фреге исключает из этой сферы абсолютно и однозначно. Общие вопросы (ли-вопросы) он рассматривает как незавершенные утверждения. Констатация истинности выражается, по Фреге, лишь, непосредственно в утвердительном предложении. Поэтому только утвердительные предложения он относит к научной сфере и к области логического рассмотрения. Таким образом, "тест" на отношение к вопросам Фреге "решает" с антипсихологистических позиций и исключает их из сферы ведения логики.

Фрегевская критика психологизма, как, впрочем, и его позитивные исследования, остались практически незамеченными.

Что явилось причиной такой интеллектуальной изоляции Фреге? Современный исследователь творчества Фреге Г.Карри выделяет несколько причин интеллектуальной изоляции Фреге (см. **Currie, 1982).** Одна из них связана с различием в подходах к проблемам математики между Фреге и "работающими

математиками". Важнейшая тенденция математики этого периода заключалась в стремлении к достижению определенных стандартов строгости, в частности, в построении строгой теории доказательства. Необходимость обоснования доказательства, недопустимость каких-либо субъективных, психологистических представлений о шагах доказательства – ведет Фреге к формулировке шагов доказательства как формальных, строящихся на базе разработанного им формализованного языка. В концепции Фреге математика выступает как сложившаяся система знания, структура которой должна быть улучшена под воздействием аксиоматической системы.

Тогда как такие математики, как Коши, Вейерштрасс или Кантор решали проблему строгости лишь для некоторых областей математики, рассматривая процесс развития математики через неформальные методы получения новых результатов. Эти неформальные методы получения новых результатов строились на базе естественного языка с использованием таких выражений, как "поэтому", "следовательно", "но" и так далее – выражений, которые иногда использовались в контекстах, где не существовало подлинных логических связей. Фреге считал недопустимым такое положение дел, при котором математические доказательства строились на базе неадекватного естественного языка, дополненного обычным математическим символизмом. Основная задача при построении символического языка как раз и заключалась для него в создании базы для выведения арифметики из абсолютно несомненных предпосылок, в качестве которых он расматривал утверждения чистой логики, совершенно независимой от любых форм психологии. Фреге разрабатывает не только свою собственную теоретическую концепцию логики – но и технически его логика отличается от других типов логики. Карри рассматривает сложный фрегевский символизм (см. **Currie,** 1982, p. 22-32, 125-128) в качестве еще одной причины интеллектуальной изоляции Фреге.

Кроме того, в отличие от "работающих математиков", решавших, в первую очередь, сугубо математические проблемы, основная направленность творчества Фреге все-таки заключалась в решении эпистемологических проблем. Фреге исследует такие важнейшие вопросы теории познания, как проблемы достоверности и проблемы субъективности. Трудно не согласиться с выводом Карри о том, что это центральные * проблемы фрегевской программы.

Проблема выведения математики из логики трактуется Фреге в русле более широкой эпистемологической задачи, в соответствии с которой математика базируется на тех же законах, на которых базируется все знание. Для Фреге проблема ясности и четкости в математике играли лишь вспомогательную роль как выражение его эпистемологического идеала: построение дедуктивной системы, в которой базисные принципы и логические отношения между ними не дискутируются, а выделяются согласно строгим логическим законам. Это тот же самый эпистемологический идеал, который характеризовал антипсихологизм Лейбница. В антипсихологистических установках как Лейбница, так и Фреге все знание должно

базироваться на законах логики. Психологизм же, который господствовал в этот период как в логике, так и в теории познания, мешал решению этой центральной для Фреге эпистемологической проблемы.

Сама по себе эпистемологическая направленность фрегевских исследований могла стать причиной его интеллектуальной изоляции в среде математиков, но Фреге был фактически изолирован и от философской среды. По-видимому, интеллектуальная изоляция Фреге была еще как-то связана и с его чисто человеческими, личными психологическими особенностями, в числе которых - его замкнутость, необщительность. Все это и позволило Расселу в 1901 году написать, что несмотря на большое значение работ Фреге, в частности, его "Записи в понятиях", он, по-видимому, является первым, кто читал эту работу, через двадцать лет после ее публикации (см. **Russei,** 1953, p.25). Конечно, на самом деле, Рассел был не первый, кто читал Фреге, уже хотя бы потому, что с работой Фреге был знаком Гуссерль; и именно под влиянием Фреге Гуссерль занял впоследствии позицию "философского логицизма" (см. Мотрошилова, 1976, с.93-106), тогда как в своей первой работе он, наоборот, подверг критике антипсихологизм Фреге. Лишь после того, как Гуссерль убедился в невозможности совместить объективность науки с ее психологическим обоснованием, он перешел на позиции антипсихологизма, вооружившись девизом Гете: "Ни к чему не относишься так строго, как к недавно оставленным заблуждениям" (Гуссерль, 1909, с.УП).

Позже, в 1936 году, оценивая критический период своего творчества в соответствии с критикой Фреге, Гуссерль писал, что Фреге "в этот период в общем рассматривался как неспециалист, имеющий острый ум, но чьи результаты были незначительны или совсем отсутствовали как в математике, так и в философии" (Цит. по **Currie,** 1989, p.418).

Однако в начале века под влиянием Фреге в "Логических исследованиях" Гуссерль подверг серьезной критике позицию психологистов и одновременно предшествовавших ему антипсихологистов, чья оценка психологизма, с точки зрения Гуссерля, была недостаточна, ибо как психологисты, так и антипсихологиеты утверждали, что законы логики, в отличие от законов психологии, носят нормативный характер. Такое утверждение антипсихологизма вполне может быть подведено под психологистическую основу, ибо для психологизма мышление, нормированное законами логики, является лишь частным случаем мышления вообще, которое, в свою очередь, является предметом рассмотрения психологии.

Основные спорные вопросы, которые Гуссерль рассматривает в своих "Пролегоменах" и выводы, к которым он приходит, совпадают с соответствующей критикой Фреге. Гуссерль сам отмечает, что не одобряет ту принципиальную критику антипсихологизма Фреге, которую он развивал в "философии арифметики" и что все спорные вопросы, выраженные в "Пролегоменах", содержатся в предисловии к работе Фреге "Основные законы арифметики", вышедшей семью годами раньше (Гуссерль, 1909, с. 147).

В силу этого взгляды Фреге и Гуссерля оказываются пересекающимися в своей критической части. И тот, и другой в ходе критики сформировали свои собственные философские и логические концепции. Затем Гуссерль переходит к построению "чистой логики", отождествляя ее с теорией познания, и от нее переходит к построению феноменологии, а Фреге – выделяет предмет собственно математической логики и занимается непосредственно ее построением. Вместе с тем оба мыслителя решают, в первую очередь, одни-познавательные проблемы. Оба проводят различие между процессом познания и содержанием результата познания, отнеся его к миру абсолютной и объективной истины. Общность их позиции определяется признанием объективного характера мира знания и существования "тождественно единой истины". У Фреге это даже приводит к постулированию третьего мира, мира идей, который затем становится основным моментом в методологической концепции Поппера. "Необходимо признать третий мир, – пишет Фреге. – То, что принадлежит ему, подобно идеям в том, что оно не ощущается чувствами, а вещами – в том, что не нуждается в носителе, сознанию которого оно принадлежит. Мысль, которую мы выражаем в пифагоровой теореме, истинна во все времена, независимо от того, признает ли ее кто-нибудь истинной. Ей не нужен носитель" (Frege, 1968, p. 523). Она не зависит от содержания индивидуального сознания, в противном случае нельзя было бы говорить о "теореме Пифагора". Приходилось бы говорить о "моей теореме Пифагора", "его теореме Пифагора" и т. д. Положение о том, что общее может быть дано человеку в познании как таковое, и есть то, что противопоставляют Фреге и Гуссерль психологистическим теориям логики и знания. Оба мыслителя отвергают зависимость логики и математики от психологии, которая исследует духовный мир и сознание отдельного человека. Мысль Фреге отделена от конкретного носителя, так как та мысль, которую сформулировал один человек, может быть сформулирована и другими людьми. Фреге считал, что люди являются не столько носителями мыслей, сколько носителями представлений, чувственных впечатлений. Мысль непосредственно связана с истинностью, в силу этого она не зависит от того, признает ли ее конкретный человек или нет. Поэтому, как считает Фреге, в процессе мышления происходит не производство мыслей, а только формулирование их, ученый не создает, а открывает истинные мысли, которые существуют независимо от него в мире идей. Истины вневременны, вечны и неизменны. Они не зависят от того, кто выражает их. Поэтому-то мысли и могут быть истинными, даже если их никто еще не сформулировал. Они уже существуют в третьем мире и в принципе всегда могут быть сформулированы.

Именно признание существования истины, независимой от познающего субъекта, признание качественного своеобразия и несводимости друг к другу логической необходимости и реальной и является, на мой взгляд, общим моментом, характеризующим антипсихологистическую позицию Фреге и Гуссерля. И Фреге, и Гуссерль считают, что логические законы не предполагают ничего психологического, никаких фактов "душевной жизни", как это было у Милля и Зигварта. Для них

недопустим психологистический, натуралистический редукционизм, в соответствии с которым идеальные, априорные структуры, такие, как, например, логические законы, сводятся к эмпирическим фактам, к проблемам обыденной жизни, обыденного восприятия. Оба антипсихологиста считают необходимым провести грань между объективным, идеально-логическим содержанием мысли и субъективным, реально-историческим процессом мышления. Мысль не принадлежит сознанию отдельного человека. В таком случае, могут ли логические законы основываться на законах психологии? Оба мыслителя приходят к отрицательному ответу.

Аргументация, например, Гуссерля выглядит следующим образом:

1) Если законы психологии носят общий и приблизительный характер, не обладают однозначной определенностью, то на приблизительные теоретические основы могут опираться лишь приблизительные правила. Если в психологических законах отсутствует точность, то ее нет и в логических законах. Это противоречит, считает Гуссерль, тому совершенно очевидному факту, что законы логики имеют сверхэмпирический и абсолютно точный характер.

2) Если встать на точку зрения психологизма и попытаться заменить свойственную психологизму неточность и приблизительность, предполагает Гуссерль, утверждением, что психологические законы представляют собой точные естественные законы, то в таком случае единственным путем для оправдания и обоснования их является индукция. В таком случае, согласно Гуссерлю, индукция будет выражать не истинность закона, а лишь ту или иную степень вероятности его.

Следовательно, все логические законы окажутся лишь вероятными законами. Тогда, как с точки зрения и Гуссерля, и Фреге, все логические законы являются истинными "a priori" и получают они свое оправдание не через индукцию, а "через аподиктическую очевидность".

3) И, наконец, последняя возможность. Если все-таки логические законы основаны на психологии и первые являются нормативными формулировками вторых, "то они сами должны были бы обладать психологическим содержанием и именно в двояком смысле: они должны были бы быть законами для психического, и вместе с тем предполагать существование психического или же заключать его в себе" (Гуссерль, 1909, с. 59). Это явная нелепость, с точки зрения Гуссерля, тем более, что ни один логический закон не является законом для фактов психической жизни.

Таким образом, неумение различать "эмпирические законы", обладающие фактическим содержанием, и законы точных наук, которые являются лишь "идеализирующими фикциями", а равным образом различать идеальное и реальное, является основной ошибкой психологизма, с точки зрения как Гусселря, так и Фреге, и ведет к искаженному пониманию природы логических и математических законов. В свою очередь, истина и познание оказываются зависящими от познающего субъекта (конкретного индивида, обладающего определенной психофизхической организацией, в психологизме эмпиризма, либо трансцендентального субъекта в психологизме кантовского типа).

Основная ошибка психологизма одновременно является и первой причиной его существования. Неупорядоченность и многозначность логической терминологии – другая причина существования психологизма, считают Фреге и Гуссерль. Необходимость уточнения основных понятий логики и упорядочения ее терминологии является насущной задачей, с точки зрения обоих мыслителей. То, что Гуссерль только декларирует, для Фреге является основным содержанием его работы. Фреге строит исчисление понятий, с помощью которого он хочет устранить многозначность и логическое несовершенство естественного языка. Этот язык, с точки зрения Фреге, нужен, в первую очередь, не сам по себе, а для точного выражения как формальных выводов, так и внелогического содержания конкретнных научных дисциплин. Это то, чем занимается Фреге на расчищенной от психологизма почве. Гуссерль же переходит к построению "чистой логики", задача которой – выявить формы существования науки.

Гуссерлевская методологическая концепция оказала серьезное влияние на развитие методологии в других науках, способствовала движению антипсихологизма как ЛКД эпохи.

В чем сущность методологической концепции Гуссерля? Что для него "делает науку наукой"?

3ЛО. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГУССЕРЛЯ

Итак, что для Гуссерля "делает науку наукой"?

. В решении этого вопроса на первый план в качестве определяющего признака Гуссерль выдвигает принцип единства обоснований, ибо именно единство связи обоснования, с точки зрения Гуссерля, является определяющим признаком принадлежности к науке, так как просто отдельные факты, объединенные в группу, еще не создают науку. Для Гуссерля является несомненной существующая специфика познания в каждой отдельной науке, но для него столь же несомненным является и то, что обоснование не принадлежит к области ведения отдельной конкретной науки. Мы можем выяснить форму обоснования, считает Гуссерль, независимо от каждой дисциплины. Логика отделяет обоснование от отдельных конкретных форм и ищет всеобщую. Это и делает возможным логику и наукоучение. "Чистая логика" исследует эти обоснования как всеобщую форму рассуждений в самых различных дисциплинах. Однако конкретная наука определяется не только формой обоснования. Наука представляет собой определенную систему понятий, относящуюся к двум равным типам предметов:

– эмпирические предметы, которым соответствует эмпирические описательные науки. В этих науках, с точки зрения Гуссерля, нет логической проблематики, но именно логика должна поставить и решить вопрос о специфике естественнонаучных законов;

– идеальные или формальные предметы, которым соответствуют логико-математические науки и свой тип логико-гносеологических обоснований

3.1.Х. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОБЛЕМ ПСИХОЛОГИЗМА-АНТИПСИХОЛОГИЗМА В ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Фреге-Гуссерлевский антипсихологизм в начале XX века как бы подвел черту под спором между психологизмом и антипсихологизмом, однозначно решив его в пользу антипсихологизма в логике и методологии науки. В силу гносеологической направленности спора этот результат приобрел общезначимый характер и для других областей гуманитарного знания. Однако антитезу "психологизм-антипсихологизм" нельзя было бы характеризовать как логико-культурную доминанту, если бы не происходил постоянный процесс воспроизводства, реконструкции ее особенностей в разных пластах культуры и в разные исторические промежутки времени.

Возвращение позднего Гуссерля к психологизму, в форме социального психологизма стало очевидным вовсе не сразу, тогда как внешняя победа антипсихологизма ни у кого не вызывала сомнений. Это приводило либо, как например, при характеристике достижений каких-то мыслителей, стоявших на позициях психологизма, к стандартным оборотам типа "несмотря на психологизм" (особенно ярко это проявилось в лингвистике, что будет рассмотрено далее), либо к восприятию установок антипсихологизма как само собой разумеющихся и не подвергаемых сомнению. Вместе с тем исподволь происходил и постепенный процесс возрождения психологизма[4]. Вначале это коснулось проблем методологии научного познания, потом появились работы, в которых говорилось о необходимости возвращения психологизма и непосредственно в логику.

Как же в целом проявились проблемы психологизма-антипсихологизма в логико-методологических концепциях XX века?

Возрождение Гуссерлем психологизма на качественно новой основе уже не индивидуальной, как это было свойственно классическому психологизму, а социальной "психологии" оказалось той формой психологизма, которая отстаивается в современных Логико-методологических работах. В современных концепциях, как мне представляется, решается с точки зрения психологизма (социального психологизма) лишь второй основной вопрос, характеризующий классическую форму антитезы психологизма-антипсихологизма, а именно – проблемы обоснования и развития научного знания.

В линии психологизма можно выделить имена Т.Куна, П.Фейерабенда, Ст.Тулмина. Позиция антипсихологизма наиболее ярко представлена в работах К.Поппера и И.Лакатоса. При этом, если антипсихологизм Лакатоса во многом проявляется как реакция на психологизм Куна и в этом смысле непосредственно связан с ним, то антипсихологизм Поппера носит совершенно иной характер. Попперовский антипсихологизм обращен, с одной стороны, к корням психологизма и поэтому направлен против психологизма Милля, вскрывая в нем неожиданные для классической реконструкции Фреге и Гуссерля пласты. С другой стороны, он является реакцией на непредсказуемый в каком-то смысле психологизм

неопозитивизма, для которого именно антипсихологизм является программным положением

Ввиду того, что как в современных дискуссиях по проблемам развития знания, так и в возрождении психологизма Кун занимает особое место, я и хотела бы сначала остановиться на анализе его концепции

З Л Ы . ПСИХОЛОГИЗМ КУНОВСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ЗНАНИЯ

В чем проявился психологизм в методологии Куна? В чем заключается ёго близость к психологизму позднего Гуссерля?

Гуссерлевский психологизм связан с исследованием различных форм общезначимого (науки, религии, других форм "интуитивно достоверного"), с ориентацией философии, научного познания на изначальную интенцию, на "жизненный мир" как мир простого верования (doxa), имеющий социальные и исторические характеристики Куновская парадигма возникает в результате рассмотрения только мира науки и возводит в абсолют господствующую в нем парадигму, которая представляет собой конкретизацию определенной теории Умонастроения ученых в период господства определенной парадигмы (в период "нормальной" науки) заключаются в догматической приверженности ей. Если в куновской модели знания принудительной обязательностью обладает лишь парадигма, то в психологической концепций позднего Гуссерля такой обязательностью обладает весь круг догадок, смутных верований, процесс получения которых, так же, как и процесс получения парадигмы, "вынесен за скобки" рассмотрения Фактически поздний Гуссерль постулирует такой способ познания, "при котором истина выступает как общеобязательная, принудительно необходимая, даже если мы не отдаем себе отчета в ее содержании, чисто интуитивно чувствуем ее достоверность, просто верим в нее" (Мотрошилова, Соловьев, 1964, с.96). Таким образом "предмет мысли" оказывается общеобязательной нормой, но так как речь идет о нормах, имеющих именно социальные и исторические характеристики, о нормах общеобязательных для определенного общества, то психологизм оказывается именно социальным психологизмом Так как в куновской модели развития знания процесс принятия и смены одной парадигмы другой является процессом, относящимся к области ведения социальной психологии, то и его психологизм тоже оказывается социальным психологизмом

Несмотря на многочисленные уточнения и разъяснения Куном своей методологической концепции, интерпретация которой различными "научными сообществами" показалась ему не совсем адекватной, основные положения его методологии, как признает это и сам Кун, не изменились. Сохранилась и психологическая направленность его методологии

Если методология классического психологизма рассматривала научное знание, исходя из психологических особенностей познающего субъекта, то в концепции Куна развитие знания рассматривается, исходя из психологических особенностей такого

субъекта, в качестве которого выступают научные сообщества, "сплоченные единым "взглядом на мир", уникальностью их теоретических построений" (Порус, 1977, 0.87), Единичного субъекта классического психологизма Кун заменил коллективным субъектом – научным сообществом, и развитие знания оказалось результатом деятельности уже "профессионального субъекта". Это ведет к релятивизму, которые еще Гуссерль периода "Логических исследований" рассматривал как психологизм

"Психологизм во всех своих подвидах и индивидуальных проявлениях есть ни что иное, как релятивизм, но не всегда распознанный и открыто признанный" (Гуссерль, 1909, с. 10). Релятивизм приводит, к тому, что всякая истина и результаты познания оказываются зависимыми от познающего субъекта, единичного или коллективного. Для классического психологизма мерой всякой истины выступал познающийиндивид как таковой, для социального психологизма Куна ею оказывается научное сообщество, выбирающее парадигму и определяющее ее истинностный статус, ориентируясь на социальную психологию Получается, что парадигма, истинная в каком-то одном научном сообществе, оказывается ложной в другом, ибо нет никаких рациональных критериев оценки и сравнения различных парадигм

Поэтому, когда возникают кризисные периоды развития науки и ведутся споры вокруг парадигмы, то выбор между альтернативными способами научного исследования и принятие новой парадигмы определяется верой в то, как считает Кун, "что новая парадигма достигнет успеха в решении большего круга проблем, с которыми она встретится, зная при этом, что старая парадигма потерпела неудачу при решении некоторых из них. Принятие решения такого типа может быть основано только на вере" (Кун, 1975, с. 199). При этом число сторонников новой парадигмы невелико, но "достаточно компетентно" для улучшения парадигмы и превращения ее в "принцип принадлежности" к данному научному сообществу. "..-Если парадигме суждено добиться победы в сражении, число и сила побеждающих аргументов в ее пользу будет возрастать. Многие ученые будут тогда приобщаться к ЕОВОЙ вере, а дальнейшее исследование новой парадигмы будет продолжаться" (там же, с. 20*1).

Таким образом, с точки зрения Куна, процесс перехода от одной парадигмы к другой определяется не эмпирическими факторами и не логическими аргументами, а некоторыми нелогическими – . психологическими, социологическими и т.п. соображениями. Сам переход от одной парадигы к другой напоминает гештальт – переключение и поэтому не моЛет быть объяснен и описан в рациональных терминах. Кун считает, что критерии выбора парадигм имеют внелогический характер, эти критерии для Куна оказываются крайне субъективкыми, не имеющими рационального описания. Принятие новой парадигмы определяется верой в то, что она сможет решить тот круг проблем; с которым встретится. Таким образом, вера является решающим аргументом в пользу новой парадигмы .

Как проявился психологизм в центральном для Куна понятии парадигмы?

Многие исследователи в области логики и методологии науки неоднократно отмечали, что центральное в концепции Куна понятие – понятие парадигмы, является недостаточно четко определенным. Так, М.Мастерман (см. maz1egtap, 1970, p. 59-89) насчитывает более двадцати толкований термина "парадигма", встречающихся в работе Куна, разделяя их на три основные группы:

– метафизические парадигмы, или совокупность убеждений, мифов, способов видения мира;

– социологические парадигмы, под которыми Мастерман понимает общепринятые научные достижения и некоторые конкретные достижения;

– конструктивные парадигмы, т.е. технический аппарат, учебники, инструментарий.

Однако, я думаю, можно объединить первые два пункта в рамках социально-психологической стороны парадигмы, а под пунктом три понимать ее методологический аспект. Таким образом, основные компоненты куновской парадигмы, по-видимому, надо искать, исходя из общей особенности куновской модели науки, которая, на мой взгляд, заключается в ее психологизации в рамках социальной психологии. Поэтому парадигму следует рассматривать, во-первых, как общий регулятивный принцип жизнедеятельности научного сообщества, сила которого (данного принципа) заключается не в его внутренней логической связанности, не в его методологических преимуществах по сравнению с другими парадигмами, а в той или иной степени веры в его непогрешимость, то есть перед нами социально-психологическая сторона парадигмы. Вместе с тем, она является именно и совокупностью основных методологических принципов, куда включаются основные понятия, приемы и методы исследования, которые управляют всей деятельностью научного сообщества и создают единый способ видения мира.

При этом, согласно Куну, каждая новая парадигма создает совершенно новый способ видения мира, а "кризис", в результате которого происходит смена мировоззренческих установок, является психологическим процессом. Таким образом, по Куну, переход от одной парадигмы к другой происходит не в результате ее методологических преимуществ, но благодаря той степени веры в ее непогрешимость, которая ведет к принятию парадигмы сообществом ученых как необходимого и существенного образца для теоретических и мировоззренческих выкладок. Согласно Куну, каждая новая парадигма приносит совершенно новую рациональность. Переход от одной парадигмы к другой не может управляться правилами разума, и поэтому он рассматривается в сфере социальной психологии открытия, то есть "согласно Куну, научная революция иррациональна и должна изучаться психологией толпы" (Lakatos, 1979, p. 140).

Вместе с тем, для Куна революция – явление исключительное и даже экстранаучное. Основной этап в развитии науки попадает на период нормальной науки в рамках господствующей парадигмы. При этом "исследование в нормальной науке направлено на разработку тех явлений и теорий, существование которых

парадигма заведомо предполагает" (Кун, 1975, с.44).

В нормальной науке идет постоянная проверка (испытание), но эта проверка особого рода, проверка, которой подвергается не господствующий догмат (парадигма) закрытой научной общины, а ученый как индивид. Проблемная ситуация сравнивается с головоломкой, а парадигма рассматривается как гарантия существования решения любой головоломки. Если решение головоломки не найдено, то негативный результат рассматривается как персональное поражение экспериментатора, престиж же парадигмы так велик, что он вряд ли может быть поколеблен такими маленькими местными трудностями. Действительная же проверка парадигмы (даже при условии постепенного накопления нерешенных головоломок и противоречащих фактов) происходит каким-то с о а и о-психологическим путем.

Собственно говоря, Кун фиксирует и возводит в абсолют сложившиеся нормы научного исследования. При этом происходит фетишизация одной, наиболее влиятельной научной теории, как результат некритического отношения к миру науки в условиях сложившегося знания. И в этом смысле, конечно же, "позиция Куна в философском, методологическом отношении была шагом назад ... по сравнению с Декартом" (Грязнов, 1976, с.64), который рассматривал сомнение как движущую силу научного познания, тогда как для Куна вера в истину парадигмы является определяющим моментом в развитии науки, то есть, по сути, он фиксирует принудительную обязательность результатов знания, обязательность парадигмального знания для определенного научного сообщества.

Отсюда, как мне представляется, можно сделать вывод, что Кун фиксирует "отчужденную форму" существования науки, ее парадигмальное состояние, когда она в качестве изначального принципа внедряется в мыслительную деятельность социума, точнее – сообщества ученых. Пожалуй, лишь в этом пункте Кун как бы отходит от психологистических установок.

В его модели развития науки мир научно-теоретического знания выступает не как развивающийся и становящийся мир, а как некая замкнутая, фиксированная система жестких методологических правил и установок, в которой парадигма обладает внешним и отчужденным от этой диалектики бытием. Куновский мир науки – это не мир проблем и задач, а мир головоломок, где от ученого требуется поиск заведомо предполагаемого решения. По сути дела, ученые, в соответствии с этой моделью науки, находятся в своеобразной психологической ситуации, в рамках, которой от них требуется приспособить свои знания, умения, накопленную информацию к заданной операции (головоломке). Парадигма выступает как гарантия существования решения любой головоломки. Правомерность же существования самой парадигмы не может подвергаться сомнению.

Таким образом, сфера деятельности ученых задается внешними ориентирами парадигмы, тогда как внутри них возникает психологическая ситуация актуализации своих навыков, умений и способностей. Кун считает, что принятие парадигмы означает, что "осознанно или н е т"; но научное сообщество принимает особый

законопроект, в котором основные и фундаментальные проблемы уже однажды и навсегда решены

В результате этого отчуждения в силах, господствующих в научном сообществе, оказываются стертыми всякие следы их происхождения в предыдущей деятельности ученых, что ведет к объединению этих сил в особый парадигмалькый мир, существующий одновременно с индивидуумами- и властвующий над ними. Само же научное производство, то есть производство, направленное на получение нового знания, превращается у Куна в систему рецептов, позволяющих использовать уже освоенный в какой-то степени предмет.

Таким образом, ставя вопрос о путях развития научно-теоретического знания и отвергая куммулятивный способ развития науки, Кун не задается вопросом о возникновении парадигмальной **#ормы знаниЯт** он не **рассматривает проблемы** возниковения парадигмы, а вопрос принятия научным сообществом основного закона его жизнедеятельности объясняется им как результат гештальт-переключения и обращения к вере. Конечно же, Кун не рассматривает знание, всеобщие законы как средство для решения некоторой индивидуальной психологической ситуации, что было характерно для классического психологизма Однако сам процесс перехода от одной парадигмы к другой определяется им внелогическими, психологическими, социологическими и тому подобными соображениями

Таким образом, сравнение классического психологизма и социального (на примере методологической концепции Куна) показывает нам как их различие – в том смысле, что социальный психологизм не решает вопрос о проблеме логического и для него характерен отказ от изучения научно-теоретического знания в зависимости от последовательных стадий мыслительной деятельности субъекта – так и общую для них основу – решение вопроса о природе и путях развития знания и обращение при этом к изучению психологических возможностей Разума (индивида или социума, в зависимости от исходной установки). При этом хочу еще раз подчеркнуть, что если психологизм позднего Гуссерля обращается к изучению, а затем возводит в абсолют все формы общезначимого, то Кун постулирует парадигму в качестве закона жизнедеятельности научного общества, рассматривая только сферу научной деятельности

З Л Ь2е АНТИПСИХОЛОГИЗМ В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИЙ ЛАКАТОСА

Психологизм Куна в методологии научного знания вызвал широкую критику со стороны **антипсихологизма**, пытающегося раскрыть объективную логику развития науки, показать ее практическую обоснованность и логическую доказательность. В этом смысле интересна позиция Лакатоса, который отрицает возможность решения проблемы развития знания в результате исследования внутренней психологии закрытого научного сообщества. Выступая с антипсихологистических позиций, Лакатос отказывается от рассмотрения "психологии науки", ибо последняя не является автономной

С точки зрения Лакатоса, возможна рациональная реконструкция объективного роста научного знания. В качестве объекта методологических оценок он предлагает "воспроизведение научного прогресса как размножение соперничающих исследовательских программ, прогрессивных и регрессивных сдвигов проблем" (Lakatos, 1970, p. 144). Идея методологии научно-исследовательских программ была изложена им в работе "Доказательства и опровержения", где дается анализ специфики мышления в математике. А в статье "Фальсификация и методология научно-исследовательских программ" Лакатос рассматривает свою позицию в связи с позицией Поппера и как альтернативу Куну. Он отрицает монопольное господство парадигмы в науке и утверждает, что развитие научного знания происходит в результате соперничества и борьбы научно-исследовательских программ, которые можно назвать своеобразным методологическим образованием, состоящим из серии научных теорий и направленным на выявление диалектики процесса познания.

Исследовательская программа состоит из четырех элементов:

- "жесткое ядро", на которое отрицательная эвристика программы запрещает направлять стрелы модуса толленса;
- "защитный пояс" тех вспомогательных гипотез, которые порождаются отрицательной эвристикой;
- положительная эвристика: совокупность правил и технических приемов, организующих исследователя в выборе проблем и путей их решения, то есть совокупность методологичесих правил;
- программа, излагающая цепь моделей, заменяющих реальность.

Ядро программы принимается по конвенции; конвенционализм Лакатоса позволяет отказаться от "жесткого ядра", если программа перестает предсказывать неизвестные факты. В отличие от Куна, Лакатос отрицает тезис о конечной обусловленности смены программ факторами социально-психологического характера. Однако следует подчеркнуть, что те чисто логические критерии сравнения программ, о которых говорит Лакатос, остаются неясными. Ясно одно, что сравнение конкурирующих программ должно проходить с точки зрения логико-методологичесих установок, под которыми Лакатос никоим образом не имеет в виду однозначные, формально-логические критерии.

Прогресс в науке оценивается им в терминах прогрессивного и дегенеративного сдвига проблем. Критерий прогресса (и регресса) может быть применен только к серии теории. Какая-то серия теории $T_1, T_2, T_3 \ldots T_{n+1}$ образует прогрессивный сдвиг проблемы, если в ее каждой новой теории содержится дополнительное эмпирическое содержание по сравнению со старой теорией T_n. Если серия теорий является теоретически прогрессивной, то она является и эмпирически прогрессивной, то есть ведет нас к актуальному открытию новых фактов. Программа регрессивна как целое (или находится в стадии застоя) в том случае, если ее теоретический рост отстает от эмпирического, то есть если она дает объяснение

лишь для случайно открытых фактов или фактов, которые получены внутри конкурирующей программы Отсюда критерий научности концепции Лакатоса заключается в способности исследовательской программы предсказать и объяснить новые факты ·

Всякая исследовательская программа, согласно Лакатосу, может заранее предвидеть возникновение аномалий "Нет сомнения, – пишет он, – что Ньютон и его коллеги предвидели аномалии, когда создавали свои первые модели" {Lakatos, 1970, p. 136). Аномалии, согласно Лакатосу, могут быть известны в течение десятилетий, а затем могут победоносно превращаться в подтверждающие примеры, поэтому они не должны, с его точки зрения, рассматриваться учеными со стороны психологически беспокоящего неудобства Они должны просто регистрироваться в надежде на то, что со временем превратятся в подтверждение программы

Несомненным достоинством концепции Лакатоса является то, что она подчеркивает относительную самостоятельность, объективность и внутреннюю закономерность процесса развития научного знания. Научное знание, направленное на познание объективных законов мира, действительно является относительно самостоятельным образованием, не зависящим от структуры сознания познающего индивида и социума Еще Гуссерль в первом **томе** "Логических исследований", то есть когда его антипсихологистическая позиция была четко выражена, отмечал, что психологизация научно-теоретического знания ведет к его релятивизации и антропологизации, то есть она ставит объективность знания и зависимость "от человека, от человечества". Если Гуссерль при-этом своеобразным образом онтологизировал истину, помещая ее в мир идеальных истин, существующих, вне и независимо от познания, то для антипсихологизма Лакатоса существенно показать лишь бтносительную **независимость** научно-теоретического знания от психологических возможностей индивида и социума, относительную автономность и активность мира науки.

Сравнение классического и современного антипсихологизма позволяет отметить · следующее: если в основе первого лежал поиск первичных, изначальных данных и независимых от познающего субъекта элементов познания, то в антипсихологизме Лакатоса заключено стремление объяснить объективность существования ставшего знания, которое, с одной стороны, является результатом деятельности познающего субъекта, а с другой стороны, действительно приобретает независимое от субъекта существование

Представители классического антипсихологизма искали идеальную "чистую" от всяких характеристик индивида и социума модель познания. Лакатос же пытается рассмотреть взаимосвязь между "внутренней историей", под которой он понимает логическую реконструкцию процесса познания и "внешней историей", которая состоит из социальных и психологических моментов познания. Таким образом, Лакатос пытается объяснить относительную автономность ставшего знания, понимая под этим ее логическую, но отнюдь не онтологическую характеристику.

Итак, если для первого этапа спора между психологизмом и антипсихологизмом в логике и теории познания было характерно преувеличение значения формальной логики в решении вопросов развития научно-теоретического знания, а современный психологизм вообще отрицает значение формальной логики для решения этих вопросов, то для современного антипсихологизма характерно стремление (чаще лишь на уровне деклараций) использовать те технические средства обсуждения проблемы развития науки, которые дает современная формальная логика, но при учете социально-психологических моментов познания.

3.1.3. НЕОПОЗИТИВИЗМ и ПОППЕР: ИХ ОТНОШЕНИЕ К АНТИТЕЗЕ "ПСИХОЛОГИЗМ-АНТИПСИХОЛОГИЗМ"

Что позволяет мне рассматривать эти разные философские концепции в одном параграфе?

В неопозитивизме тезис антипсихологизма носит программный характер, столь же существенен антипсихологизм и для философской позиции Поппера. Собственно методологический подход Поппера, включая антипсихологистические установки, во многом определяется его критическим анализом неопозитивистской доктрины. В то же время, на мой взгляд, в неопозитивизме своеобразным образом переплелись программные идеи антипсихологизма с субъективизмом и психологизмом на деле. Похожая ситуация, как мне представляется, характеризует и концепцию Поппера. Устраняя психологизм, он сохраняет его в своей гносеологии. В контексте данного исследования позиция Поппера представляет особый интерес. Ни в одной другой современной философской системе не проявляются так ярко черты антитезы "психологизм-антипсихологизм" в качестве ЛКД, как в философско-методологичеекой концепции Поппера. *

. Чем определяется такая оценка попперовской позиции?

Доминантная роль антипсихологистической позиции Поппера проявляется, с одной стороны, в том, что "логика науки Поппера является типичным образцом реализаций господствующих на Западе в XX веке основных тенденций разработки философской теории научного знания, эпистемологии, теории научного метода на базе антипсихологизма." (Садозский, 1983, с. 15). С другой стороны, в том, что тезис антипсихологизма последовательно проводится им и в социальной философии. В частности, это выражается $ нетрадиционности оценок Маркса: с точки зрения Поппера, важнейшим достижением Маркса является именно его антипсихологизм (см. Поппер, 1992, Т. П., с. 131).

Я думаю, что точно также, как Поппер считает возможным рассматривать концепцию Маркса с точки зрения его отношения к проблемам психологизма-антипсихологизма несмотря на то, что сам Маркс не использовал этих понятий, - допустимо проанализировать и концепцию Поппера с точки зрения проявления в ней антитезы "психологизм-антипсихологизм" как ЛКД эпохи.

Итак, как же выражается отношение к проблеме психологизма-антипсихологизма в философии неопозитивизма? Как, в свою очередь, к антипсихологизму неопозитивизма относится Поппер?

В философской интерпретаций природы логического неопозитивисты, несомненно, занимают фрегевскую антипсихологистическую позицию, но, по сравнению с Фреге, онм делают шаг назад и возвращаются к психологизму в теории познания. В чем это проявляется? Парадоксальность ситуации, на мой взгляд, заключается в том, что, стремясь четко провести линию антипсихологизма, отделить проблемы гносеологии как логики от проблем психологии, неопозитивисты постулируют один из тезисов психологизма. Суть этого тезиса заключается в том, что решение проблем открытия, получения нового знания относится к сфере ведения психологии. Неопозитивизм открытие нового знания связывает с реальным процессом мышления, основыми чертами которого являются неясность и смутность. Такие характеристики, с точки зрения неопозитивизма, допустимы для обыденного мышления, но никак не для науки. Наука должна исходить из строгих законов логического мышления, она должна идти путем, предписанным логикой. Логика берет на себя функции эпистемологии, необходимость самостоятельного существования которой просто отпадает, но сохраняется общая для всего антипсихологизма задача отделения проблем логики, теперь уже отождествленной с эпистемологией, от задач психологии. "Эпистемология не рассматривает того, как происходит процесс мышления; эта задача целиком остается за психологией" (**Reichenbach, 193в, p.** s). Основная задача эпистемологии заключается в том, чтобы выявить логику науки.

"То, чем занимается эпистемология, - пишет Х.Рейхенбах, - это конструирование мыслительных процессов таким образом, чтобы они могли быть представлены в виде **связанной** непротиворечивой системы, или конструирование обоснованных множеств операций, которые могут использоваться для перехода от исходной точки исследования к результату мыслительных процессов, заменяя тем самым существующие в процессе мышления реальные промежуточные связи. Таким образом, эпистемология имеет дело с логическими заместителями, а не с реальными процессами мышления" (ibid, p. s). Многовековая традиция отождествления (в данном случае в форме прямой подмены) логики и теории познания сказалась и в неопозитивизме. Однако, так как логика уже выделилась в качестве самостоятельной науки, не сводимой к психологии, а теоретико-познавательные вопросы по-прежнему рассматривались на субъективно-психологическом уровне, то на практике неопозитивистская доктрина вылилась, как мне представляется, в сохранение психологизма в теории познания и антипсихологизма в логике.

Можно сказать, что "произошла лишь смена Одеяний, способов аргументации, сущность же осталась прежней" (Смирнова, 1962, с.326). Или, другими словами, можно сказать, вслед за Поппером, что в неопозитивизме происходит обсуждение все тех же психологических проблем, переведенное в формальный способ речи. В ходе своей эволюции нёопозитивизм в качестве базиса научного знания рассматривая

"протокольные предложения", "данные", "констатации" и так далее. Однако и те, и другие, и третьи оказывались предложениями, фиксирующими непосредственные индивидуальные переживания субъекта. Осознание опасности субъективизма и психологизма сыграло не последнюю роль в эволюции неопозитивизма от феноменолистического языка к физикалистскому, а затем "вещному" в качестве базисных языков науки. Все эти языки описывают непосредственный опыт познающего субъекта. Вместо традиционной для психологизма рефлексии, внимания к "актам душевной жизни", сознанию познающего индивида в неопозитивизме анализируются предложения, сформулированные субъектом в языке науки. Но это не избавляет неопозитивизм от психологизма. Трудно не согласиться с мнением Поппера, который считает, что любая попытка обоснования логических высказываний эмпирическими выступает как психологизм. В самом деле, складывается определенная цепочка взаимосвязей, характеризующая неопозитивизм и психологизм одновременно.

Сходство между неопозитивизмом и психологизмом проявляется в том, что, с точки зрения неопозитивизма, эмпирический опыт субъекта, вне зависимости от способа фиксаций его в языке, несет на себе отпечатки индивидуальных особенностей познающего. Научное знание рассматривается им как состоящее из двух различных областей: логических правил оперирования знаками языковой системы и фактических чувственных перцепций. В таком случае научное познание оказывается результатом деятельности познающего субъекта, построение научно-теоретической системы – процессом .сведения эмпирических наблюдений познающего к языку. Теоретическое знание трактуется как зависимое от эмпирического, тогда как эмпирическое совершенно независимо от теоретического. Налицо субъективизация и в некотором смысле, несмотря на формальный способ изложения, натурализация процесса познания, присущие психологизму. Соединение конкретно логического анализа с решением основных теоретико-познавательных вопросов, полученных в наследство от позитивизма, приводит неопозитивизм к объединению психологизма и антипсихологизма в его теоретических установках.

На мой взгляд, выявление элементов психологизма в неопозитивистской доктрине можно провести в двух плоскостях:

– разведения теоретико-познавательных вопросов, где неопозитивизм, как уже отмечалось, остается на позициях психологизма, и логических вопросов, где он занимает антипсихологистическую позицию;

– понимания неопозитивизмом вопросов открытия, получения нового знания.

Введенное неопозитивизмом различие лвук контекстов (см. Reichenbax, 1938, p.6-7): "контекста открытия" (context of discovery) и "контекста обоснования" (context of justification) лишь укрвпило психологистический тезис, в соответствии с которым проблемы нахождения, получения нового знания принадлежат исключительно к "контексту открытия" и должны анализироваться психологическими, а отнюдь не логическими средствами. Ибо, с точки зрения, например, Рейхенбаха, который и ввел указанные контексты, в "контексте открытия" анализируется процесс

"интуитивного угадывания", а поэтому он не может быть изображен логическими средствами в качестве какой-либо рациональной процедуры. Но, по существу, это ничем, на мой взгляд, не отличается от точки зрения классического психологизма, который тоже считал, что проблема открытия, получения нового знания, как и всякая иная теоретическая проблема, должна решаться на базе психологии, при этом классический психологизм, как и классический антипсихологизм, считал, что логика может принять участие в решении этого вопроса. Неопозитивизм же отдавал рассмотрение этого вопроса исключительно в ведение психологии и, в этом смысле, на мой взгляд, сам оказывался на позициях психологизма. Получается, что программный антипсихологизм вполне уживается с психологизмом на деле.

Похожая, на мой взгляд, ситуация проявляется и в творчестве Поппера. Можно ли говорить о том, что в программном антипсихологизме Поппера тоже проявляется психологизм? Я думаю, что можно. Попробую это обосновать. Поппер ставит перед собой задачу исследовать научно-теоретические проблемы способом, отличным от принятых в психологистических концепциях. "Я надеюсь, - пишет он, - строгим образом различить объективную науку, с одной стороны, и "наше знание", с другой" (**Popper,** 1959, p.97). Постулирование существрвания трех миров:

- мира физических объектов и физических состояний;
- мира субъективных состояний сознания;
- мира объективного знания без познающего субъекта - позволяет, с точки зрения Поппера, наряду с решением других проблем, строго провести линию антипсихологизма.

Основным положением в поплеровской концепции трех миров является идея автономности, "в значительной степени", третьего мира. Думаю, правомерно говорить о том, что появление универсума объективного содержания мышления[1] у Фреге и третьего мира у Поппера является реакцией на психологизацию и субъективизацию знания, поэтому третий мир оказывается у них некой онтологизированной сущностью, напоминающей платоновский мир идей. Что общего и чем отличаются друг от друга миры объективного знания Фреге и Поппера?

Основное отличие, на мой взгляд, заключается в способе задания этих миров. Поппер различает процесс получения объективного знания и его результаты, онтологизируя только результаты, для Фреге же в своей концепции этого не делает.

Как это выглядит в системе аргументации Фреге и Поппера?

Сравнение фрегевского и попперовского миров объективного знания является для меня, с одной стороны, продолжением уже начатого в разделе "Лидеры антипсихологизма: Фреге и Гуссерль" анализа фрегевского антипсихологизма, с

[1] Впредь о фрегевской идее существования универсума объективного содержания мышления я буду тоже говорить как об идее третьего мира.

другой стороны на базе такого сравнения элементы психологизма в логико-методологической концепции Поппера становятся наиболее очевидными.

Фреге для обоснования своей антипсихологистической позиции проводит идею о строгом отличии друг от друга мысли и представления. Представления, по Фреге, – это сфера чувственных впечатлений, ощущений, эмоций, настроений, это мир склонностей и желаний. Человеческими представлениями интересуется психология. Она исследует духовный мир и сознание, носителями которых являются отдельные люди. Как уже отмечалось, мысль, для Фреге, – это явление знечувственного порядка. Она независима от представлений внутреннего мира человека, зато связана с истинностью и принадлежит миру объективного знания. "То, что я признаю истинным, – пишет Фреге, – об истинности чего я выношу суждение, является истинным совершенно независимо от того, признаю лк я это истинным, и даже независимо от того, думаю ли я об этом вообще. К истинности мысли не имеет отношения то обстоятельство, что эта мысль кому-то принадлежит" (Фреге, 1987, с. 42). В силу этого психология не имеет никакого отношения к исследованию мысли на любом этапе существования последней – на этапе открытия или привычного оперирования. Напомню, что, по Фреге, в процессе мышления происходит лишь как бы артикулирование мыслей. Интерес же науки к фактам он считает вполне обоснованным, поскольку сам "факт – это такая мысль, которая истинна" (там же, с. 42). Таким образом, по Фреге, оказывается, что процесс получения, открытия нового знания – это – совершенно объективный процесс. Представители науки занимаются не созиданием новых истин, а открытием истин, которые существуют вне и независимо от конкретного ученого. Формулирование истинных мыслей независимо от их носителей. Мысли могут передаваться, сообщаться. Они могут вызывать изменения во внутреннем мире человека. Но в основе своего бытия сами мысли остаются незатронутыми, они не изменяются. Последовательный антипсихологист, Фреге утверждает: "Тот, кто мыслит, не создает мыслей: он должен признавать их такими, как они есть. Они могут быть йстинными, даже не будучи еще никем сформулированы..." (там же, с.47). Фреге исключает из науки, на всех этапах ее развития, любой психологический анализ.

Оценка деятельности ученого в целом у Фреге и Поппера не совпадают. Для Фреге эта деятельность носит объективный характер, для Поппера, как мне представляется, – нет.

Стремление к проведению последовательного антипсихологизма проявляется у Поппера, в частности, в том, что он отделяет третий мир, который является продуктом деятельности исследователей, который "населен" теоретическими системами, проблемами, проблемными ситуациями, критическими рассуждениями, "состоянием дискуссий или состоянием критических споров; конечно сюда относится и содержание книг и библиотек" (Поппер. 1983, с.441), от второго мира, где непосредственно действуют исследователи. Третий мир представляет собой знание в объективном смысле, которое "в целом не зависит от

чьего-либо требования нечто знать; оно также не зависит от чьей-либо веры или диспозиции соглашаться, утверждать или действовать. Знание в объективном смысле есть знание без того, кто знает? оно есть знание без познающего субъекта" (там же, с. 442-443). Внешне это очень напоминает фрегевскую идею третьего мира. Но в отличие от Фреге, Поппер не только постулирует факт существования объективного знания. Что же еще интересует Поппера?

Поппер исследует изменение научного знания, его рост и прогресс, рассматривая научное знание лишь как частный случай знания вообще, включая его донаучный уровень. Изучение роста научного знания является, с точки зрения Поппера, наиболее плодотворным Способом исследования роста знания вообще, так как именно научное знание выражается "в ясной и отчетливой форме" (там же, с. 326). Этот интерес вынуждает Поппера исследовать деятельность по производству знания, говорить о ней. В таком случае допустим вопрос: продуктом какой деятельности является знание? Оно является продуктом деятельности ученых, которые "действуют на основе догадок или, если хотите, субъективного убеждения (так мы можем назвать субъективную основу некоторого действия)..." (там же, с.446). Всякая научная теория, пополняющая мир объективного знания, представляет собой, по Попперу, некоторую гипотезу. Как она формируется? Ответ Поппера выглядит следующим образом: "Между прочим, я не предлагаю никакого "критерия" для выбора научных гипотез: любой выбор это рискованная догадка. Более того, выбор теоретика сам является гипотезой, которая в лучшем случае заслуживает лишь последующего критического обсуждения (а не простого принятия)" (там же, с. 330).

Совершенно очевидно, что "догадывается" некоторый субъект, личность. Обращение к реальной научной практике вынуждает Поппера говорить об элементах субъективности в деятельности ученого. Ведь "история науки, - по Попперу, - подобно истории всех человеческих идей, есть история безотчетных грез, упрямства и ошибок" (там же, с.327). Несмотря на то, что над Поппером довлеет принятая им самим доминанта антипсихологизма, требующая выведения субъекта за рамки гносеологии, он не проводит линии последовательного антипсихологизма, потому, что то, что он кладет в основу критерия относительной потенциальной приемлемости теории, "является чрезвычайно простым и интуитивно ясным" (там же, с.328), потому, что для него важны "соображения в пользу интуитивной приемлемости критерия научного прогресса" (там же, с.336) и так далее. Поппер не может провести последовательную линию антипсихологизма и потому, что отвергает идеал науки как аксиоматизированной дедуктивной системы, в рамках которого, на мой взгляд, только и можно построить эпистемологию без познающего субъекта. Поппер же рассматривает дедуктивные системы не как результат научной деятельности, а как один из ее этапов. Ведь он, по его собственному признанию, исследует науку

как деятельность. Но разве возможна деятельность без действующего субъекта? Думаю, что нет. Поэтому Поппер и не может провести линию последовательного антипсихологизма, как это сделал Фреге. Декларирование антипсихологизма не означает его проведения на деле. Вместе с тем это никоим образом не отменяет результатов Поппера по исследованию третьего мира, в котором теории, гипотезы, книги и так далее, однажды возникнув, существуют уже независимо от их создателей. Гносеология Поппера учитывает как результат, так и процесс получения знания, при описания которого он, в свою очередь, вынуждены учитывать познающего субъекта.

Поппер характеризует науку как поиск истины. Он постулирует объективное и незавимое существование истины. Но процесс получения нового знания у Поппера, в отличие от Фреге, не является абсолютно объективным процессом: по Попперу, ученые "создают мысли", что однако не мешает существованию объективной истины. Вместе с тем Попцер подчеркивает, "что **истина не является единственной целью науки**" (там же, с.347).. Поппер пишет: "Мы хотим большего, чем просто истины: мы ищем **интересную истину** – истину, которую нелегко получить" (там же, с. 347). Во-первых, я хотела бы сформулировать вопрос: что может быть важнее истины для последовательного антипсихологиста? Во-вторых, хотела бы заметить, что само понятие "интерес" является просто психологическим понятием. "Интерес – это форма проявления познавательной **потребности**, обеспечивающая **направленность личности на осознание целей деятельности** и тем самым способствующая ориентировке, ознакомлению с новыми фактами..." (Психология. Словарь, 1990, с. 146). Такая направленность науки опять-таки не согласуется с жестким антипсихологизмом.

Третий мир, который вполне может обходиться без субъекта, не исчерпывает попперовскую гносеологию. В самом деле, можно ли изменить уже созданное произведение искусства, может ли ученый изменить уже изданную книгу? Он может ее переиздать, изменить какие-то положения, даже изменить концепцию в целом. Он может сказать, что был неправильно понят, но однажды изданная книга, сформулированная теория и так далее приобретает в каком-то смысле совершенно независимое и самостоятельное существование. Значение используемых понятий может меняться, оно оказывается зависимым от употребления, в смысле Витгенштейна, оно не является жестко фиксированным, но однажды будучи зафиксированным, его написание, произнесение, артикуляция на соответствующем языке остается тем же самым. Этот факт однозначно фиксируется в попперовском третьем мире, который "возникает из высших функций человеческого языка" (там же, с.464) и включает в себя не только содержание научных идей, но и совокупность "поэтических мыслей и произведений искусства" (там же, с.440). Это "обитатели" целостного культурного пространства, а не только мира науки.

В антипсихологических установках Фреге и Поппера, в их концепции третьего мира совпадают только оценки результатов деятельности. Для обоих мыслителей знание в объективном смысле слова представляет собой "знание без того, кто знает: оно есть знаки® без познающего субъекта" (там же, с. 443). Несмотря на той что третий мир Поппера, по его собственному признанию, "ближе всего находится к универсуму объективного содержания мышления Фреге" (там же, с. 440), разделение Поппером этапа получения знания и его объективного содержания не позволяет ему столь последовательно провести линию антипсихологизма, как это сделал Фреге.

Тезис Поппера о том, что существует только психология, а не логика научного открытия, по сути своей является тезисом психологизма. Он не раз подвергался критике в логико-методологической литературе (см.,' например, Simon H.A., 1973, p.471-480). Программный антипсихологизм Поппера оказывается наполненным психологистическими элементами. Психологизм Поппера проявляется в его утверждении о том, что процесс открытия, получения нового знания является иррациональным процессом, что он связан только с творческой интуицией ученого и случаем. г

Можно ли говорить об открытии, избегая психологизма, на рациональном уровне? Думаю, что можно. Такую возможность в частности продемонстрировал Б.С.Грязнов (см.Грязнов, 1982, с. 11-118).

Психологизм отказывает в праве на существование объективным закономерностям в становлении нового знания. Он исходит из того, что имеют место только психологистические закономерности образования новых идей в индивидуальном сознании познающего, поэтому в рамках психологизма и утверждается, что вопросы становления нового знания - это исключительная сфера ведения психологии. Позиция психологизма противоречит тому науковедческому факту, что целый ряд научных открытий являются параллельными. Проблемы становления нового знания - это отнюдь не только психологические проблемы. Стремление ограничиться при анализе развития знания рамками психологии (индивидуальной либо социальной), точно также как и стремление вынести объективные закономерности развития знания в некий онтологизированный третий мир объективного знания, не могут дать адекватного 'теоретического объяснения этих проблем.

Открытие нового знания, даже если внешне это выглядит как какое-то мгновенное явление ("озарение"),, - это отнюдь не только психологическое явление. Любое открытие происходит в определенной исторической обстановке, включено в некоторый научно-теоретический контекст. Нет жесткой альтернативы: психология или не-психология заведует процессом получения нового знания. Это - область ведения и методологии, и логики, и истории науки, и психологии. Рациональная реконструкция этого процесса, может быть не во всех случаях, но все-таки возможна. Тогда к^к, например, для неопозитивизма, уже сама постановка вопроса

об образовании, получения нового знания трактуется как психологизм в логике и теории познания. Поэтому процесс получения нового знания в философии неопозитивизма, Поппера, а затем в философии постпозитивизма оказывается процессом, принципиально не подлежащим рациональной реконструкции.

Проблемами выявления структуры объективной логики получения нового знания в качестве одного из направлений в современной логике и методологии науки занимается йнтеррогативная логика и методология, в рамках которой, на мой взгляд, происходит снятие противоположностей сторон антитезы "психологизм-антипсихологизм".

* * *

Мое утверждение о том, что в попперовской философии в целом антитеза "психологизм-антипсихологизм" выполняет функциии ЛКД, останется просто утверждением, если не обратиться к социальной философии и социологии Поппера, анализу которых, точно так же, как его логике и методологии науки, посвящено множество исследований.[1] Но роль антипсихологизма в его философии в целом, насколько мне известно, при этом не рассматривалась, хотя, на мой взгляд, вне этой проблематики трудно объяснить как происхождение попперовской эпистемологии без познающего субъекта (см. Поппер, 1983, с. 439-495), так и основные идеи и некоторые противоречия в его социальной философии.

Что позволяет мне говорить о противоречиях в социальной философии Поппера? Как они связаны с ЛКД, психологизма-антипсихологизма?

Вспомним, что логико-методологическая концепция Поппера во многом формировалась как антинеопозитивистская с сохранением программного антипсихологизма неопозитивизма и, одновременно, критикой его за непоследовательность в проведении идей антипсихологизма. В свою очередь, социальная философия Поппера по его собственному признанию, формировалась как антимарксистская с истолкованием марксизма как антипсихологизма в трактовке общества. "Глубокое сомнение в психологизме - это, пожалуй, величайшее достижение Маркса как социолога, - утверждает Попперг. Это его достижение открыло дорогу более глубокой концепции особого царства социологических законов и социологии, которая, по крайней мере частично, является автономной наукой" (Поппер, 1992, т.П, с. 105). Поппер не просто солидарен с Марксом в его антипсихологизме, но и развивает марксистские антипсихологистические идеи. "Хочу сразу же заявить, - пишет Пъппер, - что, анализируя Марксов антипсихологизм (каким я его вижу), я развиваю концепцию, под которой готов подписаться сам" (там же, с. 106).

Прочтение Маркса с точки зрения антипсихологизма является совсем нетрадиционным и, столь же неожиданным. Поппер анализирует Маркса, не

[1] Подробную библиографию см. Садовский, 1983, с. 6-8, Овчинников, 1992, с. 43.

рассматривая историю марксовых идей, а с точки зрения спора Маркса как аитипсихологиста с Миллем, ведущим представителем психологизма в социологии и политэкономии Традиционный взгляд на Маркса как, в частности, на основателя исторического материализма является для Поппера ошибочным, приверженность подобным взглядам на марксизм он определяет как вульгарный марксизм "Известное изречение Маркса; – отмечает Поппер, – "Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественные бытие определяет их сознание" можно рассматривать как краткую формулировку марксовой оппозиции психологизму – весьма правдоподобной теории, согласно которой все законы общественной жизни должны быть в конечном счете сводимы к психологическим законам "человеческой природы" (там же, с. 106).

Сам Маркс никогда не использовал понятия "психологизм"/ "антицсихологизм". Что же позволяет Попперу трактовать основные идеи Маркса именно как антипсихологистические идеи? Насколько правомерна такая трактовка Маркса?

Антипсихологизм, а это, как я предполагаю, стало уже очевидно из предыдущего анализа, оказался одной из доминирующих методологических установок для Поппера Как ученый Лоппер формируется, в первую очередь, именно как логик и методолог науки. Он остается логиком и методологом, на мой взгляд, не только тогда, когда непосредственного говорит о логике и методологии науки, но и в любой иной сфере философствования. В силу этого в области социальных наук для Поппера особенно важно найти "основополагающую логическую схему всякого **объяснения** построить ситуационную логику в качестве теоретической основы социальной философии и социологии (см. Поппер, 1992, N 10, с. 65–75; 1992, т. П, с. 115–118). Идеи и методы "Логики научного исследования" он переносит в СОЦИаЛЬНЫе НауКИ (СМ. **Popper, 1990, p. 113).**

К середине 20-х- годов XX века, когда Поппер разрабатывает логическую концепцию роста научного знания, доминирующая роль методологических установок антипсихологизма в области логики и методологии науки была очевидна Антипсмсологизм же в других областях знания требовал своей защиты Для методолога и антипсихологиста Поппера, как мне представляется, было естественным чтение любых научных текстов сквозь призму методологического антипсихологизма, "Н^ конечно, при условии, если для этого были определенные теоретические основания. Сама интеллектуальная атмосфера, в которой происходит кристаллизация какой-либо ЛКД, позволяет как бр автоматически переносить слбжившуюся "схему всякого объяснения" на разные области знания. Такой "автоматизм" сработал и в отношении попперовского антипсихологизма

В свою очередь, сам марксизм в начале XX века явным образом/ на мой взгляд выполнял функции ЛКД эпохи. В нем сконцентрировались интеллектуальные особенности эпохи. Активно использовались марксистская лексика и методология: либо в качестве соответствующего образца для подражания, либо – объекта для

критики. В соотнесении с марксизмом строились многие общественные науки, вне зависимости от партийной и территориальной принадлежности конкретных ученых, работавших в конкретных областях знания. Он по-разному проявлялся в разных науках и в разные временные отрезки, но, совершенно очевидно, что перипетии марксизма в истории культуры вовсе не завершены. Налицо все основные признаки ЛКД. Невозможно не согласиться с высказыванием Поппера о том, что "все современные исследователи проблем социальной философии обязаны Марксу, даже, если они этого не осознают", что "возвращение к домарксистской общественной науке уже немыслимо" (Поппер, 1992, т.II, с.98).

Итак, какие же есть теоретические предпосылки для попперовского прочтения Маркса как антипсихологиста?

Несмотря на то, что традиционный взгляд на марксизм Поппер оценивает как вульгарный марксизм, для того, чтобы ответить на сформулированный выше вопрос, думаю, целесообразно выделить некоторые основополагающие характеристики марксизма, соответствующие традиции его изложения в учебной марксистской литературе. При этом я предполагаю сразу же выделять в этой характеристике марксизма те его черты, которые особенно важны, на мой вс^ляд, с точки зрения анализа проблем психологизма-антипсихологизма.

Итак, марксизм утверждает, что законы общественного развития носзг объективный характер (независимый от воли и желания не только индивида, но и социума), что движущими силами развития общества являются не личности, их сознание, цели и интересы, а диалектическое противоречие между производительными силами и производственными отношениями, что материальное производство играет определяющую роль в жизни общества, что, во-первых, происходит прогрессивное развитие общества и что, во-вторых, оно определяется объективным законом смены общественно-экономических формаций. Коренным теоретическим основанием марксизма является диалектика, основополагающим выражением которой, в свою очередь, оказываются безличные, объективные законы. Суть материалистического понимания истории Маркс и Энгельс в "Немецкой идеологии" выразили следующим образом: "...это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общений – то есть гражданское общество на его различных ступенях, – как основу всей истории; затем изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т.д., и т.д., и проследить процесс их возникновения на этой основе..." (Маркс, Энгельс, соч.т.3, с.36-37).

Даже столь краткое изложение основополагающих принципов марксизма (во вполне традиционной форме) позволяет говорить о жестком противопоставлении в марксизме объективного анализа любым формам субъективизма. В этом смысле

марксизм действительно оказывается ярко выраженной антипсихологистической позицией Получается, что элементы традиционного изложения марксизма никак не противоречат его антипсихологистической трактовке, на которой настаивает Поппер. Антипсихологизм, доведенный до логического конца, приводит к изыманию субъекта, личности из области анализа общественного развития, к сведению, в конечном счете, всех сторон общественной жизни к проблемам общественного производства, декларированному приоритету интересов коллективов (от маленького производственного, включая детсадовский и школьный, до государственного) над интересами личности.

Поппер, провозглашая антипсихологизм в области социальных наук, должен быть сторонником объективных методов в этой сфере. Тогда как в качестве представителя "свободного общества", как личность он ратует за методологию индивидуализма (см. Поппер, 1992, т. П, е.-109), которая является важнейшей характеристикой психологизма Я думаю, что нельзя говорить о разрушении психологизма при сохранений его основополагающего принципа. Поппер осознает противоречивость такой позиции, однако его замечание о том, что "принятие индивидуалистического метода" не означает "принятия психологического метода" не приводит, на мой взгляд, к снятию указанного противоречия '

Отношение к субъекту, выявление места-субъекта в общественном процессе является важнейшей линией противопоставления психологизма и антипсихологизма Если кто-то утверждает, что "психологизм справедливо настаивает на том, что "поведение" и "действия" таких коллективов, как государства или социальные группы, должны быть сведены к поведению и действиям отдельных людей" (Поппер, 1992, т, П, с. 109), то это означает принятие одного из центральных принципов психологизма Нельзя отвергать психологизм в целом, принимая его центральное положение.

Противоречивость попперовской позиции проявляется и в том, что принимая методологический индивидуализм психологизма, Поппер пытается интерпретировать психологизм только как концепцию, крторая обосновывает процедуру сведения разных наук к одной - психологии Он считает адекватным выражением содержания психологизма "несколько фраз замечательного психолога Д. Каца", который следующим образом выразил суть психологизма: "В философии одно время существовала тенденция делать из психологии "единственную" фундаментальную основу всех остальных наук... Эта тенденция обычно называется психологизмом... Однако даже науки, тесно связанные - подобно социологии или экономике - с психологией, обладают нейтральным ядром, которое не является психологическим..." (цит. по . Поппер, 1992, т. П, с. 381). Несомненно, это очень важная, но, как это видно из всего предыдущего анализа, не исчерпывающая характеристика психологизма

Как же трактует психологизм в области социальных наук сам Поппер?

Его ответ выглядит следующим образом "Теория, согласно которой социология должна быть в принципе сводима к социальной психологии, каким бы трудным ни было

это сведение, прежде всего потому, что при этом приходится учитывать взаимодействия бесчисленного множества индивидов, принималась многими мыслителями Действительно, это одна из теорий, которые часто просто брались на веру. Я назову этот подход к социологии (методологическим) психологизмом** (там же, с. 105). Трактуя психологизм только как методологическую установку на построение других наук на базе психологии, основную идею психологизма Поппер видит в следующем: "Общество является продуктом взаимодействия индивидуальных психик, следовательно, социальные законы в конечном счете должны сводиться к психологическим законам, поскольку в основе событий социальной жизни, включая и ее обычаи, лежат мотивы, рождающиеся в недрах психики индивидуумов" (там же, с. 107).

Поппер же доказывает автономность социологии, ее независимость от психологического анализа Принцип автономности построения наук является важнейшим тезисом антипсихологизма вообще, попперовского – в частности Он справедливо критикует Конта и Милля за попытку свести проблематику общественного прогресса к психологическим склонностям и законам человеческой природы Он не принимает методологическую установку психологизма на объяснение происхождения и развития социальных институтов, общественных традиций на основе человеческой природы Но при этом он почему-то не Замечает, что сознательное введение, за которое ратует сам Поппер, в историю установки на избирательность, на интерес, "писать **такую историю, которая нам интересна**" (Поппер, 1992, N 10, с.52), является установкой на личность, пишущую историю, и, соответственно, оправданием некоторых принципов психологизма

Установка на интерес исследователя не означает для . Поппера искажения фактов Речь идет о том, что среди множества фактов не будут выбраны те, "которые не имеют отношения к нашей точке зрения и, следовательно, не интересны для нас" (там же). Что это, как не введение избирательных установок познающего субъекта? Ведь психологизм, в лице Милля, тоже говорит не только о возможности сведения общественных проблем к законам человеческой природы, но и об интересах личности как факторе общественного прогресса

Доведенный до конца психологизм в социологии, по Попперу, означает, во-первых, признание идеи .начала общества, во-вторых, его детерминацию человеческой природой, человеческой психологией Такая установка, в свою очередь, приводит к постулированию существования досоциальной природы человека, что совершенно неверно, с точки зрения Поппера "...Мы имеем все основания полагать, – пишет он, что человек или, скорее, его предок стал сначала социальным, а затем уже и человеческим существом (учитывая, в частности, что язык предполагает общество" (там же, с. 110).

*Как уже отмечалось, на мой взгляд, психологизм в любой сфере носит методологический характер

Мне представляется, что сама постановка вопроса о том, что первично - психическая природа человека или его социальная природа - является в определенном плане просто бессмысленной. По-видимому, имеет смысл говорить не о том, что раньше, заменяя психологическую редукцию на социологическую, которую, по собственному признанию, проводит Поппер, а о взаимообусловленности и неразрывности этих двух процессов. Точно так же неприемлема как идея сугубо психологического происхождения общества, так и противопоставленная ей Поппером идея его социологического происхождения. При этом, я думаю, следует учитывать точку зрения, высказанную еще Кантом. Он заметил, что "только ученые, которые с момента своего появления до нашего времени существовали всегда, могут засвидетельствовать древнюю историю. Вне их сферы - все есть terra incognita-; и история народов, живших вне их сферы, начинается только с того времени, когда они в нее вступили. Это случилось с еврейским народом в эпоху Птоломеев, благодаря греческому переводу Библии, без которого не было бы доверия к их разрозненным сообщениям. Отсюда (когда начало предварительно изучено) можно следовать дальше за их рассказами. И так со всеми другими народами. Первая страница Фукидида, говорит Юм, единственное начало истинной всеобщей истории" (Кант, 1966, т.У1, с.21-22).

Мне кажется, что замена психологизма антипсихологизмом не решает множества теоретических проблем, оформулированных в рамках психологизма. Кроме того, сама идея антипсихологизма включает в себя предположение, -что все' установки психологизма ошибочны. Поэтому Поппер, принимая методологию индивидуализма, не соглашается с тем, что он тем самым как бы реабилитирует некоторые методологические принципы психологизма. Ведь для Поппера суть психологизма заключается в построении других наук на базе психологизма, что является слишком узким пониманием психологизма.

На мой взгляд, последовательный антипсихологизм в сфере общественных наук выражен лишь в школьном изложении марксизма. Тогда как в концепции Поппера такой антипсихологизм только декларируется. Школьный марксизм как антипсихологизм нивелирует роль личности в социуме, Поппер же ее подчеркивает. Для Поппера .является вполне приемлемой точка зрения Милля об ограничении сферы деятельности государства, о свободном распоряжении людьми своей частной собственностью и о реализации ими своих разумных интересов. Он принимает позицию, в соответствии с которой подчеркивается роль субъекта, личности в обществе. Но ведь и эта точка зрения Милля формируется не вопреки, а благодаря методологии психологизма. Поппер хочет сохранить методологию индивидуализма, полностью отказавшись от психологизма. На мой взгляд, это невозможно.

Он не принимает "марксовы неумолимые законы", но ведь именно они строятся по принципу фактического исключения субъекта из сферы рассмотрения проблем общественного развития, на базе последовательного, как это впервые выявил Поппер, антипсихологизма. Индивид растворяется в обществе, да и само общество встроено в систему законов. Налицо основополагающая антипсихологистическая установка на объективизм.

Не является ли трактовка марксизма как антипсихологизма искусственной?

На мой взгляд, нет. Проблема психологизма-антипсихологизма, выполняя функцию одной из ЛКД эпохи, может проявиться в позиции автора даже в том случае, если он непосредственно не обращается к ней. ЛКД характеризует интеллектуальную атмосферу своего времени и тем самым оказывает практическое влияние на стиль рассуждений, трактовку научного метода, целей науки и ее перспектив. Целый ряд философских и социально-экономических проблем Маркс решает с позиций, которые могут быть охарактеризованы как антипсихологистические.

Проблема оснований науки, построения автономных, независимых от психологии наук – это ведущая тема антипсихологизма в целом. В силу этого аргументы Маркса в пользу существования автономной науки об обществе Поппер интерпретирует как марксову критику психологизма и, соответственно, как выражение его антипсихологизма. Точно так же широко известные положения Маркса из его предисловия к работе "К критике политической экономии" о том, что правовые отношения, формы государства не могут быть поняты из общего развития человеческого духа, что "не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание" (см. Маркс, Энгельс, соч., т. 13, с. 6-7), Поппер опять-таки интерпретирует как выражение антипсихологистической позиции Маркса. Конечно, повторяю, это неожиданная интерпретация для сложившегося в нашем обществе представления о марксизме. Но, на мой взгляд, вполне обоснована. Правда, для того, чтобы так прочесть Маркса, нужно было "переболеть проблемой психологизма", увидеть его основные недостатки на основном поле противостояния психологизма и антипсихологизма, в качестве которого выступала сфера логико-методологических исследований, и лишь затем перенести идею антипсихологизма в другие сферы науки.

Декларирование приверженности какой-то идее не обязательно означает ее последовательную реализацию в конкретном исследовании, в свою очередь отсутствие такой декларации в явном виде вполне может быть связано с её реализацией на деле. Таковы, на мой взгляд, позиции Маркса и Поппера в их отношении к проблемам психологизма-антипсихологизма.

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ: "МИР ПСИХОЛОГИЗМА" В ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЕ

4.1. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЗМА

Поиск собственного предмета исследования, превращение науки о ... (о чем-то) в подлинно научную дисциплину, поиск оснований своей науки – это общая черта, характеризующая все науки конца XIX – начала XX веков. Разработка собственного предмета исследования носила общеметодологический характер и находилась, в первую очередь, для гуманитарного комплекса дисциплин внутри антитезы "психологизм-антипсихологизм". Методологизм был как бы внутренней пружиной развития данной антитезы. С точки зрения психологизма, процедура выделения объекта исследования любой конкретной науки была связана с двумя другими науками: с логикой как образцом методологической стратегии и психологией в качестве фундамента для построения других наук. В теоретическом обосновании науки происходило как бы переплетение двух сформировавшихся ЛКД, функции которых выполняли логика и психология.

"Система логики" Милля рассматривалась в качестве образца для психологистически ориентированных исследований и по истории литературы и литературоведению, и истории, и политэкономии, и социологии, и другим наукам. Так, представитель академического литературоведения в России начала XX века П.В.Сакулин писал: "Наука... творит по общим законам логики... Применение этих законов в литературоведении вполне возможно... Наука пользуется всеми доступными человеку средствами познания, но, конечно, весь процесс своей работы держит под контролем логики и метода" (Сакулин, 1990, с.68). Однако подобные высказывания реально оказывались лишь внешней формой выражения научного подхода. Согласно психологизму, вся история цивилизации произошла "от нескольких простых форм мышления" (Тэн, 1896, с. 17), поэтому проблемы всего комплекса гуманитарных наук, в конечном счете, оказываются психологическими проблемами, которые лишь исходно были связаны с соответствующим психологистическим пониманием логики. Принципы логики декларировались, но не соблюдались. Так закладывались основы формирования "аксиом психологизма".

Как же выглядит мир гуманитарного знания, с точки зрения психологизма?

Центральный вопрос в этом мире – это вопрос "кто?". Поиск ответа на вопрос о том, кто скрывается за тем или иным фактом, событием, поступком, как идет процесс рассуждения у этого выделенного "кто", подчеркивал основополагающую роль субъекта в мире, психологизма. Вместе с тем ответ на этот вопрос был самым непосредственным образом связан с базовой для психологизма проблемой поиска разными науками своего собственного объекта исследования. Воспроизведение в каждой науке соответствующего ей образа субъекта (в качестве фактической основной задачи науки) нивелировало проблему такого поиска, лишало науки собственного объекта исследования, превращая каждую из них как бы в прикладную

психологию Психологизм всегда стремился воспроизвести того, кто мыслит (в логике), либо того, кто пишет, читает (в литературоведении), либо того, кто движется, как молекула, в историческом хаосе (в истории), либо того, кто является инициатором или изобретателем идеи или поступка, ставшего примером для подражания (в социологии), либо того, кто вспоминает представления и действия, выводимые из ощущений по закону ассоциации (в психологии), либо того, чьим естественным, подчеркнуто индивидуальным, признаком является язык (в лингвистике) и так далее.

Как проявлялись эти идеи в конкретных пластах культуры? Если верно мое утверждение о том, что психологизм выполнял функции ЛКД в культуре, то в таком случае формы его проявления можно проследить во всем комплексе гуманитарных дисциплин. Так, например, в филологии, которая сама является содружеством гуманитарных дисциплин (см. Аверинцев, 1990, с^544-545), антитеза "психологизм-антипсихологизм" и обе ее составляющие части проявляются в каждой филологической дисциплине. Следовательно, можно говорить о том, что антитеза "психологизм-антипсихологизм" проявляется и в филологии в целом. Процедура выделения черт психологизма в филологии может быть охарактеризована как анализ-через-синтез, как процесс, ориентирующийся на целостность филологии в связи с ее составными частями. Так, говоря о психологизме, я буду обращаться то к его характеристике в отдельных филологических направлениях, то в филологии в целом. Из множества филологических дисциплин: языкознания, литературоведения, текстологии, источниковедения, палеографии и других я выделю две первые дисциплины, в которых наиболее ярко проявилось движение психологизма-антипсихологизма. При этом я бы хотела сразу же обратить внимание на то, что методологические установки психологизма в литературоведении часто просто совпадают с установками в истории. Такой, например, крупнейший теоретик психологизма, как французский философ и писатель И. Тэн, формулирует установки психологизма для литературоведения и истории одновременно. Задача литературоведения заключается в том, чтобы "... по литературным памятникам узнать, как чувствовали и думали люди несколько веков назад" (Тэн, 1896, с. 3). В свою очередь, "настоящая история создается лишь тогда, когда историк начинает различать сквозь мрак отдаленного времени живого человека, действующего, одаренного страстями..., когда он различает его ясно и отчетливо, как того человека, который нам вот только что встретился на улице" (там же, с. 5).

Сама форма центрального для психологизма вопроса - "кто-вопроса" - задавала область поиска возможных ответов для психологически ориентированных на^к. Применительно к литературоведению и истории психологизм связывал эту область поиска с выделением таких субъектов, для описания которых нужны были следующие характеристики: конкретные факты биографии, например, место и время учебы, любимые занятия, склонности, стиль в одежде, место в обществе, общественные ориентиры, быт и так далее. Психологистическая установка вынуждала искать

подобные характеристики как в современных литературных и исторических работах, так и в произведениях, написанных ранее. 'Поэтому для Тэна за трагедией "скрывается поэт, поэт, – как Расин, например: изящный, сдержанный, ловкий придворный, остряк, в величественном парике и в башмаках с лентами... "{Тэн, 1896, с. 5-6). Точно такой же метод анализа предлагается и при чтении греческой трагедии. Задача заключается в том, чтобы представить себе древних греков во плоти с их формой одежды, стилем жизни, спорами, особенностями быта. 8 истории литературоведении необходимо было обнаружить основные стимулы поступков людей. Поэтому существенным элементом литературоведения был психологический анализ героев произведения и авторов, создавших эти произведения. Ученые выяснили, что хотел сказать автор, фактически предполагая психологическую герменевтику, анализ души человека, его чувств, верований и дум. Психологический анализ героев был только поводом для полного описания личности поэта, писателя, всех перипетий его судьбы, переживаний, мироощущения. Шизнь художника и его творчество сливались и существовали как бы самостоятельно, независимо от всего остального мира. Влияние эпохи, культурно-исторического контекста фактически выпадало из сферы рассмотрения этого направления. "История литературы, с точки зрения представителя психологистического метода, должна буть историей – нравов и характеров" (Перетц, 1914, с. 134). В результате психологизм создавал историю авторов и литературных героев, но не историю литературы. Что же происходило с выделением собственного объекта исследования, в · частноЬти, для литературоведения? Очевидно, что при таких методологических установках результат был прямо противоположен исходной задаче поиска: наука лишалась собственного объекта исследования. То же происходило с историей.

Последовательно проведенный психологизм сводит понимание к представлению. Понять поэму – значит представить себе автора, понять историю – значит представить себе конкретных действующих лиц в .истории. Илитературовед и историк должны заняться определением психологии своих героев, приближением их к читателям и к тем, кто изучает историю. Такое приближение через представление и анализ психологии героев создает, с точки зрения представителей психологизма, возможности для конкретного наблюдения. Место так понятого наблюдения как в историческом исследовании, так и в литературоведческом анализе Тэн охарактеризовал следующим образом: "Наблюдения эти – единственный путь, представляющий возможность познать человека. Превратим же для себя прошедшее в настоящее; чтобы судить о предмете, нужно, чтобы он был перед нами. Над отсутствующими объектами невозможно проделать опыт" (Тэн, 1896, с.8).

Методология исследования, условия понимания в разных науках, с точки зрения психологизма, одни и те же. Ключ к пониманию истории, литературы, других гуманитарных наук психологизм предлагает искать в душах конкретных людей. В соответствии с установками психологизма, "язык, законодательство, катехизис, все это – лишь, абстрактные вещи. Сущность же составляет человек во плоти, которого

можно видеть, который ест, ходит, дерется и работает" (там же, с.8).

Психологизм предлагает отказаться от всех иных теоретических конструкций, объясняющих проблемы мира и место человека в нем. В основу исследования должен быть положен психологический опыт, превращающий прошедшее в настоящее, приближающий будущее, обеспечивающий условия понимания. Все события в культуре определяются едиными психологическими законами. Поэтому и литературоведение, и "история, в сущности, не что иное, как психологическая проблема (там же, с.39). Идея о том, что в разных науках психология является как бы константной величиной, которую надо зафиксировать, а затем использовать для анализа субъектов этих наук – это общая идея всего психологизма.

Реализация таких общеметодологических установок, по Тэну, должна привести к успеху, к единству гуманитарного и естественнонаучного знания. "Теперь, – писал он, – история, подобно зоологии, нашла свою анатомию, и какова бы ни была та область истории, в которой вы работаете – филология, лингвистика или же мифология, – чтобы добиться новых результатов, нужно следовать указанным путем" (там же, с. 11). Эта идея проводится не только Тэном, но и другими теоретиками психологизма. Так, крупнейший представитель психологизма в социологии, американский ученый Л.Уорд, тоже рассматривал с психологистической точки зрения весь комплекс гуманитарных дисциплин. Он считал, что психические проблемы являются основополагающими факторами цивилизации, что именно они определяют единство гуманитарного и естественнонаучного знания. "Психология, – писал он, – является физикою духа, и ее явления так же однообразны, и законы так же точны, как в физике неорганического мира. Если бы этого не было, психология не была бы наукой и не было бы никакого смысла изучать ее" (Уорд, 1897, с.27). Развивая мысль об основополагающей роли психологии в гуманитарной культуре, об общих ее основах с естественнонаучным знанием, Уорд отмечал, что "явления человеческой жизни, или, как их обыкновенно называют, социальные явления отличаются… от геологических и других явлений только природою тех сил, которые их производят. Здесь мы имеем дело с психическими силами…" (там же, с.86). Основные недостатки комплекса гуманитарных наук Уорд связывал с непониманием ими полного значения "психических факторов".

Он рассматривал психологию как фактически новую науку,' несмотря на то, что ее традиция начинается с Платона и Аристотеля и проходит через всю историю философии. Но только современная психология, считает Уорд, становится подлинной наукой, способной обеспечить развитие всех других наук. Психология, по Уорду, состоит из двух основных частей: экспериментальной и умозрительной. Именно умозрительная психология лежит в основе психических факторов цивилизации. Идея первичности ощущений в психологическом процессе и чувств в фундаменте социальных наук определяет психологизм Уорда.

Задача представителей разных социальных наук, с точки зрения психологизма, заключается в том, чтобы осознать полное значение "психических факторов" в

формировании и дальнейшем развитии своих наук. Они должны основываться, по Уорду, на умозрительной психологии, которая распадается на два отдела: "отдел чувства есть субъективная психология, а отдел интеллекта – объективная психология" (Уорд, с. 114). Интерпретация структурных подразделений психологии может меняться, но принцип анализа всей культуры, в основе которого лежат психология, психологические особенности индивида и социума – остается.

Можно ли говорить о таких ученых, которые все-таки в полной мере понимали значение "психических факторов" в культуре? Да, с точки зрения теоретиков психологизма, найти такие образцы можно. Так, Тэн в качестве образца реализации подобной методологии рассматривает комментарии Карлейля к "Кромвелю" и "Port-Royai" Сент-Бева. На мой взгляд, можно найти и другие не менее образцовые работы крупнейших представителей психологизма. Психологизм, как и любая другая логико-культурная доминанта, не имеет не только предметно-научных границ, но и территориальных, как, впрочем, не имеет их и сама наука.

Психологизм, а затем, соответственно, и антипсихологизм как ЛКД проявляются в культурологических, литературоведческих, исторических, социологических текстах, их можно найти и в театроведческих, и в других текстах гуманитарной культуры. Прежде чем перейти к анализу конкретных текстов, я хотела бы сказать несколько слов о самом понятии "текст", и о том смысле, в котором оно используется в данной работе. Ответить на вопрос о том, что такое текст, совсем непросто. Разные исследователи дают разные характеристики этого понятия. В зависимости от области рассуждения под текстом можно понимать любую связную и цельную последовательность любых знаков, любую форму коммуникации, в том числе обряд, танец, ритуал. Последовательность вербальных, словесных знаков оказывается одной из ряда уже перечисленных. Вместе с тем чаще всего под текстом понимают только письменную или печатную реализацию речевого высказывания или сообщения в отличие, например, от их устной реализации. В своем анализе я хотела бы сохранить многозначность этого понятия, но в основном в работе будет анализироваться письменный, печатный текст.

Еще одно предварительное замечание. Среди множества подходов к анализу проблем текста я хотела бы выделить точку зрения М.М. Бахтина, который считал, что гуманитарная мысль возможна лишь как мысль о чужих мыслях, смыслах, значениях, что реализована она может быть только в виде текста. "Каковы бы ни были цели исследования, исходным пунктом может быть только текст" (Бахтин, 1976. с. 124). Всякий текст является результатом деятельности определенного субъекта (автора), который выражает свои мысли в устной или письменной, печатной форме. Особенность таких гуманитарных текстов проявляется, по Бахтину, в том, что для них всегда встает проблема второго субъекта. В чем сущность этой проблемы? Вот как пишет об этом Бахтин: "Проблема второго субъекта, воспроизводящего (для той или иной цели, в том числе и исследовательской) текст (чужого) и создающего обрамляющий текст (комментирующий, оценивающий, возражающий и т. п.). Г (там же,

с. 125). В качестве такого второго субъекта может выступать любой читатель. Бахтин считал, что подлинная сущность текста раскрывается только на рубеже двух сознаний, только в диалоге автора и исследователя. По Бахтину, в гуманитарном мышлении всегда проявляется как бы стенограмма особого рода диалога, в котором складываются сложные отношения между текстом как предметом изучения и обдумывания и возникающим вокруг него контекстом, в котором формулируются вопросы, возражения и тому подобное. В этом случае происходит как бы "встреча двух текстов: готового и создаваемого реагирующего текста, - следовательно, встреча двух субъектов, двух авторов" (там же, с. 127). Бахтин формулирует равноправность двух авторов: написавшего и исбледующего.

Он считает, что автор в различных формах выражает себя в текстах своих произведений. Выразив себя, он тем самым как бы открывается для диалога с другими. Причем и сам автор может вступить в диалогические отношения со своим собствейным текстом, но уже материализованным в письменной форме и тем самым отчужденным от автора. Сотворенный текст живет уже своей собственной самостоятельной жизнью. Это тот уровень, который Поппер характеризует при помощи понятия "третий мир".

Для Бахтина понимание ответно, оно всегда отвечает на какой-либо вопрос, поэтому оно невозможно без вопросно-ответной ситуации. Более того, Бахтин считал, что и сам человек как существо социальное (общественное) может быть понят лишь через тексты гуманитарных дисциплин как первичной данности, в которой отражается подлинная сущность человека. Для него повсюду находится "действительный или возможный текст и его понимание. Исследование становится спрашиванием и беседой, то есть диалогом. Природу мы не спрашиваем, и она нам не отвечает. Мы ставим вопросы себе и определенным образом организуем наблюдение или эксперимент, - чтобы получить ответ. Изучая человека, мы повсюду ищем и находим знаки и стараемся понять их значение" (там же, 135). Понимание оказывается сложным, многослойным процессом, сама мысль - поступком (см. Бахтин, 1986, с.83), сопоставление чужих мыслей, чужих высказываний, "если они хоть краешком касаются одной и той же темы (мысли)" (Бахтин, 1976, с. 136) - диалогом. Именно такие диалогические, по Бахтину, отношения и характеризуют, на мой взгляд, тексты внутри миров психологизма и антипсихологизма, между этими двумя мирами. К анализу таких уже сотворенных текстов я и хотела бы перейти, учитывая предварительно выделенное множество характеристик совокупного "мира психологизма".

4.2о "ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОГОВОРКИ" В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

"Психологическими оговорками" наполнены исследования представителей психологизма в литературоведении. Порой эти "оговорки" загнаны в контекст исследования, как у А. А. Потони, порой - ими насыщен весь текст исследования,

как у Д Н Овсянико-Куликовского. Анализ проблем языка, понимания, творчества, истории русской интеллигенции Овсянико-Куликовский прямо и непосредственно базирует на психологистических основах .Кроме того он, как и многие другие представители психологизма, фактически ставит перед собой задачу разработки собственно проблем психологии. Он исследует прогресс в эволюции психики человека, который сводит к трем этапам На первом происходит усовершенствование двух- сфер психики человека: умственной и чувственной, на втором – подчинение волевого аппарата власти ума,* наконец на третьем – упрочивается синтез всех элементов и процессов психики. Знание психологии, психологических особенностей эволюции человека – вот ключ к пониманию всего комплекса гуманитарных наук, по мнению Овсянико-Куликозского. ^о же касается анализа языка.

Какова природа языка? Это вопрос, который решается, в том числе, внутри антитезы "психологизм-антипсихологизм". Это вопрос, который занимает существенное место в исследованиях Овсянико-Куликовского.

Природа языка, по Овсянико-Куликовскому, психична Язык, в соответствии с его концепцией, образует множество-психических ассоциаций и является орудием мышления. Он представляет собой "сложный процесс **аплерицешши** представлений, понятий и других умственных актов **грамматическими категориями.** Эти категории ^ (части речи и части предложения) усваиваются нами в раннем детстве и становятся для нас настоящими формами мысли **a priori** в кантовском смысле" (Овсянико-Куликовский, 1909, т.6, с. 12). Возникновение новых психических ассоциаций обусловлено тем, что психическая группа языка, его . артикуляционно-звуковая сторона, соединяется с умственными актами, в качестве которых выступают предсталения и понятия.

Процесс возникновения психических ассоциаций может быть проиллюстрирован на конкретных примерах. Например, может быть сформулирован следующий вопрос, непривычйо звучащий для непсихологиста В результате каких психических /ассоциаций появляется слово "дом"? Ответ будет звучать не менее непривычно. В соответствии с психологистической концепцией Овсянико-Куликовского, произнесение слова "дом" включает в себя артикуляцию, соединенную со звуком и акустическим эффектом, представление о разных домах, общее понятие о доме. Таковы компоненты, обусловливающие возникновение новой психической ассоциации Процесс произнесения каких-то слов – это все-таки вторичный процесс, в основе его лежит понимание слова как такового. Что же такое слово?

Ответ Овсянико-Куликовского построен строго в соответствий с концепцией психологизма "Слово есть сложный психическийпроцесс, принадлежащий к тому отделу психики, который называется мыслью, и сводящийся к известным процессам ассоциации и апперцепции" (там же, с.46). Очевидно, что все остальные проблемы, связанные с трактовкой слова: проблема понимания, выявления значений слов и выражений и .так далее решается сугубо с психологистической точки зрения.

Методологическая ориентация исследований ведет его к поиску и обоснованию собственного объекта истории как науки. Историк, по Лаппо-Данилевскому, изучает историю человечества, погруженную во Всёленную, где человек, как атом, частица, движется во Вселенной. Однако сам Лаппо-Данилевский рассматривает такую характеристику истории как слишком широкую, не позволяющую выделить собственный объект исследования. Вместе с тем, хочу обратить внимание на то, что уже в этом описании предмета науки явным образом можно выделить методологические установки психологизма.

Как же ограничить столь широкое определение объекта истории?

Способ выделения объекта исследований, на мой взгляд, наполнен "логико-психологическими оговорками" психологизма. Способ описания объекта исследования даёт, по Лаппо-Данилевскому, логика в ее конкретной форме: ассерторических экзистенциальных суждений и рассуждений по аналогии. Основная задача исследователя заключается в том, чтобы "иметь представление о своем представлении" (Лаппо-Данилевский, 1913, с.224). Для этого необходимо сформулировать и обосновать экзистенциальное суждение о содержании индивидуального представления.

Что является содержанием индивидуального представления об исторической действительности?

Для ответа на этот вопрос Лаппо-Данилевский вводит несколько психологистических установок. "Принцип признания чужой одушевленности" принимается в качестве нравственного постулата, а затем рассматривается с точки зрения психогенеза. "С такой точки зрения приходится сказать, что представление о чужом "я" уже дано в инстинктивном переживании чужой одушевленности..." (там же, с. 309).

Для начала историк должен заняться изучением "сочувственного переживания", "психических состояний", "психических процессов", позволяющих ему "ассоциировать" различные события в истории. Совершенно очевидно, что сама идея ассоциированности различных событий – это общая для всего психологизма идея, берущая свое начало в ассоциационистской психологии. Ассоциировать следует исторические события, языковые явления, процедуры рассуждения и так далее.

Для выделения собственного объекта истории Лаппо-Данилевскому необходимо вычленить "сочувственное переживание", "однородные психические процессы", необходимо "воспроизвести чужую одушевленность". В приск собственного объекта исторического исследования включена процедура анализа чужого "я", анализ развития самосознания через противопоставление чужого "я" своему "я". Базой таких исследований являются ассоциативные рассуждения по аналогии. По Лаппо-Данилевскому, поиск собственного предмета исследования для истории совпадает с поиском собственного объекта исследования другими гуманитарными науками как "аналогичными объектами", построенными на базе подлинно научной психологии. "В таких науках психолог, социолог или историк пользуется принципом

признания чужой одушевленности для научно-психологического понимания изучаемых ими объектов..." (там же, с. 314).

Основанием для подобного вывода служит факт "единообразия психической природы человека", который лежит в основании и логических рассуждений. Такое единообразие психической жизни в прошлом и настоящем, единообразие известных "психических факторов", позволяет, по Лаппо-Данилевскому, обнаружить "чужую жизнь" как доступную "собственному чувственному восприятию". Развивая эту мысль, Лаппо-Данилевский пишет: "...Процесс собственно научного психологического понимания характеризуется не инстинктивным воспроизведением чужой одушевленности, а возможно более наукообразным заключением по аналогии..." (там же, с. 315).

Казалось бы, какое все это имеет отношение к проблеме выделения собственного объекта исследования исторической науки? Дело в том, что для представителей психологистического направления в методологии истории анализ представлений о чужой одушевленности позволяет описать те действия, которые изучаются в конкретном историческом факте. Представление о своей одушевленности переносится на представление об одушевленности предшествующих поколений. Изучение исторических фактов, в соответствии с такой психологистической методологической установкой, происходит на базе предположения о сходстве между одушевленностью историка и изучаемых им в истории людей. В результате оказывается, что проблема исторического факта сводится к изучению отдельных исторических деятелей или исторических групп, рассматриваемых как совокупная личность.

Анализ методологической концепции Лаппо-Данилевского создает такой образ психологизма, в соответствии с которым кажется, что историк просто не сможет заняться изучением истории. Но оказалось, что так сформулированные теоретико-методологические установки поиска собственного предмета исследования и конкретно-исторические исследования могут идти достаточно независимо друг от друга, а при сравнении просто вступать в противоречие друг с другом. Я не берусь оценивать ибо не историк, конкретные результаты исследований Лаппо-Данилевского по истории, например, России, в частности, его работу "История русской общественной мысли... Но при всем моем желании вычитать там последовательное проведение тех методологических установок, которые он развивает в своей "Методологии истории", мне это сделать не удалось. Почему?

Ответить на этот вопрос совсем непросто. Несомненно, что это факт биографии Лаппо-Данилевского. Часть ответа кроется в этом. Я анализировать это не буду. Вместе с тем, мне представляется, что часть ответа непосредственно связана с функционированием ЛКД в культуре. Психологизм как ЛКД во многом определял интеллектуальную атмосферу этого периода. Психологистическая методология требовала явного выражения тех установок, которые скрупулезно выписал Лаппо-Данилевский. Вместе с тем его конкретная работа как историка-исследователя

Куртенэ, – Дж.Ст.Милля, Х.Зигварта, Л.В.Щербы, П.Н.Сакулина, других крупнейших ученых прошлого, специально оговаривают, что психологизм в их концепциях в общем-то несущественен, случаен, что результаты к какой-то области достигнуты вопреки психологизму? Но раз есть результаты, полученные в рамках определенной методологической установки, может быть, все-таки хотя бы иногда они получались не вопреки, а благодаря психологизму? Может быть, методологические установки психологизма на каком-то этапе его развития были совсем не тупиковы, а плодотворны? Можно ли говорить о плодотворном этапе развития психологизма и, – если можно, то как определить границу между его плодотворным и тупиковым этапами развития?

Эти вопросы стоят передо мною на протяжении всего исследования. Я исхожу из того, что результаты, полеченные представителями психологизма в своих областях, стали возможны не только "вопреки", но и благодаря психологизму. Психологизм стал тупиковой ветвью развития методологии науки в тот момент, когда начал оценивать свою методологию, приведшую к определенным результатам, как единственно возможную, жестко отвергая все другие подходы. Психологизм породил свою противоположность – антипсихологизм, который, зачастую вырастая из психологизма (примером такого изменения позиции являются Э.Гуссерль и Л.Блумфилд) и хорошо зная его недостатки, во многом сумел преодолеть их. Но вместе с недостатками надолго были забыты и достоинства. После работ Фреге и Гуссерля вопрос о психологизме стал считаться "устаревшим", "поскольку он полностью решен" (Котарбиньский, 1963, с.5-B5). Столь же очевидными стали считаться достоинства антипсихологизма. В этих условиях начала вырабатываться тенденция исследователей, симпатизирующих своим героям-психологистам, к их оправданию: психологизм-де несущественен и случаен.

Мне же представляется, что такое оправдание является лишним. Я думаю, что у психологизма были и свои достоинства. Задача заключается в том, чтобы выявить их. Обратимся к фонологии как науке, основы которой закладывались в рамках психологизма в работах И.А.Бодуэна де Куртенэ. Можно ли "вынуть психологизм", как считают Л.В.Щерба и Р.Якобсон, из теоретической концепции Бодуэна де Куртенэ так, чтобы ее не разрушить? Я не берусь спорить по этому поводу с теми учеными, которые считали, что можно, и которые впоследствии вместе с Бодуэном де Куртенэ стали основоположниками современной фонологии. Мне бы хотелось просто сформулировать другой вопрос: можно ли построить здание, не используя строительные леса? Ответ очевиден: конечно, нельзя. Но столь же очевидно, что после окончания строительства леса не- должны скрывать само здание. Может быть, психологизм сыграл роль строительных лесов, без которых здание возвести было все-таки невозможно? Ведь именно психологистическая установка на язык привела Бодуэна де Куртенэ к необходимости исследования "произносительной работы" и "слуховых перцепций" конкретных, реальных индивидов. Теоретические выводы вырастали на б^зе экспериментальной работы,

сориентированной методологией психологизма. Негативное же отношение к психологизму сформировалось значительно позже, но автоматизм аргументации победившей концепции антипсихологизма как ЛКД распространился не только на оценку недостатков психологизма, но и его возможных достоинств. В этих условиях говорить о каких-то достижениях психологизма было просто невозможно. Автоматизм действия ЛКД распространился и на крупнейших ученых, в этом смысле Л.В.Щерба и Р.Якобсон не являются исключением. Впрочем, и сами крупнейшие представители психологизма, пережившие радикальную ломку своих мировоззренческих и методологических установок, стремились впоследствии уточнить смысл своего психологизма. Так, по рассказу дочери Бодуэна де Куртенэ Цесарии Енджеевич, "в своей предпоследней беседе с нею отец, парируя замечание о психологизме его лингвистических работ, категорически заявил: "В действительности я всю свою жизнь был собственно феноменологом" (цит. по Якобсон, 1985, с. 33 б). По-видимому, такое самоопределение Бодуэна де Куртенэ тоже было связано с общей тенденцией развития современной ему философской мысли, столь ярко представленной в творческой эволюции Э.Гуссерля, который от психологизма через антипсихологизм пришел к феноменологии. Быть психологистом, даже в прошлом, оказывалось как бы недостойно высокого уровня ученого. А Бодуэн де Куртенэ был ученым высочайшего уровня.

Похожее отношение к своим прежним мировоззренческим и методологическим установкам проявлялось и у других представителей психологизма в период господства антипсихологизма. Однако из декларируемого отказа от психологизма не следовал реальный отказ от него. Так, Л.В.Щерба в своем докладе "Новая грамматика", прочитанном им в апреле 1933 года, то есть в период полного господства антипсихологизма, в разделе "Борьба с психологизмом" говорил о том, что тот факт, "что язык есть явление психологическое" (Щерба, 1974, с.74), не вызывает никаких сомнений. Сомнения же у него вызывают следующие вопросы: "являются ли психологические явления первичными и не следует ли за ними искать других; не должна ли психология упираться в какие-то другие основы, в результате которых появились психологические явления и язык" (там же). Тезис психологизма в лингвистике, в соответствии с которым язык рассматривался как явление психологическое, оставался нетронутым. Можно декларировать антипсихологизм, можно утверждать, что психологизм не "является несущей конструкцией в концепции Бодуэна де Куртенэ и что, следовательно, его можно "вынуть" из теории, без нанесения ей ущерба. Однако от этого не исчезает противоречие между победившим антипсихологизмом и собственной фразовой теоретической установкой на психологизм. Эта установка формировалась в процессе научной эволюции Щербы, который в ранний период творчества развивал психологистические идеи своего учителя Бодуэна де Куртенэ и подчеркивал именно психологический характер языка.

На что ориентировала методология психологизма Бодуэна де Куртенэ и его

учеников? С одной стороны, она приводила к признанию психологии в качестве базовой науки для языкознания, к психологистической трактовке языка. Бодуэн де Куртенэ: "Человеческий язык, человеческая речь существует только в мозгу, только в "душе" человека, а основная жизнь языка заключается в ассоциации представлений в самых различных направлениях..." (Бодуэн де Куртенэ, 1963, т.П, с.59). Е.Д.Поливанов, его ученик: Язык представляет собой "(относительное) тождество систем ассоциаций между внеязыковыми представлениями и их произносительно-слуховыми символами, принадлежащими всем индивидуальным языковым мышлениям некоего коллектива..." (цит.по Леонтьев, 1961, с.116-117). Внимание представителей бодуэновской школы было сосредоточено на анализе языковой личности как носителе языка, хранителе и создателе языковых особенностей. "Что касается языка, - писал Бодуэн де Куртенэ, - то о развитии языковых особенностей можно говорить только у индивидуума. В отношении племенного языка об этом речи быть не может" (Бодуэн де Куртенэ, 1963, т.1, с.208). Языковые представления от одного индивида другому могут быть переданы, с его точки зрения, только при помощи чувственных психических связей, при помощи ассоциации, или соединения представлений. "В языковом отношении индивидуум' может развиваться только в обществе, но язык как общественное явление развития не имеет и иметь не может. Он может иметь только историю" (там же, С.208). Все это множество идей Бодуэна де Куртенэ, я думаю, можно рассматривать как выражение фундаментальных принципов психологизма. Это те принципы, которые объединяют его с учениками, которые проявляются, при условии использования в качестве базовых иных понятий, во всех других пластах психологистически направленной культуры. Это основополагающие принципы психологизма как ЛКД.

С другой стороны, та же самая методология психологизма вела к анализу коммуникативных и идеологических особенностей языка, к приоритетному изучению живых языков, по сравнению с мёртвыми. Причем именно индивидуализация как методологический принцип, "методология индивидуализма", по выражению Поппера, привела Бодуэна де Куртенэ к формулировке тезиса о необходимости самостоятельного исследования языков разных социальных слоев общества - столь важного положения для современной социолингвистики. "Сюда следует отнести народный язык во всей его полноте, разговорный язык (речь) всех слоев общества данного народа, не только тех, которые ходят в сермягах и зипунах, но и тех, кто носит сюртуки, не только язык-так называемого простонародья, но и разговорный язык так называемого образованного класса. В новейшее время заметно стремление считать живым и достойным внимания науки языком только язык крестьян' и т.п., а на язык презираемой "гнилой интеллигенции" не обращать никакого внимания" (Бодуэн де Куртенэ, 1963, т.1, с.62).

Так, может быть, психологизм - это не только строительные леса? Может быть, он лежит и в фундаменте концепции?

Вот какие варианты ответов на этот вопрос предлагают представители современной лингвистики: "...Фонологические школы очень существенно развили теорию фонемы, дополнили .ее новыми положениями, но, так сказать, "выплеснули ребенка". Мы имеем в виду отказ всех фонологических школ от психологизма Бодуэна..." (Альмухамедова, Киров, 1989, с.зэ). "В настоящее время, когда имеются все условия для объективной оценки как положительных, так и неприемлемых сторон научного наследия Бодуэна, нет нужды приукрашивать его теории. Психологизм действительно красной нитью проходит через них, и "вынуть" его из бодуэновских теорий невозможно без полного их искажения" (Шарадзенидзе, 1980, с.27). Думаю, что аналогичные высказывания можно найти и у других современных лингвистов.

На мой взгляд, психологизм в лингвистике, точно так же, как и в других областях, нельзя оценивать однозначно. Основная ошибка антипсихологизма как раз и заключается в установке на такую однозначность. Нельзя его оценивать и по принципу "несмотря на", так как в этом принципе заложены пресуппозиция об исходной порочности психологизма и автоматизм стиля рассуждения победившей ЛКД. В продолжение поиска ответа на вопрос о возможных достоинствах психологизма я хочу обратиться к концепции младограмматизма.

4^5. МЛАДОГРАММАТИЗМ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПСИХОЛОГИЗМА

Младограмматизм был одним из наиболее влиятельных течений психологизма в языкознании конца XIX - начала XX веков. Его возникновение иногда относят к Германии 70-х годов XIX века (см.Чемоданов, im е.302), иногда - е о-х годов (см.Амирова и др.,' 1975, с.416.). Различия в характеристике младограмматиков касаются не только вопросов, связанных с формированием этого движения в мировом языкознании, но и, конечно, с оценкой результатов их теоретической деятельности. Обсуждение этих вопросов выходит далеко за рамки темы моей работы. Свою задачу я вижу не в том, чтобы выявить особенности практической исследовательской деятельности младограмматиков, а в том, чтобы в рамках их методологической концепции выделить те ее особенности, которые определяются психологистическими установками, показать общность этих установок в концепции младограмматизма * с установками психологизма в других областях. Младограмматизм как движение в языкознании характеризует нетолько Германию. В Германии "он связан с именами таких крупных немецких ученых, как Г.Остгоф, Оругман, А.Лескин, В.Шерер, Б.Дельбрюк, Г.Пауль, В.Штрайтберг. этому движению немецких ученых примкнули языковеды других стран: скандинавские исследователи К.Вернер, В.Томсен, С.Бугге, француз М.Бреаль, Ззвейцарец ф.де Соссюр (в первый период своей деятельности), итальянский языковед Г.И.Асколи, американский языковед В.Д.Уитни, языковеды Московской и Казанской школ во главе с Ф.Ф.Фортунатовым и И.А.Бодуэном де Куртенэ" (Амирова и др., 1975, С.416).

Несмотря на широту распространения младограмматизма, разнообразие теоретических подходов, то движение имеет много общих черт, которые и позволяют рассматривать его как некоторое целое.' Психологизм как раз и является одной из таких общих черт младограмматизма. "Психологические оговорки" его крупнейших представителей во многом характеризуют движение в целом.

Младограмматическая концепция языка базируется на понимании языка как индивидуально-психологической деятельности, поэтому психология рассматривается в качестве основополагающей для лингвистики дисциплины. Концепция языковой деятельности, понятой как постоянный процесс индивидуального творения языка, оказывается несовместимой, с точки зрения младограмматизма, с предшествовавшей господствовавшей концепцией универсальных грамматик, закреплявших неизменные правила, жесткие нормы, раз и навсегда данные в письменных текстах прошедших эпох. Младограмматизм рассматривал язык как изменяющиеся явления, как результат постоянной эволюции. Для него язык – это продукт человеческой культуры.

Анализ живой индивидуально-психологической деятельности с необходимостью приводил младограмматиков к анализу истории возникновения языка! к сравнению языковой деятельности индивида с языковой деятельностью его современников и предшествующих поколений. Индивидуальный процесс речи стал рассматриваться ими как единственно реальная данность, которую следует изучать в языкознании. Психологистические установки младограмматизма привели к тому, что именно фонетика, установление звуковых соответствий между различными языками и диалектами стали пониматься как наиболее важные направления развития лингвистики. В связи с этим фонетика как бы превращается в самоцель, а "морфология является лишь ее приложением" (Шор,. 19зе, с.13б).

Вводится требование строгого различения звуков и букв, которые не различались в философских грамматиках. Предпочтение отдается изучению живого разговорного языка по сравнению с исследованием письменных памятников. Психологистическая установка привела к анализу проблем языкового развития, к пониманию сущности языка как речевой деятельности. Разработку понятия речевой деятельности, которое использовалось в философии Гумбольдта, можно рассматривать в качестве одной из заслуг психологистической лингвистики, которая исходила из того, что "подлинным объектом языкового исследования является совокупность проявлений речевой деятельности всех относящихся к данной языковой общности индивидов в их взаимодействии" (Пауль, i960, с.4б).

Исследования младограмматиков > представлены в многочисленных работах. Однако лишь одна из них: "Принципы истории языка" Германа Пауля была названа катехизисом младограмматизма (см.Кацнельсон, 1эео, е.5-20). В ней младограмматизм нашел свое наиболее полное обоснование и обобщение. Вместе с тем в ней наряду с индивидуальным психологизмом можно, на мой взгляд, найти и более широкие обобщения, и даже выход к современным социолингвистическим проблемам.

Наука о языке понимается в катехизисе младограмматизма как наука, фокусирующая свое внимание на анализе "единичных сил", при этом ставится задача учета взаимовлияния разнородных сил культуры друг на друга. Такой учет возможен потому, что историческое становление языка происходило в рамках истории культуры, но основой истории культуры, как и истории языка, объявлялась все та же экспериментальная психология. Многообразие методов исследования языка, с точки зрения Пауля, должно быть сведено к исходным основоположениям законоустанавливающих наук, к числу которых принадлежит психология.

Языкознание трактовалось в младограмматизме как культурно-историческая наука, которая смогла на основе "всесторонней рефлексии, проникающей во внутреннюю сущность вещей" (там же, с.29) достичь высокой степени умозрительности и конструктивности. Свою заслугу младограмматики видели в том, что благодаря психологистической методолгии языкознание сумело выйти за пределы письменной традиции, на которую ориентировались их предшественники, и обратиться к анализу простейших исторических фактов. Методологическая установка на исследование индивидуальных форм проявления языка в "Принципах истории языка" Пауля была выражена следующим образом: "Чтобы уяснить себе процесс взаимопроникновения многообразных сил, необходимо, конечно, досконально знать, какие единичные силы участвуют в этом процессе, какова природа их действий. Выделение и обособление должны предшествовать обобщению и сведению воедино" (Пауль, 1960, с.26).

В основу построения языкознания младограмматики кладут два фундаментальных и равнозначных принципа. Во-первых, это принцип историзма. В соответствии с ним "все науки рассматриваются как исторические науки, но при этом выделяются две группы наук: естественно-исторические науки и культурно-исторические науки. Вторые отличаются от первых тем, что они формируются при непосредственном участии психических факторов. Так как языкознание принадлежит к числу культурно-исторических наук, то отсюда вытекает второй основополагающий принцип построения языкознания: психологизм. Для психологизма именно психология является законоустанавливающей наукой. "Психическое начало, – писал Пауль, – важнейший фактор всякого движения культуры, все вращается вокруг этого фактора. Психология является поэтому главной базой культурно-исторической науки во всей полноте ее содержания" (там же, с.30). Принцип психологизма не помешал Паулю заметить, что культура в целом не может строиться на чисто психологической основе, поэтому он признавал естественные науки и математику в качестве необходимой основы культурно-исторических наук.

Вместе с тем именно индивидуальный опыт человека является, с точки зрения Пауля, важнейшим условием исследования языка. Поэтому языкознание – это не просто историческая наука, не просто история языка. "Языкознание должно быть психологическим насквозь, даже там, где речь идет о констатации единичных фактов" (там же, – с.44). Но важнейшая задача языкознания заключается не з

20-Зак.176

констатации отдельных фактов или отдельных соответствий в родственных языках. Языкознание должно стремиться к реконструкции исходных форм и значений, то есть должно быть сравнительно-историческим языкознанием, фокусирующим свое основное внимание на исследовании речевой деятельности человека.

Пауль выделял две формы проявления речевой деятельности: физическую и психическую. С его точки зрения, физические проявления речевой деятельности наиболее доступны наблюдению – это акустика, проявляющаяся в физиологической артикуляции. Тогда как психические проявления речевой деятельности могут быть познаны только непосредственно путем самонаблюдения и тщательного анализа "собственного чутья языка".

Для психологизма подлинную причину изменения языкового узуса, то есть общепринятых употреблений слов, фразеологизмов и так далее, следует искать в индивидуальной речевой деятельности. Так, Пауль исходит из принципа постоянного превращения индивидуальных отклонений в речевой деятельности в новый узус, который постепенно вытесняет старый. Речетворчество – это постоянный процесс, проходящий через промежуточные ступени и опосредования. Речевой материал, по Паулю, по-разному используется конкретными индивидами в их индивидуальных языках, что и приводит к постепенным сдвигам в узусе. Индивидуальная духовная деятельность определяет общее языковое развитие. ¥

Разве более поздние представления об изменчивости, вариативности языковых сущностей и, в частности, разработанный в Пражском лингвистическом кружке вариантно-инвариантный подход в фонологии не восходят к психологистическим идеям индивидуальных языков? Думаю, что такую цепочку взаимосвязи можно провести. Разве сама идея существования индивидуальных языков только негативно нагружена? Думаю, что нет. Данная концепция отражает реальный факт многообразия индивидуализированных языков. Это проблема, которая волнует современную социолингвистику.

Анализ изменений языкового узуса младограмматики иллюстрируют на примерах звуковых изменений, потому что именно в передаче звука постоянно проявляется вариативность. В основе звуковых изменений, с точки зрения младограмматизма, лежат физические и психические процессы, которые определяют образование звуковых комплексов. Для Пауля является бесспорным положение о том "что каждый индивид обладает собственным языком" (там же, с.60). Но при этом язык отдельных индивидов рассматривается им как переходная ступень к языкам многих других индивидов. Благодаря психологистическим установкам младограмматизм зафиксировал реальные особенности процесса общения, в результате которого происходит, с одной стороны, постепенное сглаживание языковых различий внутри конкретной группы лиц, где постоянно поддерживается живое общение, с другой стороны, накапливается все больше различий между группами лиц, которые не находятся в состоянии непосредственного общения между собой. Индивидуальность языков связывается с интенсивностью общения. В

этом смысле можно сказать, что младограмматизм в лице Пауля не ставит непреодолимых границ между психологистическими установками и социальными ориентациями.

Примером социальных ориентаций в индивидуальном лингвистическом психологизме может служить та глава книги Пауля "Принципы истории языка", в которой он исследует проблему койне $ак общего языка, как средства повседневного общения. Через индивидуально-психологистические установки, через декларируемый психологизм младограмматизм идет к анализу социолингвистических проблем, явным образом не заявляя об этом.

Естественные границы, политические и религиозные объединения Пауль рассматривает в качестве причины, определяющей "необходимость объединения индивидуальных языков в относительно единые и замкнутые группы соответственно природным, а также политическим и религиозным условиям общения" (там же, с.61). Изменения языкового узуса связываются, с одной стороны, с индивидуальными спонтанными импульсами, с другой стороны, с условиями общения. На такой же основе рассматривается образование диалектов. Так как индивидуалистические, психологистические установки явно доминируют в концепции младограмматизма, то социальные ориентации часто просто остаются в тени для критиков младограмматизма. Тем более, что и социальные ориентации все-таки психологистически окрашены.

Так, в катехизисе младограмматизма койне понимается как некая абстракция, идеальная норма, предписывающая то, как следует говорить. Оно сравнивается со сводом законов. Но точно так же, как любой, даже самым тщательным образом разработанный закон, оставляет некоторую свободу действий при его применении, так и индивидуальная речевая деятельность всегда отличается от койне. Даже "общие для всех языков условия развития все равно будут порождать все новые и новые индивидуальные особенности" (там же, с.474). Преувеличение значения индивидуальных особенностей, бессознательного, непреднамеренного развития языка, конечно, снижает ценность социальных ориентаций в младограмматизме, однако не отменяет эти ориентации полностью.

Психологистическое направление в лингвистике неоднородно. Даже в том случае, когда образцом для построения лингвистической системы становится ассоциативная психология, а Пауль, например, говорит об этом явным образом (см. там же, с.35-36), в соответствующей психологистической концепции закрепляются основные понятия ассоциативной психологии: понятия ассоциации, ассимиляций, апперцепции, представления, аналогии, но объективная логика развития науки может вступать в противоречие с декларируемыми методологическими принципами. Это проявляется в любом выделенном подмире большого мира психологизма. Это свидетельствует о существенных недостатках методологической концепции, но не означает необходимости полного отказа от нее.

ОЧЕРК ПЯТЫЙ: МИР АНТИПСИХОЛОГИЗМА В ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЕ

5.1. ПРОБЛЕМЫ АНТИТЕЗЫ "ПСИХОЛОГИЗМ-АНТИПСИХОЛОГИЗМ" В СВЯЗИ С ТВОРЧЕСТВОМ ВИТГЕНШТЕЙНА» РАННЕГО И ПОЗДНЕГО

Мир антипоихологизма столь же неоднозначен и неоднороден, как и мир-психологизма. Тем не менее, это – именно мир, который можно выделить, у которого есть свои специфические характеристики, который может быть исследован, например, с учетом принципа "семейного сходства" Витгенштейна и в сообразовании, в соотношении с тем, что антипсихологизм выполнял функции ЛКД. Внешне мое утверждение выглядит весьма противоречиво. Принцип "семейного сходства" не предполагает никакой заданности. Он исходит из возможности рассмотрения сходств, родственных взаимосвязей какой-то группы явлений. "А результат этого рассмотрения следующий: мы видим сложную сеть. частично совпадающих и перекрещивающихся сходств – иногда это сходство в большом, иногда – в малом" (Витгенштейн, 19в т$_я$ –с. ее, бе .) В свою очередь, идея ЛКД предполагает некоторый элемент заданности, как, например, возможность присутствия ее проблематики в качестве определённой пресуппозиции в творчестве целого ряда исследователей даже в том случае, если- они проблемы, зафиксированные в ЛКД, явным образом в своих работах не обсуждают. В частности, на мой взгляд, это проявляется и в творчестве Витгенштейна, что же касается возможности выявления элементов ЛКД эпохи (в данном случае .– психологизма-антипсихологизма) в концепциях как раннего, так и позднего Витгенштейна, то, как это мне . представляется, ни принцип "семейного сходства", ни концепция "языковых игр", ни понимание значения как употребления, то есть – ни одна важнейшая идей позднего Витгенштейна, не противоречит такому подходу к анализу его философского наследства.

· ЛКД присутствует в контексте культуры. Это, я думаю, уже стало очевидным из предшествующих глав данной работы. Поэтому логико-культурная доминанта может проявиться и в размышлениях Витгенштейна, дем более, что его философскую концепцию, как это показала З.А.Сокулер, "можно охарактеризовать как антропологическую или культурологическую" (Сокулер, **1991,** с.**15).** Для характеристики некоторых элементов заданности, не исчерпывающих все пространство культуры, но присущих ей, мне кажется, допустимо использовать попперовскую абстракцию третьего мира. Она позволяет фиксировать определенные результаты развития культуры. Эта абстракция может быть дополнена некоторыми идеями Витгенштейна, что опять-таки, я думаю, на первый взгляд может показаться нонсенсом, потому что концепции Витгенштейна и Поппера порой рассматриваются как несовместимые. Сравнение текстов Витгенштейна и Поппера в контексте проблем психологизма-антипсихологизма позволяет, как мне представляется, утверждать, что между их концепциями нет

противоречия. Я думаю, что в некоторых высказываниях Витгенштейна можно найти предпосылку для характеристики культуры с точки зрения выделения в ней таких элементов заданности, обусловленности. Именно так я склонна интерпретировать следующие афоризмы Витгенштейна. "Чтобы ошибаться, человек уже должен судить в согласии с человечеством" (Витгенштейн, 1987, с.89, ise).. "... Намерение включено в свою ситуацию, в человеческие обычаи и установления. Если бы не существовало техники игры в шахматы, я бы не смог намереваться сыграть в шахматы. И поскольку я собираюсь заранее сконструировать предложение, это возможно благодаря тому факту, что я могу говорить на данном языке" (там же, с.73, 337.)"... И когда мы говорим, что кто-то дал название боли, то заранее предполагается существование грамматики слова "боль"" (там же, с.72, 257). Есть и другие высказывания, которые можно интерпретировать с точки зрения того, что я называю некоторыми элементами заданности в культуре, которые, однажды сформировавшись и приобретя устойчивый характер, в качестве результатов фиксируются в попперовском третьем мире.

Такой подход, как мне кажется, не противоречит другому известному афоризму Витгенштейна. "...Не говори: "Должно быть нечто общее,- иначе их бы не называли "играми", а смотри, есть ли у них что-либо общее. Ибо, если ты посмотришь на них, то увидишь не что-то общее для них всех, а лишь сходства, родственные взаимосвязи и целые последовательности таковых" (там же» с.66, 66.) Что же касается следующего предложения этого афоризма ^о вщиш не думай, а смотри!", то, как представляется мне, это все-таки достаточно сильная метафора для мыслителя, такого уровня, как Витгенштейн, на мой взгляд, ее можно интерпретировать как установку на скрупулезный анализ реальных фактов, а не на механическое доверие всемогущему дедуктивному выводу. Возможно, даже в этом отдельном предложении в концентрированной форме выразилось изменение позиции автора "Логико-философского трактата", который от жесткого антипсихологизма, логицизма перешел к учету субъективных факторов в изучении естественного, обыденного языка. Цепочки взаимосвязей между различными элементами "живого" языка оказались намного Сложнее однозначных логических выводов. В этом, как мне кажется, заключен основной смысл данной метафоры Витгенштейна. Эта метафора очень напоминает мне другую известную метафору, сформулированную в рамках логицистской программы: "Давайте посчитаем!" Я вовсе не утверждаю в данном случае, что витгенштейновская метафора непосредственно соотносится с лейбницианской. Я лишь воспользовалась установкой Витгенштейна - посмотрела - и увидела это антитетическое сходство между двумя метафорами двух великих мыслителей.

Возвращаясь к анализу элементов заданности в культуре, я хотела бы показать то,' как это возможно, - на примере витгенштейновской трактовки грамматики. Что задается ею?

Грамматика не строится по принципу долженствования, она только описывает язык и фиксирует те позиции, которые может занять слово. "Речь идет не о грамматике в традиционном смысле слова, а о том, что австрийский мыслитель впоследствии назовет "глубинной грамматикой", т.е. о многообразии употреблений слов и словосочетаний" (Грязнов, **1989,** с.**238).** Вместе с тем это многообразие грамматических описаний все-таки не бесконечно, оно может быть ограничено. Витгенштейн сравнивает слова, используемые в науке, с сосудами, которые способны сохранять и передавать значение и смысл. В свою очередь, слова-оосуды Витгенштейн сравнивает с обыкновенной чайной чашкой, в которую невозможно залить объем воды, превышающий объем чашки (см. Витгенштейн, **1989,** с.**241; 1987,** с.**75,** 496, 497). Я думаю, что возможно говорить о том, что наполнение таких чашек может меняться в зависимости от их формы, объема. Тем не менее такие слова-сосуды однажды должны быть зафиксированы, что вовсе не исключает изготовления новых или замены старых. Такая фиксация и может происходить на том уровне, который Поппер называет третьим миром. В концепциях как Витгенштейна, так и Поппера знание возникает все-таки в результате деятельности, а тезис о существовании эпистемологии без познающего субъекта, как я это пыталась показать ранее, Поппер декларирует, но не проводит в своей эпистемологической концепции. Тогда как идею относительной независимости результатов любой интеллектуальной деятельности от их создателей он сумел провести именно благодаря концепции трех миров. Позиции обоих мыслителей, на мой взгляд, во многом детерминировались их антипсихологистическими установками. Но если Поппер выражал это явным образом, то в размышлениях, Витгенштейна проблемы психологизма и антипсихологизма присутствуют, но нигде, насколько я это знаю, данная проблематика не сформулирована им в форме какой-либо декларации психологистической или антипсихологистической позиции. Это произошло, на мой взгляд, в силу разных причин. Одна из них связана с тем, что тексты Витгенштейна в большинстве своем носят фрагментарный, афористичный, притчевый характер, а поэтому огромная часть его размышлений, их предпосылки остаются вне рамок текстов. Витгенштейн сам отмечал это. В письме к своему издателю он писал: "Моя работа состоит из двух частей: той, что представлена здесь, плюс все то, что я не написал. И именно эта вторая часть является наиболее важной" (цит. по Грязнов, 1989, С.236).

Я предполагаю, что если установка, антипсихологизма яак ЛКД эпохи присутствует в творчестве Витгенштейна, то принадлежит она к той части его работы, которую он "не написал". В таком случае может возникнуть, по крайней мере, два вопроса. Во-первых, как можно обосновать такое предположение? Во-вторых, что это дает для понимания или какой-то интерпретации творчества Витгенштейна? Я постараюсь ответить на эти вопросы по порядку. Для ответа на первый вопрос я воспользуюсь проведенным Витгеншнейном в "Голубой книге" различением между понятиями "критерий" и "симптом". Ответ на второй вопрос, как

пне представляется, будет вытекать из ответа на первый вопрос.

Мой первый вопрос вполне соответствует следующему вопросу Витгенштейна: "Как вы знаете, что то-то и то-то имеет место?" Отвечая на этот вопрос, мы, по Витгенштейну, иногда предлагаем критерии, иногда – симптомы. Разъясняет он свой подход следующим образом: "Если медицинская наука называет ангину воспалением, вызванным определенной бациллой, и мы в конкретном случае спрашиваем: "Почему вы говорите, что у этого человека ангина?", тогда ответ: "Я нашел бациллу того-то в его крови" дает нам критерий или то, что мы можем назвать "определяющим критерием" ангины. Если же, с одной стороны, ответ был: "Его горло воспалено", то это могло бы дать нам симптом ангины. Я называю "симптомом" феномен, в отношении которого опыт научил нас, что он совпадает тем или иным образом с феноменом, являющимся нашим определяющим критерием. Поэтому сказать: "У человека ангина, если у него обнаружена эта бацилла" – значит выразить тавтологию или же дать нестрогое определение ангины. Но сказать: "У человека ангина тогда, когда у него воспалено горло", – значит выдвинуть гипотезу" (Витгенштейн, 1987, с.5в). Таким образом, гипотеза оказывается симптомом, если ее проявления можно обнаружить в том-то и том-то.

Если бы Витгенштейн явным образом сформулировал свою психологистическую или антипсихологистическую позицию, то это было бы критерием того, что проблематика психологизма-антипсихологизма присутствует в его исследованиях. В таком случае доказывать ее наличие в текстах Витгэнштейна не было бы нужды, это было бы тавтологией в смысле Витгенштейна. Можно было бы только анализировать, как проявляется психологизм или антипсихологизм в его концепции, какое место они занимают в витгенштейновских исследованиях. Так как таких явных указаний в текстах Витгенштейна нет, то можно говорить только о сицптомах проявления этого, "заболевания" гуманитарной культуры в его текстах.

То, что Витгенштейн был знаком с основными идеями спора между психологизмом и антипсихологизмом, и то, что в период написания "Логико-философского трактата" он занимал позиции жесткого антипсихологизма, обосновать достаточно просто. Ко времени завершения работы над "Трактатом" и его первой публикации в 1921 году достоинства фрегевского антипсихологизма, по сравнению с психологизмом, были очевидны для Витгенштейна. В предисловии к "Логико-философскому трактату" Витгенштейн пишет, что не будет соотносить свою позицию с позицией других философов, но что все же он не может не отметить выдающиеся работы Фреге и Рассела, которые в значительной степени стимулировали его исследования (см. Витгенштейн, 1958, с.29). Я думаю, что антипсихологизм у Вингенштейна этого периода присутствует в качестве одного из постулатов его концепции. Тем более,

%сть иные интерпретации витгенштейновских понятий "критерий" и "симптом

что в бессубъектной гносеологии раннего Витгенштейна истина и познание не зависят от человека или человечества, от возможностей познающего субъекта или социума, победа антипсихологизма приводит к подмене теоретико-познавательной проблематики логической не только в неопозитивизме. В концепции раннего Витгенштейна с функциями гносеологии также вполне справляется логика. "В работах западных исследователей отмечается, что критерии в поздней концепции Витгенштейна - описывают характер взаимоотношений языка и мира. Многие витгенштейнианцы в последнее время даже утверждают, что с помощью понятия критерия Витгенштейн будто бы хотел описать нфш, неизвестный классической логике вид логической связи. В соответствии с данной точкой зрения, критериальные отношения занимают как бы промежуточное положение между индукцией и дедукцией. Они сильнее простых индуктивных свидетельств, ибо в их основе лежат концептуальные связи. В то же время критериальные отношения не обладают аподиктичностью дедуктивного вывода" (см. Грязнов, 1985, с.138-139).

Антипсихологистические идеи прочитываются в его характеристике гносеологического статуса психологии, в отношении к проблемам субъекта. Витгенштейн не принимает тезиса психологизма о психологистических основах других наук. Он пишет: "Психология не ближе к философии, чем любая другая естественная наука".

Теория познания есть философия психологии. Не соответствует ли мое изучение знакового языка изучению мыслительного процесса, который философы считали таким существенным для философии логики? Только они запутались большей частью в несущественных психологических исследованиях, и аналогичная опасность грозит и моему методу" (там же, с.50, 4.1121.) Анализируя пропозициональные формы предложений, предложения типа "А думает, что р имеет место" или "А мыслит р" (там же, с.77, 5.541), Витгенштейн вначале относит их к предложениям психологии, а затем сводит к форме "р говорит р". На этом основании он формулирует вывод, который имеет явно антипсихологистический характер: "Это также показывает, что душа - субъект и т.д., - как она понимается в современной поверхностной психологии, есть небылица" (там же, с.78, 5.5421.) Различным психологическим формам созерцания мира Витгенштейн противопоставляет логический путь решения проблем. В этот период он утверждает, что "логика есть до всякого опыта" (там же, с.79, 5.552.) - что "мыслящего, представляющего субъекта нет", что в основе написания книг должен лежать "метод изоляции субъекта, или, скорее, показа, что в некотором важном смысле субъекта нет, т.е. о нем одном не может идти речь в этой книге" (там же, с. 81, 5.631.). Крайности витгенштейновского антипсихологизма являются, на мой взгляд, противопоставлением. Именно крайностям психологизма, который фактически требовал сведения результатов всех наук к анализу субъекта, к выяснению того, кто действует в той или иной области знания. Для Витгенштейна же этого периода, субъект не принадлежит миру, но является его границей. В

противоположность позиции психологизма Витгенштейн утверждает, что "действительно имеется смысл, в котором в философии можно не психологически говорить о Я.

Я выступает в философии благодаря тому, что "мир есть мой мир". Философское Я есть не человек, человеческое тело или человеческая душа, о которой говорится в психологии, но метафизический субъект, граница - а не часть мира" (там же, с.82, 5.641.) Это критика психологизма которая прослеживается явным образом несмотря на афористичность изложения. " В этот период он действительно старался строго придерживаться антипсихологической линии Фреге" (Грязнов, 1985, с.73). Здесь "бацилла" антипсихологизма обозначена самим Витгенштейном четко и определенно.

Совсем по-другому обстоит дело ,с поздним Витгенштейном в плане его отношения к проблемам психологизма и антипсихологизма. Я считаю, что эта проблематика по-прежнему сохранилась в контексте его размышлений. Но позиция позднего Витгенштейна и в этом вопросе изменилась. В поздний ^ериод своего творчества он, на мой взгляд, отвергает как психологизм, так и классическую версию антипсихологизма. Его позицию я бы охарактеризовала как антипсихологизм и анти-антипсихологизм, по отношению к которому не работает логический закон двойного отрицания, то есть двойное отрицание не приводит к утверждению отрицаемого. У позднего Витгенштейна присутствуют скорее не явные критерии такой позиции, а именно симптомы ее. То, что "не написал" Витгенштейн, можно иногда найти записанным другими. Так, НМалкольм в своих воспоминаниях о Витгенштейне (см. **Malcolm,** 1958, p.87-93) и в статье "Мур и Витгенштейн о значении выражения "Я знаю" (см. Малькольм, 1987, с.235-23б) рассказывает о том, как взгляды Мура, дискуссия между Муром и Малкольмом оказали неожиданное "влияние на генезис взглядов Витгенштейна, отраженных в его последних записных книжках, которые были опубликованы уже после его смерти под названием "О достоверности" (**"и ь е г Gewissheit" - "On Certainty")" (МЭЛЬКОЛЬМ, 1987, С.235).**

Даже какие-то частичные реконструкции этапов формирования витгенштейновских идей спосрбствуют их пониманию, более широкому введению этих идей в контекст употребления в культуре, как я бы это охарактеризовала. Несомненно, Витгенштейн - один из величайших мыслителей XX века. Но и величайший мыслитель, и просто думающий человек во многом формируются под влиянием других людей, на фоне уже сформировавшихся идей, в частности, тех ЛКД, которые уже заняли свое место в культуре. Это влияние может быть охарактеризовано как влияние - благодаря чему-то, может - как вопреки чему-то, но мыслитель, просто мыслящий человек никогда не формируются вне .мира, в котором они живут. О некоторых влияниях, как уже отмечалось, Витгенштейн пишет сам ясно и определенно, о некоторых он "не написал", -некоторые, как и у каких-то других, людей, может быть, просто не зафиксировались в его сознании в качестве влияний. Тем не менее по имеющимся текстам подобные влияния могут быть частично реконструированы. Я как раз и

хотела бы показать, что в текстах позднего Витгенштейна в качестве пресуппозиций некоторых его утверждений присутствуют элементы старого, казалось бы, уже завершенного спора между психологизмом и антипсихологизмом. Его неявное присутствие в текстах позднего Витгенштейна связано, как мне представляется, с тем, что Витгенштейна уже не устраивает не только психологическое решение проблем, но и фрегевский антипсихологизм. Тогда как сама проблематика, по поводу которой сформировалось противостояние психологизма и антипсихологизма, осталась в сфере интересов Витгенштейна.

Тот факт, что эти пресуппозиции творчества позднего Витгенштейна в литературе не исследовались, мне кажется, связан с тем, что к моменту публикаций работ позднего Витгенштейна позиции антипсихологизма были устойчивы, недостатки психологизма были очевидны, самой дискуссии уже как бы не существовало, а понятия "психологизм" и "антипсихологизм" в актуальной философско-методологической лексике практически не использовались. Витгенштейн вовсе не реабилитирует психологизма, но как бы подчеркивает допустимость, хоть и с ограничениями, некоторых его положений. Вместе с тем без декларации того, что вот сейчас он будет критиковать идею, сформировавшуюся в рамках психологизма, он просто показывает ее недостатки. То же самое касается и классического фрегевского антипсихологизма. Попытаюсь это показать на конкретных примерах.

Важное место в концепции позднего Витгенштейна занимает критика идеи существования индивидуального, или частного, или персонального, или личного языка. Витгенштейновские идеи критики персонального языка по-разному интерпретируются витгенштейноведами. Многозначность идей Витгенштейна приводит к тому, что отдельная их интерпретация может приобрести самостоятельное значение и, в свою очередь, породить обширную критическую литературу. Так произошло с интерпретацией витгенштейновских идей, предложенной американским философом-аналитиком С.А. Крипке.[1] Возможность разнообразных интерпретаций идей Витгенштейна, точно так же, как невозможность предъявления такой их интерпретации, которая была бы единственно правильной, очень удачно, на мой взгляд, выразил Крипке в замечании, предваряющем его анализ концепции Витгенштейна. "Я подозреваю – говорит он, – что попытка изложить аргументы Витгенштейна точным образом приведет их к искажению. Возможно, что многие мои формулировки его аргументов ему самому бы не понравились. Поэтому в настоящей работе представлены не витгенштейновские аргументы и не крипкевские, но скорее то, как витгенштейновские аргументы представляются Крипке, в каком виде они составляют проблему для него" (цит. по Сокулер, 1991, с. 166-167).

[1] Ее анализ можно найти в работе З.А. Сокулер, 1991, с. 159-194, анализ критической литературы – в работе А.Ф. Грязнова, 1989, с. 140-150.

Основную идею Витгенштейна по критике персонального языка Крипке связывает с тем, что в "языковую игру", в которую играет сообщество, включается субъект, которому предписывается следовать правилам общей игры. Язык характеризуется как деятельность по правилам, отсюда делается вывод, что не может быть языка, который доступен только одному человеку. Интерпретация Крипке, как это отмечает Сокулер, являет те аспекты витгенштейновских идей, которые значимы для философии математики.

. Крипкевская интерпретация идей Витгенштейна, ее достоинства и недостатки по-разному оцениваются в критической литературе. Эта интерпретация не превратилась в самостоятельную сущность, независимую от того значения, которое ей придавал й придает автор, его критики и последователи. Но она приобрела независимое от всех них существование. Ее можно найти в книгах на полках крупнейших библиотек всего мира, она излагается на разных языках, во множестве критических исследований. Ее значение выявляется в контексте употребления внутри концепций других авторов. Но для того, чтобы это стало возможны, она должна была быть первоначально сформулирована, записана. Она должна была превратиться в независимый текст и в этом качестве как бы занять свое место в попперовском третьем мире.

Интерпретация Крипке в совокупности со всеми, в свою очередь, ее интерпретациями, с множеством иных ныне существующих интерпретаций не исчерпывают, как это удачно выразил Крипке, все возможные варианты исследования идей Витгенштейна. И вот меня, в частности, интересует несколько иной аспект витгенштейновской идеи критики индивидуального языка. Мой вопрос можно сформулировать следующим образом.

Если Витгенштейн уделяет такое серьезное внимание критике идеи первонального языка, следовательно, эта идея уже была где-то сформулирована в позитивном плане? Если воспользоваться образом, то, наверное, можно было бы сказать, что Витгенштейн как бы берет идею персонального языка из такого абстрактного образования, который Поппер называет третьим миром, и критикует ее. Формулируя общую для Крипке и для себя идею интерпретации витгенштейновской критики персонального языка, Сокулер замечает, что в "Философских исследованиях" "присутствует непрерывное диалектическое движение мысли, в котором голос воображаемого собеседника, выдвигавшего все новые и новые возражения, так-и не заглушается окончательными аргументами" (Сокулер, 1991, с.167). Мой вопрос как раз и заключается в том, возможно ли в каком-то плане (пусть не индивидуально-личностном, а с точки зрения какого-то направления) персонифицировать этого "воображаемого собеседника"? Точнее: можно ли указать источник идей персонального языка, который критикует Витгенштейн? На мой взгляд, положительный ответ на этот вопрос возможен. Само понятие "персональный язык", или "индивидуальный язык" было введено в психологической лингвистике как альтернатива жестким требованиям следования раз и навсегда установленным

правилам в "философской", "общей", "универсальной" грамматике. Трудно сказать, в силу отмеченных ранее особенностей текстов Витгенштейна, насколько он был погружен в эту дискуссию. Но симптомом того, что он знал о ней, является сам факт использования им понятия "персональный язык". Вместе с тем витгенштейновское "следование правилу" можно рассматривать и как критику жестких установок антипсихологизма в лингвистике. Но, конечно, критику Витгенштейном идеи персонального языка нельзя просто свести к критике психологизма и антипсихологизма в лингвистике и философии языка. Такая задача мною и не ставится.

Прежде чем говорить об особенностях витгенштейновской критики антипсихологизма, идеи персонального языка в контексте проблем психологизма – я думаю, важно реконструировать элементы спора между психологизмом и антипсихологизмом в лингвистике. Так как основные особенности психологической лингвистики, включая идею персональных языков, уже были рассмотрены, то основной акцент я сделаю на реконструкции идей антипсихологизма в лингвистике.

В наиболее общей форме различия между психологизмом и антипсихологизмом в лингвистике можно было бы выразить следующим образом. Психологизм в лингвистике исходил из понимания языка как результата психической деятельности индивида или целого народа. В соответствии с этой концепцией, в языке непосредственно проявляется действие психических факторов, поэтому методологической основой и базовой наукой для построения лингвистики была признана психология. Соответственно, методы анализа языка оказались "насквозь психологистическими", а сам язык – явлением психологическим.

В свою очередь, антипсихологизм трактовал язык внутри конкретной логико-философской системы, исходил из идентичности логики и лингвистики, из образцового характера для лингвистики логических методов исследования. В силу этого антипсихологизм выдвигал тезис о построении лингвистики в соответствии с правилами и законами хорошо разработанной логики. В качестве базы для объяснения языка выступала логика: из универсальности законов логики делался вывод об универсальности законов грамматики для всего человечества, для всех языков.

Основные принципы такого рода грамматик были заложены в грамматике и логике Пор-Рояля. Идея универсальных грамматик опиралась на априорные принципы декартовского рационализма, в соответствии с которыми ученые Пор-Рояля разрабатывали идеал научной системы. Этот идеал вплоть до начала XX века, как это показал Бодуэн де Куртенэ, имел "целый ряд подражателей" во Франции, Германии, других европейских странах. В этом смысле "Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля" фактически стала каноном. Поэтому, я думаю, идеи целостной концепции Пор-Рояля можно рассматривать в качестве образцового примера той позиции, в противостоянии которой и была сформулирована в психологизме идея персонального языка. Кроме того, мой выбор именно концепции Пор-Рояля в таком качестве связан еще со следующим. Практически невозможно представить себе, что

Витгенштейн не. был знаком с концепцией Пор-Рояля, которая, помимо всего прочего, была просто элементом классического образования. Наконец, витгенштейковская идея "значение как употребление", словно специально, противостоит пор-роялевской идее "истины употребления". Мне представляется важным не просто указать, что источником формирования идеи персонального языка является психологическая лингвистика, но и показать точку зрения, в противостоянии которой она была сформулирована, 'выявив тем самым дополнительные идеи, приведшие к ее возникновению Тем более, что в подходе позднего Витгенштейна есть неприятие как психологистической, так и антипсихологистической позиции, в частнос~_ ти, **в** решений проблем значения»

Чем же представителей психологизма не устраивали система и канон, предложенные грамматикой и логикой Пор-Рояля?

Бодуэн де Куртенэ как один из ведущих представителей психологизма в языкознании объяснял недостатки философских грамматик тем, ито они основывались "на классификации языковых явлений по предвзятым формулам и логическим категориям и вообще на смешении грамматики с логикой", тем, что общие и рациональные грамматики "вместо объяснения и разбора действительных форм ставили на первом плане логику и философию" (Бодуэн де Куртенэ, **1963,** т.П, **С.Ю7-Ю8).**

Философский, логический характер грамматики Пор-Рояля не вызывает никаких сомнений, об **этом** ясно и отчетливо заявили сами авторы грамматики и логики Пор-Рояля. В "Прибавлении от авторов" ко второму изданию "Грамматики общей и рациональной Пор-Рояля " авторы специально уведомляли читателей, что уже после выхода первого издания грамматики "вышла книга, озаглавленная "Логика, или искусство мыслить"..... которая, будучи основана на тех же принципах, может наилучшим образом послужить для прояснения и доказательства многих вопросов, являющихся предметом нашей Грамматики" ("Грамматика... Пор-Рояля, **1990,** с **.212).** В свою очередь, в "Логике Пор-Рояля" в главе "О словах в соотнесении с предложениями" говорится, что "пустое занятие – разбирать, грамматике или логике надлежит их рассматривать". (Арно, Николь, 1991, с.юо). 'Там же, в "Логике Пор-Рояля", разделы об именах, местоимениях, глаголах повторяют соответствующие разделы "Грамматики Пор-Рояля". "Влияние "Грамматики Пор-Рояля" сказалось весьма существенно на выработке канона **формально**-грамматического описания языка" (Амирова и др., 1975, с.205).

Логико-грамматическое описание языка по частям речи и грамматическим категориям было необходимо, но, с точки зрения психологизма, явно недостаточно. Описание "операций рассудка", рациональных начал языка, его уникальных свойств, характеризующих любой язык, приводило к забвению особенностей и **различий между** национальными языками, совершенно не учитывало реальный факт существования "индивидуальных языков" (в терминологии психологизма). Анализ языка опирался на письменные источники, "живой", разговорный язык был исключен из рассмотрения вообще.

"Объяснительные исследования" в "Грамматике Пор-Рояля" базировались на поиске начал, общих для всех языков. В числе таких начал было понимание букв и слов как звуков. Звуки, слова как звуки трактовались в качестве знаков мыслей. Необходимость фиксации отдельных мыслей привела к тому, что "были изобретены фигуры изображения для обозначения этих звуков" (Грамматика... Пор-Рояля, 1990, с.82). Для того, чтобы не возникало неясностей, двусмысленностей при написании и чтении, авторы "Грамматики Пор-Рояля", в соответствии с принципами рационализма, сформулировали правила совершенной системы письма и естественные правила чтения, вместо преходящих знаков звука и голоса ввели знаки письменности. Разнообразие слов, составляющих человеческую речь, не должно, в соответствии с установкой Пор-Рояля,- создавать путаницы в мыслях и рассуждениях. "Лучший способ избежать неопределенности и многозначности слов, употребляемых в обычных языках, - в соответствии с концепцией Пор-Рояля, - состоит в том, чтобы создать новый язык и пользоваться новыми словами, представляющими только те идеи, с которыми мы хотим их связать" (Арно и Николь, 1991,. с.82). В Пор-Рояле не идет речи о создании новых слов в смысле новых звуков, речь идет о способе приписывания значений словам. Этот способ заключается в том, чтобы тем словам, "которые уже находятся в употреблении" придавать то значение, "какое пожелаем, обозначая другими, простыми и однозначными, словами идею, к которой мы хотим их применить" (там же, с.82). Проблема значения приобретает очень важное место в философской концепции Пор-Рояля. Решение этой проблемы должно, с точки зрения теоретиков Пор-Рояля, стать средством против путаницы в мыслях и рассуждениях, должно избавить слова от неопределенности. Способ введения однозначных значений заключается в следующем: "надо взять за правило оставлять за двусмысленными словами только одно из их значений" (там же, с.88). В этом смысле "...определения имен весьма полезны, поскольку с их помощью поясняют, о чем идет речь, дабы люди не спорили понапрасну о словах, которые один понимает так, а другой - иначе, как это часто бывает даже и в повседневных разговорах" (там же, с.85). В качестве примера "великой тщательности" в определениях рассматривается Августин. Вся система рациональных правил должна быть направлена, по замыслу теоретиков Пор-Рояля, на избавление языка от многозначности. Должна восторжествовать "истина употребления слов" (см. там же, с.9о). Разъяснение общепринятого смысла, в свою очередь, должно проходить через строгие определения, а не базироваться на психологическом взаимодействии. Такая логицистская установка как раз и не устраивала представителей психологизма, которые ориентировались наживой, разговорный, незапрограммированный язык. *

Таким образом, психологизм в лингвистике анализировал то, каким образом возможно общение и понимание, принимал многозначность естественного языка и стремился к ее исследованию Сама идея учета множественности значений живого языка- была плодотворна, именно она переросла в идею индивидуального, персонального языка. Но первоначально прогрессивная идея затем стала выражением крайностей психологизма. В антипсихологизме, в свою очередь, ставилась принципиально иная задача: на основе анализа письменного языка выделить в качестве образцовых предписывающие формы рассуждения, универсальные языковые принципы; на базе точных определений выявить однозначные, устойчивые значения слов, избавить язык от неопределенности и многозначности, установить "истину употребления слов".

Итак, я думаю, что можно говорить о наличии "симптомов" того, что "воображаемым собеседником" Витгенштейна в его критике идеи персонального языка были представители психологизма в лингвистике, но одновременно и их оппоненты Витгенштейн как бы спорил с представителями обеих сторон антитезы "психологизм-антипсихологизм". Что же он им противопоставил?

В самом общем виде я ответила бы на этот вопрос следующим образом. Безбрежности, неуправляемости значений, принципу ассоциативности в образовании связей между словами и их значениями, характерных для психологизма, Витгенштейн противопоставил рассмотрение языковой деятельности, языковой- коммуникации как основывающихся на следовании правилу. Однозначности, "истинности значения", значению как самостоятельной сущности в антипсихологизме он противопоставил значение как употребление. Но не в качестве абсолютного принципа, как это иногда трактуется в критической литературе, а в плюралистическом, многозначном духе самого Витгенштейна. Эту идею он формулирует следующим образом:"Для огромного класса случаев, хотя и не для всех, в которых мы используем слово "значение", его можно определить так: значение слова есть его употребление в языке" (ВИТГеНШТеЙН, 1987, С.65, 43 .)

Итак, какими же непосредственно витгенштейновскими аргументами можно подтвердить, сформулированный выше ответ? Какие еще "симптомы" наличия проблематики антитезы "психологизм-антипсихологизм" в текстах Витгенштейна можно предъявить?

В критических размышлениях Витгенштейна, в выражении им своей собственной позиции большое место отводится вопросу как форме выражения мысли, как средству реконструкции проблемы, как способу включения возможного читателя-собеседника в обсуждение проблем. Такая тенденция была свойственна как раннему Витгенштейну, так и позднему. Тексты всех его периодов насыщены вопросами. И в ранних, и в поздних текстах Витгенштейна проводится теоретический анализ роли вопросов в познании. В "Логико-философском трактате" он пишет, что "в философии вопрос "Для чего мы, собственно, употребляем данное слово, данное предложение?" всегда приводил к ценным результатам" (Витгенштейн, 1958, с.89, е. 211), что "если

вопрос вообще может быть поставлен, то на него можно также и ответить" (там же, с.96, 6.5), что "...вопрос - только там, где существует ответ, а ответ - только там, где что-нибудь может быть сказано (там же, с.эе, 6.51.) Эти идеи он развивает в поздних исследованиях. В "Заметках по основаниям математики" Витгенштейн еще раз подчеркивает роль вопросов в философских размышлениях: "В философий всегда полезно ставить вопрос, вместо того, чтобы давать ответ на допрос. Ибо ответ на философский вопрос легко может оказаться неправильным. Но освобождение от него с помощью другого вопроса таковым не является" (Витгенштейн, 1987, с.82).

Придерживаясь этих идей, Витгенштейн в "Философских исследованиях" свои возражения психологизму, постулировавшему существование индивидуального языка, формулирует в частности, в виде вопроса: "... Можем ли мы также вообразить язык, с помощью которого человек был Вы способен написать или выразить голосом свой внутренний опыт - переживания, настроения и пр. - для индивидуального употребления?..." (там же, с.71, 243). Витгенштейн описывает ситуацию, в которую в таком случае попадает этот человек, чьи непосредственные индивидуальные ощущения не сможет понять никакой другой человек. Но это лишь описание ситуации, которая может возникнуть в случае использования такого индивидуального языка. Свой же вопрос Витгенштейн задает на базе уже подготовленного им самим варианта ответа в его размышлениях о роли правила в языковой коммуникации. Вот только некоторые из этих размышлений, которые позволяют Витгенштейну сформулировать вопрос о возможнооти существования индивидуального языка и одновременно подготовить отрицательный ответ на него. "Есть лито, что мы называем "подчинением правилу", нечто, что может сделать только один человек и только раз в своей жизни? Разумеется, это замечание о грамматике выражения "подчиняться правилу". Невозможно, чтобы был только один случай, в котором некто подчинился правилу (...). Подчиняться правилу, делать сообщение, отдавать приказ, играть в шахматы - все это суть обычаи (употребления, установления). Понять предложение означает понять язык. Понять язык же означает овладеть некоторой техникой" (там же, ело, тээ.) Витгенштейн показывает, что правилу невозможно подчиняться индивидуально, что понять язык можно лишь в системе отношений, характеризующих "общераспространенное поведение человечества".

Есть и другие "симптомы" критики идей психологизма в витгенштейновских текстах. Для психологизма было важно подчеркнуть индивидуальность ощущений, специфику внутренних духовных процессов, роль интроспекции в познании, действие законов ассоциации в образовании значений слов и так далее. По каждой из этих психологических установок можно найти непосредственную критику в витгенштейновских текстах позднего периода. В отличие от раннего Витгенштейна эта критика неоднозначна. Она может строиться в форме полного неприятия и резкой критики. "Не пытайся анализировать свой собственный опыт" (там же,

с.78). "Заблуждения и пустоту психологии нельзя объяснить, назвав ее "молодой наукой"... Ибо в психологии есть экспериментальные методы и концептуальная путаница",(там же, с.80). Но эта критика может строиться и с возможностью учета в какой-то ограниченной сфере некоторых установок психологизма. Это проявляется, например, в том, что признается, что "умственный дискомфорт", возникающий в связи с неудовлетворительным языковым обозначением, может быть вызван различными ассоциациями, то есть косвенно, в отрицательном плане, но Витгенштейн признает возможность участия ассоциативных процессов в языковой деятельности (см. там же, с.58). Эта мысль из "Голубой книги" Витгенштейна. Она же есть и в "Философских исследованиях", где Витгенштейн рассматривает "указательное обучение словам" как установление ассоциативных отношений между словом и вещью (см.Витгенштейн, 1985, с.81). Он вскрывает ограниченность такого способа обучения, но признает факт его существования, то есть факт возможности использования ассоциативных связей в языковой деятельности. В качестве примера, в котором дается теоретическое обоснование такого способа обучения, Витгенштейн рассматривает воспоминания Августина из его "Исповеди", тот их фрагмент, где описывается способ обучения, основанный на остенсивных определениях и отождествлении значения слова с конкретными объектами. "Мы могли бы сказать, - пишет Витгенштейн, - что Августин описывает некоторую систему понимания; только этой системой является не все то, что мы зовем языком. И это же следует говорить во многих случаях, где встает вопрос:"Пригодно ли это представление или непригодно?" Ответ таков: "Да, пригодно; но только для этой узко очерченной области, а не для целого, на мыслительный охват которого ты претендовал" (там же, с. so).

"Симптомы" того, 'что Витгенштейн как бы соотносит свою позицию с идеями психологизма, можно найти и в других его работах. Так, в "Заметках о "Золотой ветви" Дж.Фрэзера "Витгенштейн, критикуя фрэзеровские объяснения происхождения древних обрядов, замечает, что "во всех этих обрядах можно, конечно, увидеть что-то подобное ассоциации идей и связанное с ними. Можно говорить об ассоциации обычаев" (Витгенштейн, 1989, с.258), но, все это, по Витгенштейну, явно недостаточно для объяснения внутренней природы какого-то обряда.

Я привела все эти примеры для того, чтобы показать следующее. Идеи психологизма либо абсолютно отрицаются Витгенштейном", либо признается возможность их применения в весьма ограниченной сфере, но они присутствуют в текстах Витгенштейна. То же самое касается и идей антипсихологизма, подношению к которым Витгенштейн прошел путь от принятия их в качестве по|г|латов в "Логико-философском трактате" до их критики в своих поздних работах. Это выразилось и в новой трактовке структуры языка, проблем истины, значения, в новом понимании места логики в познании. Оказалось, что не только психологию, но и логику нельзя положить в основание всех наук, ибо ей тоже не присуща всеобщая значимость. Обыденный язык вступил в конфликт с

логицистскими, антипсихологистическими установками. "...Кристальная чистота логики у меня не получилась; - пишет Витгенштейн, - она представляет собой лишь некоторое требование" (Витгенштейн, 1985, с.123). В контексте дискуссии между психологизмом и антипсихологизмом можно сказать, что в результате творческой эволюции Витгенштейна не устроили позиции обеих сторон, что противопоставление его аргументов аргументам каждой из сторон в качестве "симптомов" можно обнаружить в текстах позднего Витгенштейна.

Сравнение (вполне в соответствии с принципом Витгенштейна: "Не думай, а смотри") текстов позднего Витгенштейна, например "Философских исследований", с текстом, который, на мой взгляд, можно было бы назвать манифестом антипсихологизма, - с текстом статьи Фреге "Мысль: логическое исследование" - создает впечатление, что во многих фрагментах Витгенштейна идет как бы целенаправленный спор с идеями, изложенными в антипсихологистической программе Фреге. В качестве "симптома" этого я рассматриваю буквальное использование поздним Витгенштейном для обоснования своей новой позиций тех же самых примеров, которые Фреге использует для иллюстрации, для обоснования программных установок антипсихологизма.

Для антипсихологистической позиции Фреге очень важно провести различие между внутренним миром и внешним, доказать существование мысли "самой по себе". Внутренний мир, по Фреге, предполагает такого, внутри кого он существует (см.Фреге, 1987, с.3г). Рассматривая проблемы внешнего мира, он замечает: "...Признавая существование внешнего по отношению ко мне мира, я подвергаю себя опасности заблуждения" (там же, с.40). Наконец, третью область, ради которой проводится все* это исследование, он характеризует следующим образом: "Мысль не относится ни к представлениям из моего внутреннего, мира, ни к внешнему миру., миру чувственно воспринимаемых объектов" (там же, с.45з).

Витгенштейна не устраивает такое жесткое разделение мира, в котором мы живем, на три независимых мира. И возвращая слова от их метафизического употребления к их обыденному использованию (см. Витгенштейн, 1987, с.68-69, 116), Витгенштейн просто замечает: "Внутренний процесс" нуждается во внешнем критерии" (там же, с.7б, 580.)

В свою очередь, Фреге для обоснования необходимости проведения такого жесткого различения между тремя мирами анализирует различные чувственные впечатления, соотнося их с выделенными мирами. Так, чувственные впечатления цвета возникают, по Фреге, только в сознании конкретного носителя. "Слово "красный" - пишет он, - если оно предназначено не для указания на некоторые свойства объектов, а для обозначения чувственных впечатлений, принадлежит моему сознанию, применимо только в области моего сознания; в этом случае сравнение моих впечатлений с впечатлениями другого человека невозможно" (Фреге, 1987, с.31-32). Аналогичная ситуация возникает и при анализе слова

"боль". Фреге доказывает, что два человека не могут обладать одним и тем же внутренним миром, использовать те же самые чувственные впечатления. "Моя боль, - отмечает Фреге, - не может принадлежать никому другому. Кто-то другой может испытывать сострадание ко мне; но при этом моя боль будет всегда принадлежать мне, а его сострадание - ему. Он не испытывает моей боли, а я не испытываю его сострадание" (там же, с.32). В результате оказывается, что в разорванных мирах складываются 'сложные отношения между врачом и пациентом "Больной, который испытывает боль, является носителем этой боли; однако врач, который размышляет о причинах боли, не является носителем этой боли. (...). Правда, с болью пациента может быть связано некоторое представление о ней в сознании врача; но это представление не есть боль, не есть то, на устранение чего направлены усилия врача" (там же, с.до).

Я сознательно оставляю эти текеты почти без комментариев. Я хотела бы просто представить здесь тексты Фреге, написанные в связи с его программой антипсихологизма, и тексты позднего Витгенштейна с тем, чтобы на нрх можно было "посмотреть", затем ответить на некоторые вопросы. Действительно ли о позиции позднего Витгенштейна можно говорить как об .анти-антипсихологизме, то есть о неприятии, о критике им антипсихологистической программы Фреге? Означает ли это для Витгенштейна возвращение психологизма или его оправдание?

Итак, как же анализирует те же самые слова, их значение Витгенштейн?

Витгенштейн обращается к анализу значения этих слов много раз, но каждый раз в его позиции как бы отрицается точка зрения, высказанная Фреге. Витгенштейн отказывается от фиксированного значения слов, которое соотносится с каким-то качеством конкретных предметов, либо может принадлежать выделенному внутреннему миру. Он стремится преодолеть предложенный Фреге разрыв между мыслью и представлением. "Мы изучаем, - пишет Витгенштейн, - не феномен (например, мысль), но понятие (например, понятие мышления), а потому и употребление слов" (Витгенштейн, 1978, с.74, 383). Витгенштейн анализирует способы употребления слова "красный" в зависимости от правил определенной языковой игры, внутри выделенной · языковой системы. Он утверждает, что "нельзя сказать Красное существует, так как если бы красное не существовало, то о нем вообще нельзя было бы говорить". Он понимает высказывание "красное существует" как высказывание, о том, "что слово красный имеет значение". Завершая эти рассуждения, Витгенштейн пишет, что говоря о слове "красный", надо говорить о его употреблении и, словно возражая Фреге, замечает: "В действительности, однако, мы весьма охотно говорим, что некоторый определенный цвет существует; и это означает: существует нечто, имеющее этот цвет! И первое выражение не менее точно, чем второе; особенно там, где "имеющее этот цвет" не является физическим предметом" (Витгенштейн, 1985, с.юб). Поэтому, по Витгенштейну, возможен и такой ответ на вопрос о знании некоторого цвета. "Как я знаю, что этот цвет Красный? - В качестве ответа можно бцло бы сказать: "Я изучил немецкий"" (Витгенштейн, 1987, с.74).

Иначе, чем Фреге, трактует Витгенштейн значение слова "боль". "В каком смысле ощущения индивидуальны? – Пожалуй, только я могу знать, действительно ли мне больно; другой человек может об этом лишь предполагать. – В одном плане (такое объяснение) ложно, а в другом является нонсенсом. Если ты употребляешь слово "знать" так, как оно обычно употребляется (а как же иначе мы можем его употреблять?), то другие люди в таком случае очень часто знают, больно ли мне. – Это так, но опять же не с той достоверностью, с которой я знаю об этом сам! – Обо мне вообще нельзя сказать (разве что только в шутку), что я знаю о том, что мне больно. Что же это могло бы обозначать, кроме, вероятно, того, что мне больно?

Нельзя сказать, что другие люди узнают о моих ощущениях только по моему поведению, ибо нельзя сказать, что я их узнаю. Я их имею.

Истина в следующем: имеет смысл говорить, что другие люди сомневаются, больно ли мне, но обо мне сказать такого нельзя" (Витгенштейн, 1987, с.72, 246). Обсуждение значения слова "боль" можно найти еще в нескольких фрагментах Витгенштейна, и везде оно рассматривается в связи со словом "употребление". И, ж>жет быть, витгенштейновский афоризм, который я уже приводила в начале данного параграфа: "(...) И когда мы говорим, что кто-то дал название боли, то заранее предполагается существование грамматики слова "боль"", тоже соотнесен именно с размышлениями Фреге?

Можно привести и другие примеры такой соотнесенности антипсихологистического манифеста Фреге с мыслями позднего Витгенштейна, в которых (в примерах) проводится противопоставление идее существования значения как выделенного объекта понимания значения как употребления. И Фреге, и Витгенштейна волнует употребление слова "я". Один из аспектов этой проблемы Фреге связывает с использованием собственных имен. Для собственных имен наиболее важным он считает определение того, каким образом выделяются носители имени. Фреге формулирует следующий императив: "Необходимо... потребовать, чтобы каждому имени собственному был сопоставлен единственный способ, которым задается тот, та или то, кто обозначается этим именем" (Фреге, 1987, с.29).

Вновь, словно специально возражая этой идее Фреге, исследует проблему "я", имени собственного Витгенштейн. Он анализирует проблему собственного имени в общем контексте проблем именования. "..."Именами" мы называем весьма различные вещи; слово имя характеризует многие разнообразные типы употребления слова, связанные друг с другом многими различными способами..." (Витгенштейн, 1985, с.95, 38). Продолжая эту мысль, в следующем фрагменте Витгенштейн замечает: "Необходимо отметить, что, если называть "значением" вещь, "соответствующую" слову, то это употребление слова значение находится в противоречии с правилами языка. Это значит смешивать значение имени с носителем

имени. Когда умирает господин N, то говорят: умер носитель имени, а не умерло значение имени. И было бы бессмысленно говорить, будто, раз имя перестало обладать значением, то не имеет смысла говорить "Господин N умер" (там же, с.96, 40). В отличие от Фреге, Витгенштейн показывает, что имя, включая собственное, может употребляться без жесткого значения (см. там же, с.113-114, 79).

Все те проблемы, которые Фреге обсуждает в статье "Мысль: логическое исследование", являются у него лишь аргументами для доказательства независимого существования мысли. Последний пример, который приводит Фреге, звучит в мажорном ключе: автор сумел доказать реальность существования мира мыслей, его несводимость к миру физических объектов. "Насколько отличается процесс передачи молотка от процесса передачи мысли!", восклицает Фреге (Фреге, 1987, с.46). А как отвечает на этот пример Витгенштейн? Несмотря на свою афористичность, весьма буднично. Он кладет молоток в ящик с другими инструментами и утверждает: "Сколь различны функции этих предметов, столь же различны и функции слов. (И в обоих случаях есть и сходства)" (Витгенштейн, 1985, с.83, 11).

Подводя итоги этого сравнения и всего предыдущего анализа, проведенного в данном параграфе, я думаю, можно говорить о наличии "симптомов" присутствий темы "психологизм-антипсихологизм" в творчестве Витгенштейна, несмотря на т.о, что об этом он нигде явно не говорит. Она присутствует в его текстах как сформировавшаяся ЛКД эпохи. Если Витгенштейн "Логико-философского трактата" изучает "знаковый язык", боится, не хочет запутаться в психологии (см. Витгенштейн, 1998, 4.1121), а поэтому изгоняет субъекта из своей логической теории познания, то для позднего Витгенштейна все, это не страшно. Он возвращает субъекта в свою философию, но это не переживающий и интрбспектирующий носитель индивидуального языка из психологизма. Это действующий субъект, участвующий в соответствии с правилами в совместных языковых играх. Этот субъект формулирует разные цели, не живет в мире жестко фиксированных сущностей, приписывает словам значение в зависимости от употребления, свое "говорение" на языке вплетает в предшествующий опыт. –

5.2. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ МИ? АКТИПСИХОЛОГИЗМА

Филологический мир антипсихологизма шире - мир антипсихологизма в гуманитарной культуре был самым непосредственным образом связан с миром психологизма-антипсихологизма в логике и методологии науки. Иногда представители выделенных миров гуманитарного знания это явным образом осознавали, иногда — нет, иногда, со временем, эта связь просто терялась. Но в 20-е, 30-е годы XX века, когда еще не забылась острота дискуссий в логико-методологической сфере, V эта связь была очевидна. Оценивая "резкую волну антипсихологизма" начала века, ММ.Бахтин пишет, что под влиянием "основополагающих трудов Гуссерля" в качестве "главного представителя" антипсихологизма произошло "изгнание психологизма из всех областей знания и даже из самой психологии (!)..." Этот факт, с точки зрения Бахтина, "является важнейшим философским и методологическим событием двух пережитых десятилетий нашего века" (см.Волошинов, 1929, с.41). Подчеркивание роли этих проблем в общем контексте культуры свойственно не только Бахтину, но и многим другим представителям гуманитарного знания. Так, Б.В.Яковенко, говоря о современном началу XX века состоянии немецкой философии, писал, что теоретические и познавательные интересы той поры "находят свое объединение и свою согласованность именно в проблеме психологизма". (Яковенко, 1910, кн.1, с.253). Современный венгерский философ Криштоф Нири, анализируя философскую мысль Австро-Венгрии в первой половине XX века, фактически обращаясь к проблемам политэкономического психологизма, замечает следующее: "Помещение в центре философского рассмотрения внутреннего, психического мира изолированно взятой личности - классическое явление буржуазного мышления..." (Нири, 1987, С.3Б). Центральное положение проблем психологизма и антипсихологизма в культуре конце XIX начала XX веков признавал и Выготский, поэтому он и считал, что две области современной эстетики - психологическая и непсихологическая - "охватывают почти все, что есть живого в этой науке" (см.Выготский, 1986, с.i9i). Такое подчеркнутое внимание к проблемам, зафиксированный ъ рамках антитезы "психологизм-антипсихологизм", связано, на мой взгляд, с тем, что она выполняла функции ЛКД в культуре, то есть функции такого образования, которое пронизывает разные слои культуры в разные исторические промежутки времени. Мне кажется, что оценка Бахтиным данной антитезы как периодической смены - волн "мощного психологизма" и "резкого антипсихологизма" вполне соответствует трактовке ее как логико-культурной доминанты. Позиция Бахтина в контексте моего исследования особенно интересна еще и потому, что он принадлежит к числу тех немногих мыслителей (к ним также относится, например, Л.С.Выготский), которые критиковали обе стороны данной антитезы. Можно обнаружить не только "симптомы" погруженности Бахтина в спор между психологизмом и антипсихологизмом в тот период, когда он

публикует свои работы под именами В.Н.Волошинова и П.Н.Медведева ¥ но и явные "критерии" (в терминах Витгенштейна) наличия этой проблематики в его текстах. Критерием того, что Бахтин погружен в проблемы данного спора, является тот простой факт, что он активно обсуждает их. Более того, в работе "Формальный метод в литературоведении", написанной под именем Медведева, Бахтин представляет не только критический анализ формализма, который зародился как одно из направлений антипсихологизма, но и историю его возникновения. Он предлагает сравнительный анализ формального направления в западно-европейском искусствоведении и формализма, возникшего на российской почве. Что же касается Бахтина того периода, когда он писал под свои собственным именем, то здесь можно говорить о симптомах присутствия данной проблематики в его творчестве. Я думаю, что результаты бахтинской критики именно обеих сторон антитезы самым непосредственным образом сказались в его ключевой концепции полифонического рбмана, в его теории диалогизма. И вновь я считаю необходимым повторить мысль, которую уже неоднократно высказывала на страницах данной работы - но в контексте других ее фрагментов. Я никоим образом не пырюсь свести идеи Бахтина к проблемам психологизма и антипсихологизма. Я принимаю точку зрения, в соответствии с которой "М.М.Бахтин исключителен, единственен. Неповторим. Необъясним из потока "влияний", "сходств", "заимствований" (Библер, i99t, с.э). Но это вовсе не отменяет, на мой взгляд, влияний, предшественников в культуре. Влияние не означает тождества, не ведет к единообразию. Сам переход от каких-то влияний, от общих дискуссий к "самости" - это всегда загадка, удивление. В этом смысле Бахтин оказывается в ряду мыслителей, которые сумели оставить такой же мощный след в культуре, как это сделал он. В качестве аргумента в пользу высказанной мною позиции я хотела бы сослаться на самого Бахтина, который сформулировал поразительную идею о внутренней диалогичности слова. "Всякое слово, - писал Бахтин, - направлено на ответ и не может избежать глубокого влияния предвосхищаемого ответного слова" (подчеркнуто мною - Г.С.) (Бахтин, 1975, с.93). Я думаю, нам сложно ответить на вопрос о том, как рождается ответ, точно так же мы, наверное, не всегда можем ответить на вопрбс, по какому критерию выбирается именно то "слово", на которое дается ответ. Но я думаю, что в некоторых случаях мы можем "увидеть" какие-то "симптомы", которые позволят нам найти то "слово", по отношению к которому новое "рлозо" является ответным.

вопрос о том, является ли Бахтин автором работ, подписанных именами Волошинова и Медведева, - это дискуссионный вопрос в бахтиноведении. В связи с этим бахтиновед В.Л.Махлин замечает: "...Что Бахтин писал все три "спорных" книги и статью И. И.Канаева - это точно: есть, оказывается, документы, подпись. Надеюсь, скоро это станет достоянием общественности" (Махлин В. Л. Переписка из двух миров // Бахтинский сборник П, - М., 1991, с.42).

Прежде чем показать наличие "симптомов" идей психологизма-антипсихологизма в центральных концепциях Бахтина, я хочу вернуться к реконструкции мира антипсихологизма, который, конечно же, связан с миром психологизма. Такое возвращение, кроме того, что оно станет еще одним элементом описания мира антипсихологизма, позволит, как я думаю, представить выявляемые "симптомы" более очевидным образом.

МЯГКАЯ И ЖЕСТКАЯ ФОРМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНТИПСИХОЛОГИЗМА '

Антипсихологизм в литературоведении проявляется в разных формах: наиболее жесткая форма представлена в русском формализме, более мягкую форму проповедовали некоторые (нетипичные) представители академической науки, например, В.Н.Перетц. Он считал, что историк литературы имеет право пользоваться данными психологии. Однако его идеи о возможностях - психологии в литературоведении не представляли собой каких-либо систематических разработок научного характера. Скорее это была просто интуиция, что искусству необходима психология искусства. Научная же концепция такой психологии . начнет разрабатываться чуть-чуть позже Л.С.Выготским. Перетц формулирует свою концепцию скорее с точки зрения того, на что не доЛжна претендовать психология в литературоведении. Она не должна использоваться: "для разыскания и определения "народной души" или индивидуальной души автора и его героев", но она может использоваться "для комментирования произведений литературы в возможных пределах и с большой осторожностью. Такое приложение психологии к. истории литературы состоит в том, что исследователь пользуется принципами и понятиями психологии для объяснения литературных фактов; но не с тем, чтобы открывать какие-либо психологические законы: ибо законы истории словесного творчества гораздо сложнее, чем законы психологии" (Перетц, 1914, с. 137-138).

Антипсихологизм Перетца скорее напоминает социальную форму психологизма, к которой пришел поздний Гуссерль. Перетц предлагал заменить множество психологических индивидов коллективным обобщенным лицом, представляющим эпоху. Какие же аргументы он приводил в защиту данного тезиса? Во-первых, он утверждал, что тончайшие душевные переживания, создаваемые индивидуальным творчеством художника, в конечном счете, являются выражением менталитета эпохи. Во-вторых, он утверждал, что однородность и общность идей и переживаний влечет, в конечном счете, "сходство и даже однородность в манере выражения мира чувствований и идей. Поэтический стиль эпохи проникает все произведения ее, как бы объединяя их в одно целое. Стиль обращает литературу данного периода и данной группы - к$к бы в создание одного коллективного лица с определенной в каждом случае физиономией..." (Перетц, 1922, с.15). Антипсихологизм Перетца заключался в том, что он предлагал рассматривать в качестве предмета литературы саму литературу, а

не биографию, историю и психологию ее творцов. Антипсихологизм Перетца проявлялся и в динамичности его концепции в отличие от статики психологизма. Для него "и Кирилл Туровский (XП в.), и Нил Сорский (XУ в.), и прот. Аввакум (XУЛ в.), и Лев Толстой – будут изучаться и богословом, историком религиозной мысли в России, – и историком литературы – но совершенно различно/с разных точек зрения и с различными результатами" /там же, с.19/. Для психологиста же все-таки решающим всегда, даже при изучении древнерусской поэтики, является "творческая психология книжника" (Сакулин, 1990, с.29). Мягкую форму антипсихологизма можно рассматривать скорее просто как отказ от крайностей психологистического сведения любых проблем к проблемам психологии.

Антипсихологизм в лице ОПОЯЗа пошел дальше: он выдвинул лозунг литературы без героя, в отличие от литературы как "истории генералов от литературы". Такое жесткое противопоставление психологизму было в чем-то вынужденной мерой. Психологический генезис и "личность творца" буквально заполонили литературоведческую и культурологическую литературу. В критике, например, это выражалось в том, что вся критика превращалась в "писательские разговоры о писателях", а в центре критических статей оказывалась личность – либо писателя, либо даже самого автора статьи (см.Тынянов, 1977, с.u7-u9). В результате действовал такой принцип психологистического литературоведения, который Ю.Н.Тынянов сформулировал следующим образом: "Ломоносов роди Державина, Державин роди Жуковского, Жуковский роди Пушкина, Пушкин роди Лермонтова" (там же, с.258).

Основные результаты теории психологизма в области анализа личности, по Выготскому, заключаются в том, что "вместо истории литературы она создавала историю русской интеллигенции (Овсянико-Куликовский), историю общественной мысли (Иванов-Разумник), и историю общественного движения (Пыпин). И в этих поверхностных и методологически ложных трудах она в одинаковой мере искажала и литературу, которая служила ей материалом, и ту общественную историю, которую она пыталась познать при помощи литературных явлений" (Выготский, 1986, с.67-68).

Выготский считал, что все движение формализма, включая ОПОЯЗ, возникает как стремление преодолеть недостатки психологизма и противопоставить себя ему. Но я хотела бы отметить, что сами способы противопоставления были все-таки разными. Так, например, антипсихологистический "антибиографизм" Тынянова приводил его к принципиально иной интерпретации индивидуальности в литературе. "Авторская индивидуальность, – писал он, – не есть статическая система, литературная личность динамична, как литературная эпоха, с которой и в которой она движется" (Тынянов, 1977, с.259). Подобную же идею в структуралистском антипсихологизме выдвигал Барт. (см.Барт, 1989, с.344). Однако идеи формалистического антипсихологизма были не всегда столь конструктивны. Так, способом противопоставления психологизму, в частности, стало такое обращение к форме, которое вело к отказу от содержания. Лидер ОПОЯЗа В.Б.Шкловский выразил это

следующим образом: "Литературное произведение есть чистая форма, оно есть не вещь, не материал, а отношение материалов. И как всякое отношение, и это – отношение нулевого измерения. Поэтому безразличен масштаб произведения, арифметическое значение его числителя и знаменателя, важно их отношение. Шутливые, трагические, мировые, комнатные произведения, противопоставления мира миру или кошки камню равны между собой" (Шкловский, 1921, с.4). Такая позиция является другой крайностью Формализм не просто отказался от бесконечного психологического анализа содержания, свойственного психологизму. В формализме исчезло само содержание из анализа творческого процесса и целостных художественных произведений. Он предложил два ключевых понятия для литературоведческого анализа: "форма" и "материал". Материал художественного произведения, в соответствии с концепцией формализма, включает в себя слова, звуки, образы, мысли, входящие в его состав. В свою очередь, форма – это способ расположения и построения материала. Для психологизма форма была просто внешней оболочкой произведения, позволяющей чувственно воспринимать его. Для формализма же именно форма создавала эстетический эффект, определяла тот или иной художественный прием. Форма произведения определялась отношением материала внутри него и приемом, при помощи которого оно создавалось. Отсюда становится понятным, почему формализм предлагал в поэзии анализировать соотношение слов, в музыке – соотношение звуков. Сам факт возвращения в самые разные области искусствознания исследования формы, без которой нет искусства, является несомненной заслугой формализма. Но при этом и форма, и психология действующих лиц в художественном произведении для формализма превращалась лишь в художественный прием. Точно так же в художественный прием превращалось и чувство, которое оказывалось "только деталью художественной машины, приводимым ремнем художественной формы" (Выготский, 1986, с.73). Методологической основой формализма стал принцип отказа от любых форм проявления психологизма при построении теории искусства. Однако принцип отказа от психологизма превратился одновременно в отказ от любого анализа психологии искусства. Для формализма художественная форма была самоценна и независима от мыслей и чувств, выраженных в художественном произведении. Вместо психологической мотивировки в анализе поведения героев художественных произведений формализм предлагал мотивировку художественного приема. Художественным приемом объяснялось поведение героев Шекспира, Пушкина, других классиков литературы. Идеологи формализма в своих теоретических манифестах утверждали, что художественное творчество "сверхпсихологично", "выходит из ряда обыкновенных душевных явлений и характеризуется преодолением душевной эмпирики" (см. Шкловский, 1921, с.11). Вместе с тем достоинством формализма является и то, что он строился не только по принципу "анти". Так, разработанные Тыняновым системные принципы литературоведческого анализа, с одной стороны, действительно являются реакцией

на неконструктивность, психологизм традиционного литературоведения. С другой стороны, они имеют самостоятельную ценность. Новые принципы анализа позволили Тынянову обосновать динамичность систем литературы, их соотнесенность с системами внелитературного ряда. Все тыняновские системные принципы были йаправлены на то, чтобы уберечь литературу и литературоведение от случайностей -индивидуального восприятия читателей или критиков, от сугубо личных особенностей биографии писателей. В системе Тынянова в качестве элементов появились мелочи быта и случайности, не разрушив объективности и научности системы. Тогда как в психологизме наука о литературе была переполнена психологическими ассоциациями» множеством фактов, предлагаемых или настоящих, из жизни поэтов, писателей, читателей и критиков. Стремление к объективности выражалось у Тынянова и в том, что он отказывался анализировать смысл слова вообще. Он ставил перед собой задачу исследовать "черты смысла слов в зависимости от конструкции". Он понимал литературу как динамичную речевую конструкцию, в чем-то занимая позиции крайнего антипсихологизма, что и позволило ММБахтину в его работе "Формальный метод в литературоведении" подвергнуть Тынянова критике.

Идеи системности, целостности, конструктивности, динамичности формы проводились Тыняновым практически во всех его работах. Другое дело, что у него не было специальной статьи, посвященной этой проблематике, непосредственно он не занимался методологией науки. Но именно системный подход позволил Тынянову решить задачу по созданию принципиально нового понятийного аппарата для литературоведения. Он стал использовать в литературоведении такие понятия, как .система, структура, элемент, функция, эволюция, конвергенция, фермент, апперцепция и другие. Это позволило ему описывать реальные ситуации в литературе. Тогда как научный аппарат старого литературоведения сводил литературу к психологическим ассоциациям. На базе системных принципов оказалось возможным анализировать роль контекста, внелитературные ситуации. Вместо традиционной линейной преемственности Тынянов ввел принцип "смещения систем". Для него "...всякая литературная преемственность есть прежде всего борьба, разрушение старого целого и новая стройка старых элементов" (Тынянов, 1977, с.2§8). При смещении систем элементы системы не исчезают, но как бы перегруппируются. Так как целое для Тынянова является некой единой конструкцией, то разрушение целого приводит к распаду конструкции, но не к исчезновению элементов. Из прежних элементов, как из кубиков, можно построить новую конструкцию, изменив конструктивный принцип. Мысь Тынянова, на мой взгляд, можно проинтерпретировать следующим образом. Изменение конструктивного принципа и внесение нового элемента – это привилегия гения или очень талантливого человека, строить же из имеющихся элементов на основе известного конструктивного принципа могут и даже просто хорошо образованные люди.

Перегруппировка элементов и смещение системы проиллюстрированы Тыняновым на многих примерах, в разных работах. Он писал: "В эпоху разложения какого-нибудь жанра – он из центра перемещается в перифирию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин всплывает в центр новое явление..."(там же, с.257-258). Смещением системы, которое внешне выглядит просто как выпадение из системы, объясняет Тынянов новаторство пушкинских поэм "Руслан и Людмила", "Кавказский пленник". Пушкин, как отмечает Тынянов, изменил жанр поэмы, и все же то, что он написал, было поэмой, хоть и вместо традиционного героического полотна была представлена легкая сказка. Произошло смещение конструкции: вместо высокой поэмы – сказка. Жанр как система оказался величиной не постоянной, а подвижной. Достаточным и необходимым условием для сохранения единого жанра при переходе от эпохи к эпохе Тынянов считал наличие второстепенных черт. В качестве примера такой второстепенной черты Тынянов рассматривает величину конструкции: "Роман отличен от новеллы тем, что он – большая форма. "Поэма" от просто "стихотворения" – тем же" (там же, с.256). Оказалось, что новое явление смещает старое, не являясь его заместителем. Все литературные явления оказываются текучими и подвижными, взаимосвязанными и взаимозависимыми, в отличие от статичности и отдельности психологических установок старого литературоведения, которое могло себе **позволить** проследить лишь изменение каких-то частей литературного произведения, но рассматривало, например, жанр, как величину константную. У Тынянова же изменение элементов является показателем смены систем. В меняющихся системах меняется осмысление элементов. Так, у пейзажа в текстах Толстого, Чехова, Тургенев? изменяются функции, они по-новому осмысливаются. Литературное произведение оказывается-системой соотнесенных между собою факторов. "Соотнесенность каждого фактора с другими есть его функция по отношению ко всей системе" (там же, с.227).

Элементы системы могут превращаться в самостоятельные системы. Каждое литературное произведение, являясь самостоятельной системой, оказывается лишь элементом по отношению к литературе в целом. "Произведение, вырванное из контекста данной литературной системы и перенесенное в другую, окрашивается иначе, обрастает другими признаками, входит в другой жанр, теряет свой жанр,. иными словами, функция его перемещается" (там же, с.227). Рассуждения Тынянова пронизывает динамика. Он показывает, что динамична не только внешняя по отношению к литературному произведению среда: динамична система литературы в целом и система отдельного литературного произведения. Этот динамизм приводит к тому, что в новой эпохе доминантой может оказаться то, что ранее носило второстепенный характер.

"Так изменяется понятие "высокого" и "низкого" из эпохи в эпоху, так пушкинская проза, бывшая в своей системе литературы "трудной" (Шеверев), служит теперь примером "легкой", так Лермонтов, бывший для современников примером эклектического поэта (Б.Эйхенбаум), позже, ко времени Огарева, становится примером резко оригинального поэта; так произведения, перенесенные из своей национальной системы в чужую, приобретают совершенно иную функцию Литературная система соотносится с ближайшим внелитературным рядом – речью, с материалами соседних речевых искусств и бытовой речью (там же, с.227–228).

Смена систем является признаком новой, иной культуры Но в новой культуре сохраняется в снятом виде память о другой культуре. Старое остается, переосмысливается, приобретает иные функции. Исчезает статика, которая была свойственна психологистическим кбнцепциям Все оттенки психологизма страдают неконструктивностью Такая неконструктивность, как считает Тынянов, приводит к смешению явлений разных конструкций, например, разговорной речи и стиха. Это свойственно, как показывает, представителям психологизма в литературоведении – А.А.Дотебне, потебнианству в целом. Тыняновский принцип системности направлен и против концепции существования индивидуальных языков, "индивидуального языкового сознания". Сторонником такой позиции был, а частности, В.В.Виноградов, который считал, что на основе психологических ассоциаций того или иного поэта можно выявить "некоторое твердое, односоставнбе индивидуальное сознание" поэта. Критикуя эту точку зрения, Тынянов обосновывал позицию, в соответствий с которой не может быть языкового сознания, независимого от конструкции, в которой оно движется, что, наоборот, языковое сознание варьируется в зависимости от конкретной структуры "Сцепление образов, – писал он, – будет у одного и того же поэта одним в одних жанрах, другим – в других, таким – в прозе и иным в стихе" {там же, с.254). Системный подход Тынянова направлен против статики психологизма во всех ее формах: против статики индивидуального языка, сознания, литературных жанров, литературных эпох, отдельных литературных произведений и так далее.

Системные принципы анализа Тынянова перекликаются с аналогичными идеями Л.С.Выготского. Можно предположить, что как традиции системного подхода в целом, так и тыняновские идеи в этой области имеют общий йсточШ: это идеи системности в теоретической биологии начала XX века и аулыдоо-исторический подход к психологии Л.С.Выготского. Несмотря на то, что у Тшянова нет непосредственных ссылок на теоретическую биологию, восстановить ее влияние достаточно просто. Кроме того, что в студенческие годы Тынянов слушал лекции, в том числе и по биологии (см.Чудакова, Тоддес, 1934, с.84), доугом его юности и всей последующей жизни был крупнейший биолог XX века Л.А.Каверин, который стал одним из основателей вирусно-генетической теории происхождения рака, иммунологии, вирусологии, онкологии. Он посвятил Тынянову свой первый научный труд, Тынянов ему – свою работу "Архаисты и Пушкин" (см.Кйверин, **1езг,** с.зе-5з). Поэтому неудивительно, что свой понятийный аппарат Тынянов строил с использованием

биологических аналогий. Что же касается идей Выготского, то они просто органически присутствовали с контексте той культурной среды, в которой жил и работал Тынянов. Кто из них оказал на другого большее влияние при разработке системных идей применительно к культуре, сказать трудно. С определенностью можно сказать лишь одно: Выготский не просто был знаком с идеями системности Тынянова, но и активно их использовал при построении своей психологии искусства.

В работе "Психология искусства" Выготский писал: "Если мы станем рассматривать форму не статически и откажемся от грубой аналогии, что форма относится к содержанию как стакан к вину, - torfla нам придется за основу исследования взять, как говорил Тынянов, конструктивный принцип и осознать форму как динамическую. Это значит, мы должны будем подойти к факторам, составляющим художественное произведение, не в их статической структуре, а в их динамическом протекании" (Выготский, 1987, с.2оэ).

Идеи Тынянова стали необходимым элементом в обосновании Выготским его концепции психологии искусства, в соответствии с которой противоречие является основным свойством художественной формы и материала, а в основе эстетической реакции лежит аффективное противоречие, условно названное катарсисом (см.Выготский, 1986, с.275-280). "Искусство живет этим взаимодействием, этой борьбой. Без ощущения подчинения, деформации всех факторов со стороны фактора, играющего конструктивную роль, нет факта искусства" - цитирует Выготский Тынянова (Выготский, 1987, с.209). В свою очередь, Тынянов с этой работой Выготского непосредственно не был знаком, ибо она впервые была опубликована уже после смерти обоих ученых в 1965 году.

Каковы же основные идеи психологии искусства Выготского в контексте отношения к проблемам психологизма и антипсихологизма?

5.3. ИДЕИ ПСИХОЛОГИИ ИСКУССТВА ВЫГОТСКОГО В КОНТЕКСТЕ ЕГО ОТНОШЕНИЯ К ПРОБЛЕМАМ ПСИХОЛОГИЗМА И АНТИПСИХОЛОГИЗМА

Проблемы психологизма и антипсихологизма обсуждались Выготским в работе "Психология искусства", которая писалась им в 1915-1922 годах, так никогда и не была опубликована (см.Леонтьев, 1986, с.5-13) (несмотря на то, что в этот период времени им было опубликовано более ста работ). Как уже отмечалось, Выготский рассматривает психологизм и антипсихологизм как два основных направления в эстетике. Его не устраивали психологистические предпосылки традиционного искусствознания, но он не принимал целиком и формализма, который трактовал как форму антипсихологизма. В подходе Выготского нет крайностей обоих направлений, вместе с тем в нем присутствует то позитивное, что было в каждом направлении. Позиция Выготского - это позиция, к которой только начинают приходить современные исследователи в области проблем психологизма-антипсихологизма. Так, Выготский принимает важнейший тезис психологизма в эстетике, выраженный еще Липпсом и заключавшийся в том, что эстетика является прикладной психологией.

Однако этот важнейший тезис психологизма использовался Выготским лишь в методологическом плане как принцип "законности психологического рассмотрения искусства наряду со всеми другими" (Выготский, 198в, с. іе). Приняв основной тезис психологизма в искусствоведении, Выготский одновременно принимает и некоторые основополагающие положения антипсихологизма. Их он выразил в двух следующих тезисах: во-первых, недопустимо переходить от анализа искусства к психологии автора или его читателей, в частности, потому, что искусство носит знаковый характер, перейти же от знака к психологии невозможно; во-вторых, необходимо отделить проблемы психологии от авторов и читателей. На основе синтеза этих принципов Выготский ставит перед собой задачу исследовать "чистую и безличную психологию искусства", которая, с его точки зрения, выражается в форме и материале искусства *

Вместо традиционных для психологически ориентированной эстетики понятий формы и содержания Выготский использовал аналогичную пару из формализма: форма и материал. Вместо классической ориентации на исследование содержания он обратился к анализу формы, то есть к основному объекту формализма, но при этом заговорил о ее психологических особенностях, то есть использовал основную установку психологизма на психологический анализ любого предмета исследования. В результате в науке была сформулирована парадоксальная/ на первый взгляд, идея: идея анализа психологии формы. Таким образом, в отличие от формалистов, Выготский видел свою задачу в том, чтобы сохранить психологический анализ искусства. Но, в отличие от психологистов, отказывался от психологизма как методологической установки. На базе синтеза таких разных методологических установок центральную идею своей теории Выготский сформулировал следующим образом: "...Признание преодоления материала художественной формой, или, что то же, признание искусства общественной техникой чувства. Методом исследования этой проблемы мы считаем объективно аналитический метод, исходящий из анализа искусства, чтобы прийти к психологическому синтезу, - метод анализа художественных систем раздражителей" (там же, е. і7).

Основную ошибку эстетики психологизма Выготский видел в том, что она начинала с конца, с эстетического удовольствия, с оценки, что она не способна была отделить эстетическое переживание от обычного. Такое отношение к эстетике в совокупности с той предпосылкой, будто сложное эстетическое переживание складывается из суммы маленьких переживаний, оставляла эстетику психологизма, по Выготскому, как бы "за порогом эстетики". Кроме того, психологизм совершенно не анализировал форму художественного произведения, не понимал, что форма может оказывать психологическое воздействие. В психологизме (эстетическом, историческом и т.д.) психология выступала в качестве константной величины. В отличие от психологистов, Выготский не рассматривал психологию как константу. Он показывал, например, что у читателей басен Крылова разная психология в XIX веке и в XX веке. Однако, это не исключает возможности самостоятельного изучения

"психологии басни", которая никогда не проявляется в чистом виде, но которую можно выделить и изучать отдельно. Выготский считает, что психологию формы в басне можно вскрыть через анализ противоречия, двойственности, заложенной в любой поэтической басне. Двойственность нашего восприятия и два плана развертывания басни определяют, по Выготскому, психологию ее формы. Разумное завершение какого-то дела в басне (окончательная починка кафтана в "Тришкином кафтане", доказательство правоты ягненка в "Волке и Ягненке" и т.д.) одновременно означает крах этого дела (окончательная починка кафтана приводит к его окончательной испорченности, причем обе операции доведены до самого конца; юридически ягненку удалось доказать свою правоту, но она все равно обернулась его гибелью и т.д.). То есть психология формы басни определяется двумя противоположными эмоциональными планами, "катастрофа басни, в сущности говоря, объединяет оба плана вместе" (там же, с.171). Выготский показал, что развертывание этих двух планов позволяет представить как логическое, так и психологическое противоречие.

Возможности этого принципа анализа он распространил на другие виды поэзии, рассказ, трагедию. Для него в басне заключено "зерно лирики, эпоса и драмы", то есть "психологическое зерно трагизма" и "психологическое зерно героического эпоса". Этот общий способ анализа как раз и позволил Выготскому выделить новое для психологии искусства понятие "психология формы". Применительно к анализу психологии формы басни свои результаты он обобщил следующим образом: "...Всякая басня и, следовательно, наша реакция на басню развивается все время в двух планах, причем оба плана нарастают одновременно, разгораясь и повышаясь так, что в сущности оба они составляют одно и объединены в одном действии, оставаясь все время двойственными" (там же, с. 180). Противоречивость и двойственность – это, по Выготскому, основные свойства любой художественной формы и материала, любого вида искусства. Возможности этого метода он, в частности, продемонстрировал на примере анализа небольшой новеллы И.Бунина "Легкое дыхание", в которой он выделил два плана. Первый – это ее диспозиция, последовательное развертывание событий жизни главной героини новеллы и ее классной дамы. Второй – это композиция, группировка элементов материала новеллы. Их соотношение, по Выготскому, определило психологию формы новеллы, эстетическую реакцию читателей на нее.

Выготский показал, что всякое исследование искусства вынуждено пользоваться психологическими предпосылками, но основы этих предпосылок должны быть подготовлены – научной психологической теорией искусства, а не вульгарным
* психологизмом. Представители психологизма, по Выготскому, не понимали, что психологические проблемы в искусстве имеют границы. Задача психологии искусства заключается не в том, чтобы свести все к психологии, а в том, чтобы найти разумную меру взаимодействия разных областей искусства. Установки же психологизма были направлены на односторонний методологический принцип анализа

Такая односторонность была свойственна, например, представителям психологистической интеллектуальной теории искусства, которая разрабатывалась в потебнианской школе. Основной недостаток этой психологистической теории Выготский видел в том, что в ней искусство интерпретировалось исключительно как работа мысли. В результате такого подхода вне рамок искусства как бы оставались вся музыка, архитектура, живопись и так далее.

Выготский этому противопоставил объективно аналитический метод исследования, базирующийся на системно-структурном подходе к анализу искусства. В нем он видел "ключ к разгадке специфических особенностей искусства" (там же, с.503). Через анализ структуры и формы исследователь может воссоздать предмет своего изучения. Произведение искусства может быть рассмотрено "как система раздражителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать эстетическую реакцию. При этом, анализируя структуру раздражителей, мы, - как отмечает Выготский, - воссоздаем структуру реакции" (там же, с.39). Выготский подчеркивает, что сама форма создает особую эмоцию - эмоцию формы, что "интеллектуальные **процессы** оказываются только частичными и составными, служебными и вспомогательными в том сцеплении мыслей и слов, которое и есть художественная форма. Самое же это сцепление, самая форма, как говорит Толстой, составлена не мыслью, а чем-то другим" (там же, с.6о). Эмоция формы, по Выготскому, определяет произведение искусства.

В своей концепции Выготский, на мой взгляд, сам объединил два плана исследования, характеризующие стороны антитезы "психологизм-антипсихологизм". Он показал необходимость исследования формы, но сделал это с использованием психологических методов. Он объединил установку психологизма на анализ эмоций с установкой антипсихологизма на анализ формы. Он показал психологическое значение материала, непонимание которого считал основным недостатком формализма. В свою очередь, он обосновал необходимость построения научной системы психологии искусства, отсутствие которой приводило, по Выготскому, к тому, что психологи могли лишь отрывочно и фрагментарно разрабатывать какие-то отдельные стороны психологической теории искусства. Исходную непримиримость психологизма и антипсихологизма, спор между которыми "велся при помощи отрицательных аргументов" (там же, с.2о), Выготский стремился заменить их синтезом в научной психологии искусства. Он предлагал согласование между психологистическим и антипсихологистическим направлениями в эстетике.

5,4. "СИМПТОМЫ" ПРИСУТСТВИЯ ПРОБЛЕМ АНТИТЕЗЫ "ПСИХОЛОГИЗМ-АНТИПСИХОЛОГИЗМ" В ТВОРЧЕСТВЕ БАХТИНА

После того, как миры **психологизма** и антипсихологизма частично мною реконструированы (полная реконструкция, на мой взгляд, практически невозможна, ибо всегда можно предъявить нерассмотренные элементы этих сложных миров), я хочу

вернуться к начатому в разделе "Филологический мир антипсихологизма" анализу творчества ММ.Бахтина с точки зрения выявления "симптомов" проблем психологизма и антипсихологизма в его основных концепциях.

В качестве методологической предпосылки поиска указанных выше "симптомов" я буду рассматривать другие идеи самого ММ.Бахтина. Это идеи, которые он высказывал в разных работах, в частности, в "Проблеме речевых жанров" и в "Слове в романе".

Итак, что я хочу показать? Я хочу показать, что в концепции полифонического романа и в теории диалогизма Бахтина в качестве пресуппозиций присутствуют элементы спора в культуре между психологизмом и антипсихологизмом. Необходимым элементом любой полемики, как это известно, является уяснение, понимание сторонами позиций друг друга. В свою очередь, всякое понимание, по Бахтину, носит активно ответный характер/ который иногда "может до поры до времени оставаться молчаливым ответным пониманием" (см.Бахтин, 1986, с.438). Но при этом, опять-таки по Бахтину, очень важно осознавать, что "всякий говорящий сам является в большей или меньшей степени отвечающим: ведь он не первый говорящий, впервые нарушивший вечное молчание Вселенной, и он предполагает не только наличие системы того языка, которым он пользуется, но и наличие каких-то предшествующих высказываний - своих и чужих, - к которым его данное высказывание вступает в те или иные отношения (опирается на них, полемизирует с ними, просто предполагает их известными слушателю). Каждое высказывание - это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний" (там же, с.438)- Эту мысль Бахтина в совокупности с приведенной ранее в начале раздела его идеей об ответном характере каждого слова я и хотела бы трактовать в качестве методологической предпосылки своих дальнейших рассуждений.

В качестве "симптомов" присутствия в концепции Бахтина в снятой форме идей антитезы "психологизм-антипсихологизм" я рассматриваю тот факт, что в теории диалогизма, в концепции диалогического характера каждого слова Бахтин отталкивается, с одной стороны, от идей, разработанных в психологистической лингвистике: идеи существования индивидуального языка и идеи, в соответствии с которой каждое слово имеет сложную внутреннюю структуру. "В каждом слове, как показала это психологическая система языкознания, мы различаем три основные элемента: во-первых, внешнюю звуковую форму, во-вторых, образ,лли внутреннюю форму, и, в-третьих, значение" (Выготский, 1987, с.зэ). С другой стороны, он отталкивается от идей, разработанных в антипсихологистической лингвистике. Это, в первую очередь, идеи универсализма, восходящие к "всеобщей" и "философской" грамматике Пор-Рояля и дошедшие дб XX века. В соответствии с концепцией универсализма наряду с единым языком есть общие и универсальные для всех людей принципы выражения мысли и речи.

То, что Бахтин был хорошо знаком с лингвистической литературой, ни у кого не вызывает сомнений. Порой это знание присутствует в его рассуждениях в качестве скрытой пресуппозиции, порой – в явной форме. В своих рассуждениях Бахтин все время подчеркивает, что есть две основные концепции, в которых рассматриваются те же проблемы, которые обсуждает он, и решение которых он считает неудовлетворительным. Бахтинская реконструкция этих концепций показывает, что это – представители "важнейшего философского и методологического события" (см. Бахтин: Волошинов, 1929,. с.41). первых двух десятилетий XX века, то есть стороны антитезы "психологизм-антипсихологизм". В работе "Проблема речевых жанров" линию критики психологистической идеи существования индивидуальных языков Бахтин ведет, опираясь, в качестве фундамента, на идеи одного из основателей лингвистического психологизма В.Гумбольдта, который выдвигал на первый план, в анализе языка "функцию независимого от общения становления мысли" (см. Бахтин, 1§ в б, с.436). Бахтин констатирует множество вариаций этой идеи, ее трансформацию в идею персонального языка, "как бы языка одного говорящего". Исследуя особенности романного жанра, он отмечает, что его предшественники вместо романного стиля анализировали что-то совеем другое. Чем же являлось это другое? Оно представляло собой "или своеобразную лингвистику индивидуальных языков, или лингвистику высказывания" (см. Бахтин, 1975, с.77).

Что противопоставляет этому Бахтин? – "Роль другого". Наличие коммуникативного процесса речевого общения. Ответный характер любого слушания и говорения. Но все дело в том, что выдвигая контр-аргументы, Бахтин, как мне представляется, полностью не отбрасывает психологистическую идею существования индивидуальных языков. Более того, он подчеркивает ее необходимость для характеристики поэтического жанра (в психологизме именно на примере поэзии, в первую очередь, демонстрировался факт существования индивидуального языка), в котором есть "прямая ответственность за язык своего произведения как свой язык" (см. там же, с.?э). Бахтин утверждает следующее: "Язык поэтического жанра единый и единственной птолемеевский мир, вне которого ничего не и ничего не нужно. Идея множественности языковых миров, равно осмысленных и выразительных, органически недоступна поэтическому стилю" (там же, е.99). Итак, Бахтин, отрицая, сохраняет.

* Но даже в той сфере, в области романного жанра, где он отрицает существование индивидуальных языков, Бахтин сохраняет их общую идею. Она трансформируется в контексте его общей идеи в "разноязычие", "индивидуальную разноголосицу", "расслоенность единого национального языка", "разноречие", "многообразие социальных голосов", которые обеспечивают полифонию и постоянный диалог как в романе, так и в реальной яизни. Вместо единственности индивидуального язйка Бахтин утверждает множественность индивидуальных языков, которые характеризуют не только роман, но и социум, и даже каждого отдельного человека. "Так, безграмотный крестьянин,, жил в нескольких языковых системах: богу он молился на одном языке (церковнославянском), песни пел на другом, в семейном быту

говорил на третьем, а начиная диктовать грамотею прошение в волость, пытался заговорить и на четвертом (официально-грамотном, "бумажном")" /там же, с.юэ/. Однако, по Бахтину, сам по себе факт существования множества индивидуальных языков может создать только недиалогизированный и статичный мир психологизма. Для перехода этого множества индивидуальных, замкнутых в себе языков в диалогичный мир Бахтина необходимо, чтобы началось критическое взаимоосвещение их друг другом, чтобы была возможность "взглянуть на один язык... глазами другого языка..." (см.там же, с.юв-юэ). Именно такая процедура и происходит постоянно в полифоническом романе, поэтому, как показывает Бахтин, особенно недопустима психологистическая процедура подмены романного стиля индивидуализированным языком романиста. Кроме того, диалогичность, как показывает Бахтин, характерна не только для романного жанра, но и для (даже, наверное, в первую очередь) реальной жизни, где как бы происходит процесс рассмотрения одного языка "глазами другого языка", где на язык быта и бытовой мир смотрят сквозь призму языка молитвы либо песни, или наоборот, где "реальный крестьянин до известной степени всегда умел это делать и делал" (см.там же, с.юэ).

Совершенно очевидно, что Бахтина не устраивают и антипсихологистические идеи универсализма. Он критикует классическое антипсихологистическое языкознание, филологию "с ее методами изучения и научения мертвым и потому, как все мертвое, фактически единым языкам" (см.там же, с.84-85). Но и по отношению к этой концепции Бахтин не занимает позиции абсолютного отрицания. Вместо данности единого языка Бахтин говорит о его заданности. Заданность языка "противостоит действительному разноречию" (см.там же, с.зз-ед). Я думаю, что контекст лингвистических споров, в том числе помещенных в рамки спора между психологизмом и антипсихологизмом, постоянно присутствует в качестве пресуппозиции в собственно бахтинских идеях. Но это и не удивительно, ведь каждое слово, как это показал Бахтин, диалогизировано, носит ответный характер. Поэтому только $ одном абзаце текста Бахтина можно прочесть реконструкцию долгого спора между сторонниками и противниками персонального языка, между сторонниками и противниками единого языка. "Общий единый язык, пишет Бахтин, - это система языковых норм. Но эти нормы - не абстрактное долженствование, а творящие силы языковой жизни, преодолевающие разноречие языка, объясняющие и централизующие словесно-идеологическое мышление, создающие внутри разноречивого национального языка твердое и устойчивое языковое ядро официально признанного литературного языка или отстаивающие этот уже оформленный язык от напора растущего разноречия" (там же, с.84).

Так, на мой взгляд, проявляется связь между проблематикой спора, заданного рамками антитезы "психологизм-антипсихологизм" и бахтинской идеей диалогизма, которая является неотъемлемой частью его теории полифонического романа. Связь всех этих идей между собой усугубляется, как мне кажется, и тем, что в тот же

самый период, когда он переносит понятие равноправного многоголосия, полифонии, из языка музыки в литературоведческий язык, а тем самым впервые вводит его в широкий культурологический контекст; он же под именем Волошинова активно критикует формализм, то есть прямо и непосредственно находится внутри контекста спора между психологизмом и антипсихологизмом[1]. Понятие "полифония" Бахтин впервые вводит в своей работе "проблемы поэтики Достоевского", первое издание которой вышло в 1929 году под названием "Проблемы творчества Достоевского". Книга, которую Бахтин издал под именем Волошинова, "Марксизм и философия языка" тоже вышла в 1929 году, а на год раньше,, в 1928 году была опубликована работа под именем Медведева П.Л. "Формальный метод в литературоведении". Я думаю, что человек, погруженный в какой-то теоретический контекст и одновременно занимающийся разработкой своей собственной теории, не может просто взять и выйти из исходного контекста, но он может строить свою теорию либо внутри контекста, либо противопоставив свои идеи идеям исходного контекста. Для Бахтина характерен именно второй вариант на базе той процедуры, **которую** Гегель называл снятием. Но, если Выготский прямо говорит о синтезе сторон антитезы "психологизм-антипсихологизм" в своей концепции психологии искусства, то у Бахтина каких-то непосредственных указаний на это просто нет. Поэтому и можно говорить лишь о "симптомах" наличия данной проблематики в теоретических конструкциях Бахтина.

Уже в первой главе книги "Проблемы поэтики Достоевского", в главе "Полифонический роман Достоевского и его освещение в критической литературе" Бахтин критикует своих предшественников за психологизм, используя результаты, полученные в формализме, который он критиковал долго и последовательно. Можно ли это показать непосредственно в аргументации Бахтина? На мой взгляд, можно. Бахтин критикует своих предшественников за их замкнутость на анализе героев, за неправильное понимание соотношения между автором и героем. Такой подход, как показывает Бахтин, связан с тем, **что** критики анализируют героев произведений Достоевского, опираясь на знание биографии автора, его мировоззрения. При этом критики допускают "типичную методологическую ошибку", переходя от автора к его героям. "Таково, например, **– пишет Бахтин,** > утверждение Иванова, что герои Достоевского – размножившиеся двойники автора, переродившегося и как бы при жизни покинувшего свою земную оболочку" (Бахтин, **1979,** с.**12)** и так далее.

Что противопоставляет такому подходу Бахтин? Он утверждает, что единство романов Достоевского можно **понять** – только поднявшись "над личным стилем и над

[1] В отличие от Выготского, который связывал формализм с антипсихологизмом, Бахтин порой критикует формализм за психологизм. Это происходит, на мой взгляд, потому, что крайности действительно в конце концов сходятся, что и позволяет Бахтину утверждать, что в формализме "логизм и аналитичность" сочетаются с теорией "автоматизации-ощутимости" (см.Медведев, 1928, с.227).

личным тоном" автора, "что обычные сюжетно-прагматические связи предметного или психологического порядка в мире Достоевского недостаточны" (см. там же, с.7, с.17). Ошибки своих предшественников Бахтин связывает с тем, что переход от автора к содержанию произведения происходит за .счет 'забвения формы (!), за счет непонимания материала (!) произведений Достоевского, за счет забвения художественных особенностей "новой романной структуры" (!). Таким образом, оказывается, что своих предшественников . Бахтин, во-первых, критикует за психологизм, а, во-вторых, делает это с позиций антипсихологизма, с позиций критикуемого им формализма *Его* критика строится при помощи понятий, введенных именно в формализме, с подчеркиванием роли формы, структуры художественного произведения (см. там же, с.9-12). Но в результате анализа Бахтина позиции психологизма и антипсихологизма являются для него лишь ступеньками, правда, на мой взгляд, необходимыми ступеньками для того, -чтобы сформулировать свою собственную, отличную от обеих предыдущих точек зрения концепцию Важнейшую идею этой концепции, продолжая свой спор, Бахтин сформулировал следующим образом:"Несовместимейшие элементы материала Достоевского распределены между несколькими мирами и несколькими полноправными сознаниями, они даны не в одном кругозоре, а в нескольких полных и равноценных кругозорах, и не материал непосредственно, но эти миры, эти сознания с их кругозорами сочетаются в высшее единство полифонического романа Мир частушки сочетается с миром шиллеровского дифирамба, кругозор Смердякова сочетается с кругозором Дмитрия и Ивана Благодаря этой разномирности материал до конца может развить свое своеобразие и специфичность, не разрывая единства целого и не механизируя его. Как бы разные системы отсчета объединяются здесь в сложном единстве эйнштейновской вселенной..." (там же, с.18).

Отзвуки спора Бахтина с представителями как психологизма, так и антипсихолсгизма можно найти и в других его работах, например, в работе "Автор и герой в эстетической деятельности". Но анализ текста этой работы позволит лишь предъявить еще один "симптом" спора Бахтина с представителями выделенной антитезы, то есть станет еще одним аргументом в пользу моего утверждения о том, что этот спор стал одной из пресуппозиций в формировании Бахтиным своей собственной позиции Однако к этой пресуппозиции невозможно свести поразительный результат самого Бахтина, который показал множественность, самостоятельность, неслиянность полноценных и равноправных голосов и сознаний, населяющих полифонический роман. В таком случае может возникнуть вопрос - зачем же ее нужно было выявлять? · Ее выявление, на мой взгляд, позволяет как бы добавить некоторый существенный отрезок в единую линию рассмотрения общей "болезни" в самых разных пластах культуры, а тем самым показать, что психологизм и антипсихологизм выполняли функции ЛКД, что трансляцию проблем из одного пласта культуры в другой можно выявить и проследить

5.5. ИДЕИ АНТЙПСЙХ0Л0ГЙЗМА В СТРУКТУРАЛИЗМЕ

Одной из теоретических 'пресуппозиций структурализма как философско-методологического направления в гуманитарном знании был антипсихологизм с его ориентацией на логические основы науки, с исключением субъекта из области теоретического анализа. В структурализме это проявилось в поиске · в качестве основной задачи логики порождения конкретных объектов культуры в выведении любой формы субъекта за пределы строящихся теоретических конструкций. Так, у К.Леви-Стросса это проявляется в отвержении даже кантовского трансцендентального субъекта, у Р.Барта – эмпирико-психологического субъекта.

Основы структуралистской концепции закладывались в рамках структурной лингвистики в первой четверти XX века, а затем принципы струпурной лингвистики, конечно, уже без их первоначальной точности и строгости стали применяться в < других пластах культуры: литературоведении, искусствоведении, этнографии и так далее. Идеи структурной лингвистики начала века несводимы к идеям / антипсихологизма, однако тесно связаны с ними. Один из создателей и ведущих теоретиков структурной лингвистики, Р.О.Якобсон, исходно в качестве постулата принимал 'принцип антипсихологизма. Этот 4е принцип в качестве постулата принимался представителями 0П0Я З& (Общество · по изучению поэтического языка, которое сложилось в 1Э1б году в Петрограде при участии В.Б.Шкловского, Р.О.Якобсона, Е.Д.Поливанова, П.М.Эйхёнбаума, Ю.Н.Тынянова и других), представителями Московского лингвистического кружка (между москвичами и петроградцами было множество внутринаучных дискуссий, но принцип антипсйхологизма принимали и те, и другие), Пражской лингвистической школой – всеми теми движениями и направлениями, усилиями которых формировался лингвистический структурализм.

Так, если психологизму в целом был свойственен "биографизм" как принцип анализа, то структурная лингвистика отвергала его. Она противопоставила установкам психологизма (в лице сравнительно-исторического языкознания и младограмматизма) на воссоздание "биографии" языковых явлений, внешней и внутренней (психической) среды народов и так далее системное описание языковых явлений, "ревностное отношение к логическим основам построения лингвистической теории" (см. Арутюнова, Булыгина, 1973, о. iee). Для решения своих собственных теоретических проблем структурная Методика, как отмечают Н.Д.Арутюнова и Т.В.Булыгина, должна была преодолеть "феноменологические – фонетические и онтологические – свойства речи и ее психические рефлексы" (там же, 0. 171}.

'Некоторые рассуждения Якобсона в связи о проблемами психологизма-антипсихологизма приведены в параграфе о ЛйНГБИСТИЧЬ";>Ы психологизме.

Антипсихологистические посылки, в частности, стремление к построению бессубъектной, "безбиографичной" науки можно найти и в структурной поэтике. Так, представитель Московского лингвистического кружка, Г.О.Винокур, в статье, написанной в 1920 году, писал, что "личность автора – сам по себе интересный объект для науки: но изучая ее нельзя говорить о том, что изучаешь поэзию"; что "мировоззрение и психология автора интересны сами по себе, но не как предметы искусства" (см.Винокур, 1987, т. 2, с.86-87). Еще жестче эту идею сформулировал Якобсон: "Если наука о литературе хочет стать наукой, она принуждается признать "прием" своим единственным "героем"" (Якобсон, 1921, с.11). Идеи автономности науки, литературного произведения, языка по отношению к субъекту являются важными идеями филологического антипсихологизма. Эти идеи явным образом проявляются и в структурализме. Они нашли свое отражение и в художественной литературе.

В художественной форме идею бессубъектности выразил в своем философском романе "Человек без свойств" австрийский писатель первой половины XX века Р.Музиль. В романе он обсуждает проблему того, можно ли говорить вообще о личности, об индивидуальности, о частных переживаниях, взглядах. Он приходит к выводу, что в современные ему годы, а это 20-е, 30-е годы XX века, говорить об этом нельзя. Музиль пишет о том, что в готовом виде нам задан не только разговорный язык, но и "язык чувств и эмоций", о том, что настал мир человека без свойств, "мир переживаний без переживающего", он рассуждает о том, что "в идеальном случае человек, кажется, сообще мог бы не переживать ничего частным образом" (НИРИ, 1987, С.150).

Эту же тему можно найти и в более поздние годы, 60-70-е годы XX века, в антипсихологистических установках французского структурализма. Я думаю, можно сказать, что в столкновении "старой" и "новой" критики во Франции этого периода достаточно определенно прочитывается старый и, казалось бы, уже давно решенный спор между психологизмом и антипсихологизмом. Новые имена сторон не могут скрыть старую проблематику. В этом смысле здесь как раз и проявляется психологизм и антипсихологизм как ЛКД в культуре.

О чем спорят "старые" и "новые" критики? Как распределяются между ними роли внутри этой критики?

"Старая" критика – это, как и в России, академическая критика, стремящаяся к психологизму. "Новая" критика находится вне академических рамок и развивает идеи антипсихологизма. Ее крупнейший представитель, Р.Барт, продолжает классический спор с психологизмом, хотя и не всегда явным образом называет его. Идеи Барта несводимы к этой критике, но, как мне кажется, в контексте общего спора между психологизмом и антипсихологизмом в разных пластах культуры, приобретают новые оттенки.

В качестве наиболее благодатного материала для анализа Барт рассматривает творчество Расина, с которым традиционно представители "старой" критики

связывают идею классической ясности. Но для Барта "писать значит расшатывать смысл мира, ставить смысл мира под косвенный вопрос, на который писатель не дает последнего ответа" (Барт, 1989, с. т). По Барту, писатели, под видом утверждения ставят вопросы, а множество ответов формулируют читатели. Все это как раз и означает отсутствие той самой классической ясности, о которой говорит "старая" критика. В силу этого оказывается невозможным раз и навсегда охарактеризовать творчество Расина, найти в нем однозначный, "закрытый" смысл, "последнюю правду".

Надежной защитой от такого положения дел Барт как раз и считает отказ критики от психологизма, от ориентации на писателя с особенностями его биографии и психологии. Что предлагает Барт вместо этого? Он предлагает заменить писателя на читателя. И здесь, я думаю, мы можем обнаружить любопытное противоречие концепции Барта, который на базе структурализма пытается строго провести линию антипсихологизма.

Барт провозглашает рождение читателя и смерть автора. "...Рождение читателя приходится оплакивать смертью Автора" (там же, с.391). Что же представляет из себя читатель? В книге "О Расине" в 1960 году читатель представлен как каждый из нас, дающий ответ на косвенные и одновременно вечные вопросы писателей. Ответы варьируются, утверждаются и отрицаются, соперничают, сменяют друг друга. В ответы каждый из нас привносит "свою собственную историю, свой собственный язык, свою собственную свободу" (там же, С.U4). Однако для Барта очевидно, что от собственных истории, языка и свободы очень легко перейти к индивидуальным особенностям, направленность на которые всегда считалась прерогативой психологизма. Но ведь Барт как раз и выступает против психологизма. Получается, что просто замена автора на читателя позволяет говорить о многозначности мира - художественного произведения, но не избавляет полностью от психологизма. Еще Выготский в "Психологии искусства" отмечал, что зависимость художественного произведения от читателя приводит к тому, что художественное произведение оказывается переменной величиной, "функцией от психики общественного человека и изменяется вместе с последней" (Выготский, 19в е, с.55).

Вместе с тем структурно-семиотический подход Барта направлен на то, чтобы освободить историю литературы не только от следов субъективности, самотождественности автора, его личности, но и от любых иных форм проявления субъективизма и психологизма. То, что на всех уровнях анализа текста, автора возможно и необходимо убрать, так как "всякий текст вечно пишется здесь и сейчас" (Барт, 1989, с.387), это у Барта не вызывает сомнений. Но одновременно должна измениться и концепция читателя. Новые акценты в характеристике читателя, появившиеся спустя десять лет, в 1970 году, вновь направлены на полное исключение любых следов субъективизма и психологизма. Теперь читатель лишается всех "собственнических" мотивов. "Читатель - это пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых

слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении, только предназначение это не личный адрес; читатель – это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст" (Барт, 1989, с.ззо). Зто фактически установка давно известного антипсихологизма, вплетенная в новый понятийный аппарат. Она . не только приводит к противоречиям между разными утверждениями Барта, но и просто выглядит весьма нереалистичной. Ни автор с его индивидуальными особенностями, ни читатель с его личной историей не могут быть полностью изгнаны из критики и истории литературы.

Крайности всегда смыкаются. Коренной изъян "старой" критики, ориентирующейся на психологизм, Барт видит не в дефектности информации/которой пользуется исследователь, – а в его точке зрения. Точно так же существенный изъян концепции Барта, а в его лице всей "новой" критики заключается именно в точке зрения, в- жесткой антипсихологистической установке, которую он пытается провести. На мой взгляд, дело заключается не в том, чтобы полностью изгнать любые черты индивидуальности из истории литературы и литературной критики, что в принципе невозможно. Дело заключается в том, чтобы не сводить к ней всю литературу, не превращать ее в анализ психологических особенностей писателя, критика, читателя. Но и не рассматривать ее вне особенностей каждого из них. Тексты Пушкина написаны Пушкиным, Гоголя – Гоголем. "Краткий путеводитель по городам без прошлого" Камю мог быть написан только Камю с его отношением к Алжиру, знанием Орана, удивлением перед африканским миром и его культурой и так далее, и так далее.

В чем еще выражается антипсихологистическая позиция Барта? Каким образом он предлагает избавиться от любых форм психологизма в литературе?

Как и в русском формализме, как и у Тынянова, основным средством против психологизма для Барта является системно-структурный анализ. Барт поступает с одиннадцатью трагедиями Расина так же, как Пропп с русскими волшебными народными сказками. Он сводит одиннадцать трагедий к одной, располагает всех персонажей, населяющих расиновские трагедии, в едином порядке. В результате он получает фигуры и действйя первобытной орды, в которой прйсутствует "кровосмешение, соперничество братьев, отцеубийство, ниспровержение сыновей" /там же, с.153/, но нет субъекта, личности, индивида.

Барт исходит из того, что внутреннюю целостность расиновского тёатра можно понять лишь на основе этой древней фабулы. В результате перед нами оказываются маскя, находящиеся в определенной ситуации и выполняющие определенные функции (например, отец противостоит сыну, тиран и подданный черпают свое бытие из своего положения по отношению друг к другу и так далее). Точно так же весь расяновский по Барту, выполняет определенную строго однозначную функцию- •функция расиновского мира – вынесение приговоров: мир наблюдает за героем и постоянно грозит герою осуждением... Мир для расинозских героев – угроза, страх,

мертвый груз, безликая санкция, которая окружает их..." (Барт, 1989, с. 1 во).

Таким образом, единицей трагедии оказывается не личность, не индивид, а функция, определяющая фигуру. Театр превращается не в столкновение характеров и индивидуальностей, а в ситуации, положения. Сущность каждой фигуры всецело определяется ее местом в системе и выполняемой функцией. Вплоть до того, что, как считает Барт, при таком подходе перекрывается даже разница полов.

Крайности антипсихологизма приводят к крайностям схематизма. Структурный анализ расиновских трагедий помогает осознать глубину театра Расина. Однако это лишь один из методов реконструкции театра Расина, который вовсе не является доказательством необходимости исключения из анализа личностей, населяющих расиновские трагедии. Расин был бы не интересен для потомков, если бы его герои были только схемами, выполняли бы только определенные функции, если бы они были лишены тех вечных, чисто человеческих качеств, о которых говорил психологизм. Театр невозможно свести к кибернетической машине, как это однажды предложил Бар (см. там же, с. 276).

Барт, как и ОПОЯЗ, как и другие представители антипсихологизма, исходит из того, что возможна история литературы, не затрагивающая произведения и авторов. Вместо истории литературы он предлагает "историю литературной функции". Вместо психологистического анализа того, что происходит внутри автора в тот момент, когда он пишет, Барт предлагает вопрос о том, что именно сообщает произведение о своей эпохе.

В основу своего анализа Барт кладет, как он сам об этом пишет, методологические разработки историка Л. Февра, который, в свою очередь, как уже отмечалось, не поддерживал психологизм в истории. Но методологические установки Февра Барт, на мой взгляд, интерпретирует так, что в них заостряются антипсихологистические черты. Ставится задача изучения среды, но лишь таким образом, что индивид должен в ней раствориться. Рекомендуется изучать публику: социальный состав, интеллектуальную подготовку ее и ее писателей. Но в результате история литературы должна быть представлена "лишь на уровне литературных функций (производство, коммуникация, потребление), а не как на уровне индивидов, отправляющих эти функции", конкретные писатели должны уйти из истории литературы, "ибо они оказываются только участниками "институциональной деятельности, идущей сверх индивидуальности каждого"" (см. там же, с. 219). Думаю, можно оценить эти идеи как вполне антипсихологистические, перекликающиеся с антипсихологизмом в других пластах культуры. Общую установку антипсихологизма, связанную с исключения субъекта из анализа в конкретных областях знания, в разных пластах культуры, Барт формулирует следующим образом: "Отсечь литературу от индивида!" (там же, с. 220). Однако нельзя литературу "отсечь от индивида", как нельзя ее и свести только к нему. Интересная, на мой взгляд, точка зрения в связи с обсуждаемой проблемой была высказана крупнейшим российским лингвистом Ю.С. Степановым. Его точка зрения особенно интересна в контексте данного

исследования, потому, что в ней личность и театр Расина оцениваются в сравнении с антипсихологистической по своей сути концепцией Пор-Рояля. Сравнение, проводимое Степановым, вызвано тем, что Расин недолгое время обучался в "Маленьких школах" Пор-Рояля. А основная идея этого сравнения заключается в следующем: "Можно сказать, что метод, который так и не открылся авторам Пор-Рояля, был художественно найден Расином: применять логику, искать разумное начало во всем духовном облике человека, не только на рациональном уровне "общественного человека", но и в человеке как носителе страстей, как "продукте обычая"..." (Степанов, 1990, с.52).

Возвращаясь к анализу концепции Барта в связи с его отношением к психологизму и антипсихологизму, я хотела бы остановиться еще на одном аспекте его концепции. Барт считает, что возможно предложить множество вариантов ответов на вопрос, сформулированный литературным произведением. В этом смысле психологизм тоже оказывается допустимым методом прочтения. Условием объективности Барт считает лишь оповещение о том, в какой системе будет исследоваться произведение. Декларируется, что все способы прочтения хороши. Однако любая установка "анти-нечто" в реальности не выдерживает подобного либерализма. Для Барта подлинная история литературы связана с тем, что все^аки надо забыть об индивиде, в частности "о Расине-индивиде и сознательно перейти на уровень технических приемов, правил, ритуалов и коллективных ментальностей" (Барт, 1989, С.232-*).

Сотрудничество двух критик, одна из которых выражает установки психологизма, а другая антипсихологизма, одна ориентируется на особенности обстоятельств творческого процесса, а другая свободно интерпретирует "литературные обстоятельства", приписывает фактам значение в соответствии с явно заявленной системой интерпретации, Барт считает утопией. Эта утопичность, с его точки зрения, определяется тем, что в первом случае утверждаются пристрастные воззрения на литературу. Но, думаю, не менее пристрастен и второй подход, хотя он претендует на полную беспристрастность. Такая объективность определяется, по Барту, тем, что критика подобна логике. Обе строятся на различении языка-объекта и метаязыка. Автор пользуется языком-объектом, критик – метаязыком. Однако, следует отметить, что такое различение не может уберечь критику от человеческих симпатий и антипатий. Даже в логику возвращается "человеческий фактор", тем более не может без него обойтись критика. Не может без него обойтись и пользователь языка-объекта даже в том случае, когда "мифический голос музы нашептывает писателю не образы, не идеи и не стихотворные строчки, а великую логику символов, необъятные полые формы, позволяющие ему говорить и действовать" (Барт, 1989, С.357).

На мой взгляд, дело все-таки заключается не в том, чтобы вместо одних методологических установок использовать другие, прямо противоположные. Наоборот, очень важно использовать их не вместо, а вместе, убрав крайности

каждой из них, претензию на единственность и объективность. Каждая из этих методологий в таком случае, как мне представляется, будет не исключать другую, а дополнять ее. Что же касается "старой" и "новой" критики, то в них, как я пыталась это показать, ' воспроизводится спор между психологизмом и антипсихологизмом. Понятие же ЛКД позволяет реконструировать некоторые смыслы и обертоны новых явлений в культуре в связи со старыми традициями.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРК

Эта книга имеет подзаголовок: "Очерки развития в культуре антитезы "психологизм-антипсихологизм". Но и к самому подзаголовку можно было бы добавить еще один подзаголовок: "Неоконченные очерки". - В чем проявляется их неоконченной^ Можно ли их завершить? Если рассматривать в качестве показателя завершенности очерков полное описание миров психологизма и антипсихологизма, то, по-видимому, * их завершить невозможно, потому что всегда, можно предъявить какой-то новый элемент, принадлежащий этим открытым мирам, но еще неописанный. - Так, например, отдельными и самостоятельными элементами этих миров, которые, в свою очередь, 'сами оказываются целыми мирами, являются социологические психологизм и антипсихологизм. Уже в их рамках - Г.Тард строит психологистическую социологию, которая самым непосредственным образом связана с психологистической логикой Дж.Ст.Милля. Тарда не все устраивает в психологизме Милля, но он принимает один из центральных тезисов миллевского психологизма: понимание психологии как основы для объяснения в других науках. "Логика" Милля ему интересна и тем, что "в конце своей "Логики" он рассматривает социологию как - прикладную психологию" (см.Тард, **1900,** с,25). Тард специально подчеркивает, что "логика связана гораздо теснее, чем это предполагалось до сих пор, и с психологией, и с социальной наукой" (см.Тард, 1901, с и з). Важнейший тезис психологизма он формулирует следующим образом: "Уже давно было сознано, что за объяснением общих законов и псевдозаконов лингвистики, политической экономии и мифологии нужно обращаться к психологии" (Тард, 19оо, с.25).

Психологизм **является** методологическим основанием всей целостной концепции Тарла и одновременно основой дискуссии, во многом определившей всю его научную биографию, с Э.Дюркгеймоы, для которого, в свою очередь, "главным противником... был психологизм" (см.Осипова, i9?8, с. ie).. В социологии, как и.в других науках, спор между психологизмом и антипсихологизмом самым непосредственным образом был связан с проблемой поиска собственного предмета исследования. "Психологизм... был главным воплощением методологического индивидуализма; неудивительно, что именно в кем Дюркгейм видел явное и скрытое препятствие на пути становления социологии как самостоятельной науки" (Гофман, 1991, с.**547].** Другое дело, что антипеихологизм Дюркгейма, как и антипсихологизм крупнейших представителей в других науках, оказывается в некотором смысле

парадоксальным, непоследовательным, стремящимся все к тому же психологизму, но в иной форме: в форме социального психологизма. "Этим "социологистская" социальная психология Дюркгейма существенно отличалась от "психологистской" социальной психологии его постоянного оппонента . Г.Тарда, сводившего социально-психологические закономерности к индивидуально-психологическим" (см. там же, с.543). Но и в этом плане, как и в плане их соотнесенности с психологизмом и антипсихологизмом в логике, миры психологизма и антипсихологизма в социологии оказываются очень похожими "многими различными способами" на соответствующие миры в других науках. Здесь явно прослеживается "семейное сходство", о котором писал Витгенштейн. Конечно, именами Тарда и Дюркгейма не исчерпываются миры психологизма и антипсихологизма в социологии. Но и без этих имен совокупные миры психологизма и антипсихологизма оказываются уже неполными.

В свою очередь, без методологического противостояния, выраженного в споре между психологизмом и антипсихологизмом, Тарда и Дюркгейма , трудно понять синтез идей психологизма и антипсихологизма в лингвистической концепции Ф.де Соссюра. Вот как прослеживает это влияние Р.Барт: "Социологическое значение дихотомии язык/речь очевидно. Но родство соссюровского языка с Дюркгеймовской концепцией коллективного сознания, - не зависящего от своих индивидуальных манифестаций, было указано .уже давно. Более того, говорили даже о прямом влиянии Дюркгейма на Соссюра; возможно Соссюр самым внимательные образом следил за спором между Дюркгеймом и Тардом. Его концепция языка идет от Дюркгейма, а концепция речи явилась уступкой идеям Тарда об индивидуальном" (Барт, 1975, с.121). Миры психологизма и антипсихологизма оказываются явно неполны и без лингвистической теории Соссюра. Столь же неполны они и без анализа философии жизни, которую Бахтин рассматривал как одну из форм психологизма. Он писал, что "под фирмою "философии жизни" самый необузданный психологизм с необычайной быстротой снова захватывает все покинутые им столь недавно позиции во всех областях философии и в науке об идеологиях" (см.Волошинов, 1929, с.42). Столь же неполным оказывается описание этих миров без анализа форм их проявления во фрейдизме и так далее, и так далее. Каждый из выделенных элементов мира психологизма и антипсихологизма, как это уже не раз отмечалось в данных Очерках, является самостоятельным и интересным миром, но ни один из них не может радикальным образом изменить описание психологизма и антипсихологизма как соответствующих ЛКД, проходящих сквозь разные слои культуры и разные эпохи.

[1] См., в частности, Замошкин, 1958; его же, 1966; Овчаренко, Грицанов, 1990.

[2] В самооценке Тарда это противостояние выглядит следующим образом: "Моя концепция представляет в целом почти противоположность теории однолинейных эволюционистов и Дюркгейма..." (Тард, 1900, с.3е).

Итак, каждое новое имя, каждая новая теория вносят какие-то дополнительные аспекты в описание совокупного мира психологизма или антипсихологизма, а в силу этого любое описание этих выделенных миров всегда оказывается незавершенным.

Вместе с тем анализ психологизма и антипсихологизма как соответствующих ЛКД показывает, что нельзя провести жесткие границы между формами проявления данной антитезы в разных науках, что психологизм и антипсихологизм являются общегуманитарным движением[1], направленным "На обеспечение методологических основ для построения и объяснения соответствующих наук. Общегуманитарный характер этого движения не может не найти отклика и в естествознании. Однако такая постановка вопроса выходит далеко за пределы данного исследования.

В разных срезах культуры есть свои особенности проявления черт антитезы "психологизм-антипсихологизм"[2]. Но есть и некоторые устойчивые идеи и соответствующие им языковые формы, которые присущи всем пластам культуры. Психологизм и антипсихологизм в качестве ЛКД как бы задают некий автоматизм в использовании привычных форм выражения, в которые выливаются идеи логические и теоретико-познавательные, литературоведческие и исторические, социологические и лингвистические, политэкономйческие и непосредственно психологические (ведь для психологии проблемы психологизма и антипсихологизма как общеметодологические проблемы были не менее .хаяны, чем для других наук) и так далее. В ЛКД концентрируются некоторые устойчивые, привычные, консервативные формы выражения одних и тех же идей в разных пластах культуры. И вот в плане такого описания психологизма и антипсихологизма как ЛИД данные очерки я могла бы рассматривать, как этально завершенные.

Как мне представляется, концепция ЛКД может внести свой вклад в решение таких, современных и актуальных, но имеющих глубокие корни в истории философии проблем, как проблемы предпосылочности и беспредпосылочности научного знания[3], соизмеримости и несоизмеримости теорий. Концепция логико-культурных доминант, как мне кажется, может открыть еще один пласт методологического анализа проблем науки и культуры, выявить одну из возможных "скреп", позволяющих собирать воедино проблемы разных наук, в разные исторические промежутки времени.

случайно Бодуэн де Куртенэ "решительно высказывался" против термина "гуманитарные науки". Для него "гуманитарные науки" - это просто науки психические", поэтому он и считает, что нужно просто ввести терггин "психические науки" (См. Бодуэн де Куртенэ, 1эе з, т. п, с. es).

[1] Анализ этих проблем см. Микешина, чэео, с. 65-157.

[2] Поиску таких "скреп", единой "системы отсчета", которые позволяют соединять в целостную систему разнообразные научные знания определенной эпохи (западноевропейского средневековья), посвящена монография В.П. Гайденко и Г. А. Смирнова. См. Гайденко, Смирнов, 1989.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев С.С Филология/ Лингвистический энциклопедический словарь – М.: Сов.энц-я, 1990, с.544-545.

Аверинцев С.С Философия УШ ХП вв Культура Византии (вторая половина УШ-ХП в.). – М.: Наука, 1989, с,36-58.

Автономова Н.С Мишель Фуко и его книга' Слова и вещи/ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – М.: Прогресс, 1977, с. 5-30/

Автономова Н.С Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (Критический очерк концепций французского структурализма). – М.: Наука, . 1977.

Алексеев Н. D Юдин Э Г Проблема системности исследования в психологии – Вопросы психологии, 1977, н 3, с. 174-177.

Альмухамедова З.М, Киров Е Ф Три теории фонемы .И А Бодуэна де Куртенэ// Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика – Казань, 1989.

Амирова Т. А, Ольховиков Б А Рождественский .ЮВ Очерки по истории лингвистики М.: Наука, 1975.

Апресян Ю.Д Личная сфера говорящего// Семиотика и информатика, вып.28. -- М.: ВИНИТИ, 1986.

Арно А, Николь П Логика или Искусство мыслить- .:М Наука, 199.1.

Арутюнова Н.Д 0 структурных и традиционных методах в грамматике, Филологические науки, 1963, к 4, с. 172-174.

Арутюнова Н.Д Типы языковых значений Оценка Событие Факт. -М.: Наука, 1988.

Арутюнова Н.Д, Булыгина ТВ Основные принципы и методы структурного анализа// Общее языкознание. Методы лингвистических исследований – М.: Наука, 1973, с. 168-223."

Арутюнова Н.Д, Климов Г А, Кубрякова .Е С Американский структурализм// Основные направления структурализма – М.: Наука, 1964, с. 190-193.[4]

Асмолов А.Г. В поисках социоэволюционной концепции личности// Д. Н. Узнадзе – классик советской психологии – Тбилиси: Мецниереба," 1986, с. 46-62.

Бакрадзе К.С Избранные философские труды ТЗ- Тбилиси Изд Тбилисского ун-та, 1973.

Балли Ш Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: ИЛ, Й55.

Барт Р. Избранные работы Семиотика поэтика/- М Прогресс, 1989.

Белл Р.Т. Социолингвистика Цели, методы и проблемы – М.: Меж-е отн-я, 1980.

Библер .В.С. Творческое мышление как предмет логики (проблемы и перспективы) // Научное творчество/ – М.: Наука, 1969, с. 167-220.

Баткин Л.М Культура всегда накануне себя. Заметки разных лет)// Красная книга культуры – М.: Ис-во, 1989, с. 117-130.

Бахтин М М Вопросы литературы и эстетики – М Худ лит ра 1975

Бахтин М.М Литературно критические статьи- ..М Худ лит, ра 1986

Бахтин М.М Проблемы поэтики Достоевского – М Сов Россия 1979

Берталанфи Л фок. История и статус общей теории систем// Системные исследования Ежегодник-1973 - М.: Наука, 1973.

Берталанфи Л фон. Общая история систем критический обзор/ Исследования по общей теории систем - М.: Прогресс, 1969.

Библер В.С Михаил Михайлович Бахтин или поэтика культуры - М.: Прогресс, 1991.

Библер В.С Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). - М.: Политиздат, 1975.

Библер В. С. Творческое мышление как предмет логики (проблемы и перспективы)// Научное творчество - М.: Наука, 1969, с. 167-220.

Бирюков Б. В -Актуальные проблемы философско кибернетичеюих исследований// Философские науки, 1981, и 2, с.24-33.

Бирюков Б.В Крушение метафизической концепции универсальности предметной области в логике - М.: Высшая школа, 1963.

Бирюков Б.В О взглядах Г Фреге на роль знаков и исчисления в познании// Логическая структура научного знания. - М.: Наука, 1965, с.91-169.

Бирюков Б.В О работах Фреге по философским вопросам математики - В кн.: Философские вопросы естествознания Вып.2 - М.: МГУ, 1959, с. 134-177.

Бирюков Б.В Теория смысла Готлоба Фреге// Применение логики в науке и технике. - М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 502-554.

Бирюков Б.В Фреге Г // философская энциклопедия 1970, т.5, с.409-410.

· Бирюков Б.В Человеческий фактор в логике в свете проблемы "искусственного интеллекта". Четыре контроверзы логической мысли и кибернетика// Кибернетикам диалектика - М.: Наука, 1978, с.212-235.

Бирюков Б.В, Нуцубидзе НН Рецензия на книгу Фреге.Г Работы по логике из наследства// Новые книги за рубежом по общественным наукам, 1974, и 6, с. 40-47.

Бирюков Б.В, Тростников ВН Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики Формализация мышления от античных времен до эпохи кибернетики - М.: Знание, 1977.

- Блок М. Апология Истории - М.: Наука, 1936.

Блумфилд Л. Язык - М Прогресс 1968

Богданов А.А Общественно философские сочинения .ТП* М.;Л.: Книга, 1924.

Богданов А.А Тектология Всеобщая организационная наука. Т. 1,2. - М.: Эк-ка, 1989.

Бодуэн де Куртенэ И.А Избранные труды по общему языкознанию М.: Изд. АН СССР, 1963. - Т.1, Т.2.

Брюшинкин В.Н Метапсихологизм в логике. Вопр философии, 1986,* 12, с.30-42.

Брюшинкин В.Н. Логика, мышление, информация. - Л.: ЛГУ, 1988.

Бутенко И А Критика феноменологически ориентированной социологии языка (ЛКД). - М.: ИСИ, 1982.

Вежбицка А. Из книги "Семантические примитивы". Введение//Семиотика. - М.: Радуга, 1983, с.225-252.

. Винер й. Я - математик М 1964

Винокур Г.О Эпизод идейной борьбы в западной лингвистике. Вопросы языкознания, 1957, я 2.

Винокур Г.О Чем должна быть научная поэтика Вестник МГУ. Филология^ 2, 1987, с. 83-91.

Витгенштейн Л. Заметки о книге Дж Фрэзера Золотая ветвь // Историкофилософский ежегодник, 89. - М.: Haytfa, 1989, с.251-263.

Витгенштейн Л Избранные тексты/ Грязнов А.Ф Материалы к курсу критики современной буржуазной философии (Философия языка. Л-Витгенштейна) - М.: МГУ, 1987, с.25-93.

Витгенштейн Л. Лекция об этике 1929 или 1930 т Историкофилософский ежегодник; 89. - М.: Наука, 1989,' с.238-245.

Витгенштейн Л. Логикофилософский трактат- Л ИЛ, 1958.

Витгенштейн Л Философские исследования/ Новое в зарубежной лингвистике - М.: Прогресс, 1985. Вып. ХУ1, с. 79-128.

Войшвилло Е.К Понятие как форма мышления/ Логико гносеологический анализ. - М.: МГУ, 1989.

Войшвилло Е.К Понятие - U МГУ 1967.

Волошинов В.Н Марксизм и философия языка (Основные' проблемы социологического метода в науке и языке) - Л.: Прибой, .1929.

Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. - М 1961.

Воспоминания о ЮТынянове . - №. Сов писателыза

Вригт фон Г.Х. Логика и философия в XX веке// Вопр.философии, 1992. к 8, с.80-91.

Выготский Л:с Мышление и речь - М.Л Гос ооц экон изд :в©

Выготский Л.С Психология искусства - У Не шж

Выготский Л.С Психология искусства - М Педагогикаее:

Гайденко П.П., Смирнов Г. А. Западноевропейская наука в средние века. - М.: Наука, 1989.

Гайденко П.П Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ - М.: Наука, 1980.

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества - М Наука, .1977.

Гердер И.Г. Исследование о происхождении языка - Ригзззсе

Гильберт Д. и Аккерман В Основы теоретической логики- М.: ИЛ, 1947.'

Горский Д.П. Вопросы абстракции и образование понятий - М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Горский Д.П Определение - М Мыслш

Горский Д.П Формальная логика и язык// Философские вопросы современной формальной логики - М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 53-90.

Грамматика общая и рациональная 'Пор-Рояля - М Прогресс, 1990.

4 Гревс И.М Александр Сергеевич Лаппо Данилевский (Опыт истолкования души)//

Русский исторический журнал, 1920. К н.6.

Грот Н.Я. К вопросу о реформе логики. Опыт новой теории умственных процессов. Рассуждение Я.Я.Грота. - Нежин - Лейпциг: Историко-филол.ин-т, 1882.

Грязнов А.Ф. Эволюция философских взглядов ЛВитгенштейна: Критич. анализ. - М.: МГУ, 1985.

Грязнов А.Ф. Этическая проблематика в трудах Л.Витгенштейна// Историкофилософский ежегодник, 89. - М.: 'Наука, 1989, с.235-238.

Грязнов А.Ф. "Скептический парадокс" и пути его преодоления// Вопросы философии, 1989, N.12, с. 140-150.

Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество- М.: Наука, 1982.

Гудков Л.Д. Понятие и метафоры истории у Тынянова и ^опоязовцев// Тыняновский сборник. - Рига: Зинатне, 1988, с.91-108.

Гулыга А.В. История как наука// Философские проблемы исторической науки. - М., 1969.

Гуссерль Э. Логические исследования. Пролегомены к чистой логике. - СПб.: Образование, 1909, т. 1.

Гуссерль Э. Парижские доклады// Логос, 1991, №2, с.6-зо.

Гуссерль Э. Феноменология// Логос, 199-1, N I, с.12-21.

Гуссерль Э. Философия, как строгая наука// Логос,*i9ii, N1, с. 1-56.

Декарт Рене. Соч. в 2-х т. Тл. - М.: Мысль, 1989.

Джевонс У.С. Основания логики. - С-Петербург, 1878.

Дубин Б.В. Литературный текст и социальный контекст// Тыняновский сборник: Третьи тыняновские чтения. - Рига: Зинатне, 1988, с.236-248.

Дюркгейм Э. Метод социологии - Киев, Харьков, 1899.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда- Этюд об организации высших обществ. - Одесса, 1900.

Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. - М., 1912.

Евсевичев В.И., Налетов И.З. Концепция "третьего мира" в гносеологии Карла « Поппера// Вопросы философии, 1974, N 10, с. 130-136.

Ерофеев А.А. Готлоб Фреге// Философские науки, 1977, N2, с. 72-80.

Замошкин Ю.А. Психологическое направление в современной буржуазной социологии - М., 1958..

Зенгер С. ДжСт.Милль, его жизнь и произведения.- СПб.: Образование, 1903.

Зигварт Х. Логика СПб, 1908. Тл, Т.2.

Зотов А.Ф. Структура научного мышления. - М.: Политиздат, гэтз.

Зотов А.Ф. "Ранний" Гуссерль и формирование феноменологического движения в европейской философии// Логос, 1991, к 2,. с.41 т 52.

V Зотов А.Ф., Воронцова Ю.В. Буржуазная "философия науки" (становление, принципы, тенденции). М.: МГУ, 1978.

Иванов ВВ'Пастернак и ОПОЯЗ/ к постановке вопроса// Тыняновский сборник: Третьи тыняновские чтения. - Рига, 1988, с. 70-82.

Исаев С. А. Антипсихологизм как методологическая установка экзистенциализма// Методологические проблемы исследования и критики современной буржуазной философии. - М., 1985. 4.2, с. 19-23.

Каверин В.А. Друг юности и всей жизни// Воспоминания о Ю.Тынянове. - М.: Сов. писатель» 1983, с. 38-58.

Какабадзе З.М. Проблема "экзистенциального кризиса" и трансцендентальная феноменология Э.Гуссерля. - Тбилиси: Изд-во Мецниереба, 1966.

Камю А. Сочинения. - М.: Прометей, 1989.

Касавин И.Т., Сокулер З.А. Рациональность в познании и практике. - У.: Наука, 1989.

Киссель М.А. Судьба старой дилеммы: Рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX века. - М.: Мысль, 1974.

Колядко В.И. Антипсихологизм Бернарда Больцано// философские науки, 1983, N 3, с. 120-126.'

Копнин П.В. Логика научного исследования и ее основные понятия// Вопросы философии, 1964, N 3, с. 59-68.

Копнин П.В. Природа суждения и формы выражения его в языке// Мышление и язык. М.: Госполитиздат, 1957.

Коржева Э.М. Эмиль Дюркгейм о природе социального феномена (А.К.Д). - М.: МГУ, 1968.

Котарбиньский Т. Избранные произведения. - М.: ИЛ, 1963.

Кошарный С.А. Феноменология Гуссерля и опыт герменевтического основоположения гуманитарного знания в историческом наукоучении Дильтея// Филос. и социол. мысль. - Киев, 1989, N 8, с. 72-81.

Кошарный С.А. Феноменология Гуссерля и опыт герменевтического основоположения гуманитарного знания в историческом наукоучении Дильтея// Филос. и социол. мысль. - Киев, 1989, N 9, с. 70-79.

Крючкова Т.Б., Нарумов Б.П. Зарубежная социолингвистика Германия. Испания. М.: Наука, 1991.

Кузичева З.А. Символическая логика Г.В.Лейбница// Математика в XIX веке. - М.: Наука, 1978, с. 12-18.

Куликов" В.Ю. Психологизм в истории западно-европейской философии. - Караганда, 1986. - 11 с.

Кун Т. Структура научных революций. - М.: Прогресс, 1975.

Ладенко И.С. Методы моделирования и организации интеллектуальных систем: Препринт/ АН СССР. - Новосибирск, 1987.

Ладенко И.С. Прикладная логика и логическая концепция мышления. Новосибирск, 1983.

Ладенко И.С. Психологическая наука и практика. - Новосибирск, 1988.

Ладенко И.С., Тульчинский Г.Л. Логика целевого управления. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1988.

Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказывают теорёмы. - М.: Не У Кіа, 1967.

Лансон Г. Метод в истории литературы – М.: Товарищество "Мир", i9ii.

Лаппо-Данилевский А.С. "История русской общественной мысли и культуры ХУП-ХУШ вв. – М.: Наука, 1990.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории – СПб, ш з.

Лауэ М. Статьи и речи. – М.: Наука, 1969.

Легостаев- В.М. Философская интерпретация развития науки Томаса Куна// Вопросы философии, 1972, N 11, с. 129-136.

Лейбниц Г.В. Соч. в 4-х т. М.: Мысль. Т.1, 1982; Т.2, 1983; Т.З, 1984; Т.4, 1989.

Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. – М.: Наука,, i960.

Леонтьев А.А. Из истории языкознания. ИА Бодуэн де Куртенэ и Петербургская школа русской лингвистики// Вопросы языкознания, 1961, n 4, с. 110-124.

Леонтьев А.А. Общелингвистические взгляды ИА Бодуэна де Куртенэ (ЛКД) – М., 1963.

Леонтьев А.А. Психолингвистика и проблемы функциональных единиц речи// Вопросы теории языка, с. 163-190.

Леонтьев А.Н. К методологии вопроса// Выготский Л.С. Психология искусства, – М.: Ис-во, 1986.

Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека (Введение в психологию). – М.: Мир, 1974.

ЛйППС Т. ОСНОВЫ ЛОГИКИ. – СПб., 1902.

Логика и эмпирическое познание. – М.: Наука, 1972.

Локк Д*. Соч. в з-х т. – М: Москва, Т. ij 1985; Т.2, 1985; Т.З, 1988.

Лотман ЮМ Память культуры/ Язык. Наука. Философия. – Вильнюс, 1986, с. 193-204.

Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры// Труды по знаковым системам. У1. – Тарту, 1973.

Лурия А.Р, Психология как историческая наука (К вопросу об исторической природе психологических процессов)// История и психология. – Ы.: Наука, 1971, с. 36-62.

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. – М.; МГУ, 1982.

Люлько Н.П., Матусевич М.й. Л.В.Щерба// Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете. – Л.: 1971, с, 102-119.

Мазаева О.Г. Русские неокантианцы о природе познания// Проблемы познания и управления социальными процессами. Томск, 1981, с. 42-56.

Майоров Г.Г. Лейбниц как философ науки// Лейбниц. Соч. в 3-х т. – М.: Мысль, 1984, т.З, с. 3-40.

Малкольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения "Я знаю"// Философия, логика, язык, – М.: Прогресс, 1987, с'.234-262.

Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию – М.: Прогресс, 1990.

Мамардашвили М.К. Мысль под запретом (Беседы с А.Зпельбуэн)// Вопросы философии, 1992, N'4, с. 70-78; Вопросы философии, 1992, N 5, с. 100-Го.

Мамардашвили М.К. Современная европейская филология// Логос, 1991, N 2, с. 109-130.

Мамчур Е.А. Проблема выбора теории/ К анализу переходных ситуаций в развитии физического знания: М.: Наука, 1975.

Мандельштам О.Э. О поэзии/ Сборник статей/ - Л.:Аса<зеппа, 1928.

Мандельштам О.Э. Соч. в 2-х т. - М.: Худ.л-ра, 1990.

Маслов С.Ю. Теория поиска вывода и вопросы психологии творчества// Семиотика и информатика. - М.: ВИНИТИ, 1979, вып. 13.

Махлин В. Л. Переписка из двух миров// Бакинский сборник П. - М. , 1991, с.41-43.

Медведев П.Н. Формализм и формалисты - Л.: Изд-во Писателей в Ленинграде, 1934. '

Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении (Критическое введение в социологическую поэтику). - Л.: Прибой, 1928.

Меськов В.С. Очерки по логике квантовой механики. - М.: МГУ, 1986.

Метлов В.И. Диалектика оснований и развития научного знания// Вопросы философии, 1976, N 1, с. 117-128.

Методы логического анализа. - М.: Наука, 1977.

Микешина Л.А. Вера, знание, понимание// Объяснение и понимание в специальных общественных науках. - М.: ИФАН, 1989, с. 5-21.

Микешина Л.А. Ценностные предпосылки в структуре научного познания. - М.: МГПИ, 1990,

Милль Дж.Ст. Автобиография. - СПб, 1984.

милль ДЖ.СТ, ОСНОВЫ ПОЛИТИЧеСКОЙ ЭКОНОМИИ. - М.:ПрОГреСС, 1980.

Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. - М.: Наука, 1980.

Могильницкий Б.Г., Гульбин Г.К., Николаева И.Ю. Американская буржуазная "психоистория". - Томск, 1985.

Моисеев Н.Н. Проблема возникновения системных свойств// Вопросы философии, 1992, N 11, с.25-33.

Моррис Ч.У. Основания теории знаков// Семиотика - М.: Радуга, 1983.

Мотрошилова Н.В. Возникновение феноменологии Э.Гуссерля и ее историкофилософские истоки// Вопросы философии, 1976, N 12, с. 93-106.

Мотрошилова Н.В. Принципы и противоречия феноменологической философии. - М.: Высшая школа, 1968.

Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей. Историко-философские очерки и портреты - М. :-ИПЛ, 1991

Мотрошилова -Н.В., Соловьев Э.Ю. От защиты "строгой науки" к утверждению иррационализма//Вопросы философии, 1964, n 5, с. 92-103.

Нарский И.С. Джон Локк и его теоретические система// Локк. Соч. в 3-х т. - М.: Мысль, 1985, т. 1., с. 3-76.

Нарский И.С. Философия Джона Локка. - М.: МГУ, 1960. - 63 с.

, На У ка в социальных, гносеологических и ценностных аспектах. - М.: Наука,

Научное открытие и его восприятие. - М.: Наука, 197-1.

Научное творчество. - М.: Наука, 1969.

Никитин Е.П. Открытие и обоснование. - М.: Мысль, 1988.

Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика (Теория и проблемы). - М.:' 1976.

Нири К. Философская мысль в Австро-Венгрии. - М.: Мысль, 1987.

Новоселов М.М. Психологизм (в логике)// Философская энциклопедия, 1967,' т. 4, с. 419.

Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. - М.: Наука, 1973.

Овчаренко В.И., Грицанов А.А. Социологический психологизм. Крит.анализ. - Минск: Вышэйшшк., 1990.

Овчинников Н.Ф. Карл Поппер'- наш современник, философ XX века// Вопросы философии, 1992, N 8, с.40-48.

Ожегов С.И. Доминанта// Словарь русского языка. - М.: Рус.язык, 1983.

Основные направления структурализма '- М.: Наука, 1964.

Осьмаков Н.В. Психологическое направление в русском литературоведении, ДНОвсянико-Куликовский. - М., 1981.

Панфилов В.З. Язык, мышление, культура// Вопросы языкознания, 1975, NI

Пауль Г. Принципы истории языка. - М.: ИЛ, 1960.

Перетц В.Н. Из лекций по методологии по русской литературе. - Киев, 1914.

Перетц В.Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы - Петроград: Academia, 1922.

Поливанов Е.Д. Лекции по введению в языкознание и общей фонетике. - Берлин, 1923.

Положительная логика ДжСт.Милля, ее основные начала и научная постановка. Общедоступное изложение под ред.АПФедорова. - СПб., 1897.

Попов П.С. История логики нового времени. - М.: МГУ, i960.

Поппер К. Логика и рост научного знания. - М.: Прогресс, 1983:

Поппер К. Открытое общество и его враги. - М.: Международный фонд "Культурная инициатива", 1992, т. 1, 2.

Поспелов Д.А. О "человеческих" рассуждениях в интеллектуальных системах// Вопросы кибернетики, 1983. с.5-37.

Прайс Л. Английские экономисты Адам Смит - Давид Рикардо - Джон Стюарт Милль. - СПб., 1907.

Прикладные аспекты лингвистики. - М.: МГУ, 1989.

Психология речи и некоторые вопросы психолингвистики. - Тбилиси: Мецниереба, 1982.

Пушкин В.Н. О системном подходе к анализу мышления// Экспериментальное исследование продуктивных (творческих процессов) мышления. - М.: Знание, 1973, с. 9-14.

Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. - М.: Наука, 1979.

Рабинович В.Л. Методология исторической реконструкции донаучных форм знания (ЛКД). - М., 1986.

Рамишвили Д.И. Психологическая проблема значения и теории познания// Психология речи и некоторые вопросы психолингвистики - Тбилиси, 1982, с.5-113.

Рестан П. Синтаксис вопросительного предложения. ^ Oslo: universitete-forlaget, 1969.

Рибо Т. Логика чувств - СПб, 1906.

Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию - М.: ВШ, 1990.

Розов М.А. Проблема эмпирического анализа научных знаний. - Новосибирск: Наука, 1977.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание: О месте психологического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. - II.: Наука, 1957.

Сааринен Е. Хинтикка- Кастанеда и Куайн о "Квантификации в*: некоторые основополагающие проблемы в интенсиональной логике// Исследования по неклассическим логикам. - М.: Наука, 1989, с. 184-203.

Садовский В. Н. Логико-методологическая концепция Карла Поппера// Поппер К. Логика и рост научного познания. - М.: Прогресс, 1983.

Садовский В.Н. Основания общей теории систем. - М.: Наука, 1974.

Сакулин П.Л.. Филология и культурология- М.: ВШ, 1990.

Сент-Бев Ш.О. Литературные портреты (Критические очерки) - М.: Худлит-ра, 1970.

Сепир Э. Язык. - М.-Л., 1934.

Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. - II.: Прогресс, 1976.

Смирнов В.А. Творчество, открытие и логические методы поиска доказательства// Природа научного открытия. - М., 1986, с. 101-114.

Смирнова Е.Д. Основы логической семантики. - М.: Высшая школа, 1990.

Смирнова Е.Д. Истинность и вопросы обоснования логических систем// Исследования по неклассическим логикам. - М.: Наука, 1989, с. 150-164.

Смирнова Е.Д. Логическая семантика и философские основания логики. - И.: УГУ, 1986.

Содейка Т. К вопросу о психологизме и теоретическом статусе философии в * феноменологии Э. Гуссерля// Некоторые аслекты философского понимания человека - Вильнюс, 1988.

Сокулер З.А. Проблема обоснования знания (Гносеологические концепции Л.Витгенштейна и К.Поппера). - У.: Наука, 1988.

Сокулер З.А. К публикации перевода витгенштейновских заметок о "Золотой ветви" Дж.Фрэзера// Историкофилософский ежегодник, .89. - М.: Наука- 1989, с. 246-251.

Сокулер З.А. Концепция языка Л.Витгенштейна и ее значение для современной философии науки. (Дис-я на соиск.уч.ст.д-ра филос.наук). - М., 1991.

Сорина Г.Б. Кант, Гуссерль и проблема психологизма// Кантовский сб. Калининград 1987. Вып. 12, с. 97-106.

Сорина Г.Б. Психологизм и антипсихологизм о роли логики в научном познании (конец XIX - начало XX в.)// философские науки. - М., 1986, N 6, с.60-68.

Сорина Г.Б. Сравнительный анализ двух этапов спора между психологизмом и антипсихологизмом в логике и методологии науки// Логические проблемы исследования научного познания. - М.: МГУ, 1980, с. 97-80.

Сорина Г.Б. Становление и развитие антитезы "психологизм-антипсихологизм" в истории логики и методологии науки// Диалектический материализм и философские проблемы естествознания. - М.: МГПИ, 1984, с. 148-155.

Сорина Г.Б. **Forms of manifistation of the antithesis "psychologism and anti-psychologism" in the history of logic and science methodology// Logic, methodology and philosophy of science. Moscow, 1983, sect.13, p.181-184.**

Степанов Ю.С. Пор-Рояль в европейской культуре// Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. - М.: Прогресс, 1990, с. 5-66.

Степин В.С. Становление научной теории: Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики. Минск: БГУ, 1976.

Структура и развитие науки: Из Бостонских исследований по философии науки. Сборник переводов. Прогресс, 1978.

Структурализм: "за" и "против". - М.: Прогресс, **1975.** .

Стяжкин Н.И. К характеристике ранней стадии в развитии идей математической логики//Философские науки, 1958, N'3, с. 95-101. *

Стяжкин Н.И. Формирование математической логики. - М.: Наука, **1967.**

> Субботин А.Л. "Логика Пор-Рояля" и ее место в истории логики// Арно А., Николь П. Логика или Искусство мыслить. - М.: Наука, 1991.

Тард Г! Законы подражания. - СПб., **1892.**

Тард Г. Личность и толпа. Очерки по социальной психологии. - СПб, 1903. -

Тард Г. Общественное мнение и толпа. - М., **1902.**

Тард Г. Социальные законы. - СПб., **1900.**

Тард Г. Социальная логика. - СПб., 1901.

Твардовский К. Автобиография// Вопросы философии, 1992, **n 9** с. б з-74.

Тоддес Е.А. Мандельштам и опоязовская филология// Тыняновский сборник. - Рига: Зинатне, 1986, с.78-102.

Томсен В. История языковедения до конца XIX века. - У; Гос-е уч.-пед.изд-во, 1938.

Туган-Барановский М. ДжСтЛилдь. Его жизнь и учено-литературНая деятельность. - СПб., 1892.

Тынянов Ю.Н. Автобиография// Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. - М., 1966.

Тынянов Ю.Н. Поэтика, история литературы, кино. - М.; Наука, **1977.**

Тыняновский сборник. Вторые тыняновские чтения. - Рига; Зинатне, иве.

Тыняновский сборник. Первые тыняновские чтения. - Рига: Зинатне, 1984.

Тыняновский сборник. Третьи тыняновские чтения. - Рига: Зинатне, **1988.**

Тэн И. О методе критики и об истории литературы. - СПб., 1896.

Ортега-и-Гассет Хосе. Эстетика. Философия культуры. - М.. Ис-во, 1991

Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии - МПрогресс, 1990.

Уйбо А.С. Теория и историческое познание. - Таллинн, 1988.

Уорд Л.Ф. Психологические факторы цивилизации - М. 1897.

Ухтомский А.А. Избранные труды - Л.: Наука, 1978:

философские вопросы современной формальной логики. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Франк Ф. Философия науки- Связь между наукой и философией - У.: ИЛ, 1960.

Фриц Ч. "Школа" Блумфильда// Новое в лингвистике, вып. 1У/с. 275-281

ФрОММ Э. ИСКУССТВО ЛЮБВИ. - МИНСК: ПоЛИфаКТ, 1991.

Фуко У. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. - М.: Прогрерс, 1977.

Хаапаранта Л. Кант и философские основания логики Фреге// Кантовский сборник - Калининград, 1986, с. 16-28.

Хайдеггер У. Интервью в журнале "Экспресс"// Логос, 1991, N 1, с. 47-58.

Хинтикка И. Вопрос о вопросах// Философия в современном мире: философия и логика - У.; Наука, 1974, с.303-362.

Хомский Н. Язык и мышление. - М.: МГУ, 1972.

Чемоданов Н.С. Младограмматизм// Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Сов.энц-я, 1990.

Чернозуб С. П. Доминанта познавательной деятельности в системе параметров прогресса естествознания - М-.: ВНИИСИ (препринт), 1988.

Чудакова М.О. У.Булгаков и опоязовская критика: (заметки к проблеме построения истории отечественной литературы XX в.)// Тыняновский сборник: Третьи тыняновские чтения. > Рига, Зинатне, 19^8, с.231-235.

Чудакова М.О. Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова// Тыняновский сборник - Рига, Зинатне, 1986, с. 103-131.

Чудакова М.О., Тоддес Е.А. Тынянов в воспоминаниях современника// Тыняновский сборник/ Первые тыняновские чтения/ - Рига, Зинатне, 1984.

Шапир М.И. Т.О.Винокур и "научная.поэтика" (предисловие и публикации)// Вестник МГУ. Серия 9. Филология, N 2, с.79-82.

Шарадзенидзе Т.С. Лингвистическая теория ИАБодуэна де Куртенэ и ее место в языкознании XIX-XX веков. - М.: Наука, 1980.

Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. - М., 1978.

Швырев В.С. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. - М.: Наука, 1966.

Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. - М.: Наука, 1978.

Шкловский В.Б. "Тристан Шенди" бтерна и теория романа// Сборник по теории поэтического языка. - Пг.: ОПОЯЗ, 1921. Вып.4, ч.2.

Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольдта). - М., 1927.

Шпет Г.Г. Работа по философии // Логос, 1991, с.215-233.

Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. - СПб., 1912.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л.: Н^ука, 1974.

Эдвард де Боно. Рождение новой идеи. - М.: Прогресс» 1976.

Эйзенштейн С.М. Избранные произведения. В 6-ти т., т.2. - М,: Искусство, 1964. "

Эйхенбаум Б.М. Мелодика русского лирического стиха// Сквозь литературу. - Л., 1924, 0:209-214.

Юдин Б.Г.' Методологический анализ как направление изучения науки. - М.: Наука, 1986.

Юдин Э.Г. Методологическая природа системного подхода// Системные исследования. Ежегодник. -' 1973. - М.: Наука, 1973.

Язык и моделирование социального взаимодействия. - М.: Прогресс, 1987.

Язык и мышление. - М., 1967.

Язык, наука, философия. - Вильнюс: АН ЛССР, 1986.

Якобсон Р.О. Доминанта// Хрестоматия по теоретическому литературоведению - Тарту, 1976, с.56-63. ,

Яковенко Б.В. О современном состоянии немецкой философии. - 1 кн. журн. Логос, 1910, с.250-267. '

Яковенко В.И. Т.Карлейль, его жизнь'и литературная деятельность-- СПб., 1891.

. Яновская С.А. Методологические проблемы науки. - М.: Мысль, 1972.

Ярошевский М.Г. Выготский как исследователь проблем психологии искусства// Выготский Л.С. Психология искусства - М.: Педагогика, 1987, с.292-323.

Aach F. Psychologism reconsidered: a re-evalution of the arguments of Frege and Husserl//' Synthese 85, 1990, p.315-338.

Ackoff R.L. Scientific Method Optimizing applied research decisions. - N.Y.-London, Miley, 1962. - 464 p.

Agassi J.- The Logic of Inquiry. - In: Synthese, vol.26, N 3/4. Amsterdam, 1974, p.498-514.

Aqvist L. Topics in Interrogative Logic// Philosophical Logic. Amsterdam. Dordrecht, Holland, 1969, p.114-121.

Belnap N.D. An Analysis of Questions: Preliminary Report Technical Memorandum (Santa Monica: System Development Corporation), 1963, p.19-26.

Belnap N.D, Questions, Answers, and Presuppositions// The Journal of Philosophy, vol.63, N 20, 1966, p.609-611.

Block N. Paychologism and Behaviorism// Philosophical Review, 90, 1981.

Boole G. An investigation of the laws of thought on which are founded the mathematical theories of logic and probabilities, London, 1854.

Bromberger S. Questions// The Journal of Philosophy, 1966, voL63, N 20, p.597-606.

Bromberger S. Science and the Forms of Ignorance. - In: Observation and Theory in Science. - Baltimore: The John's Hopkins Press, 1971, p.45-67.

Bromberger S. Why - questions// Mind and Cosmos. - Pittsburgh: Univereitf of Pittsburgh Press, 1966, p.86-111.

Brunsvik E. The Conceptual Framework of Psychology// International Encyclopedia of Unified Science. Chicago, Illinois: the University of Chicago Press, 1952, vol.1, N 10.

Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, Mass, 1965.

Cognitive Development and Epistemology. - N.Y., London: Acad.Press, 1971.

Currie G. Frege. An Introduction to his Philosophy. Brighton: Harvester, 1982.

Currie G. Frege and Popper: Two critics of psychologism// Imre Lakatoe and theories of scientific change. - Dordrecht etc., 1989,

Farber M. The Foundations of Phenomenology» Edmund Husserl and the Quest for a Rigorous Science o? Philosophy. Cambridge {Mass.): Harward Univ.Press, 1943.

Fizer J. Psychologizm and Psychoaesthetics. - Amsterdam, 1981, XVI.

Frege G. Compound Thoughts// Essays on Frege. Univ. of Illinois Press Urbana, Chicago, and London, 1968s p.537-558.

Frege G. On sense and nominatum// Readings * in philosophical analysis. - N.Y., 1949, p,85-102.

Frege G, On the Foundations of Geomenry// Essays on Frege. - Univ. of Illinois Press Urbana, Chicago, and London* 1968, p.559-574.

Frege. G. The Thought: A Logical Inquiry// Essays on Frege. - Univ. of Illinois Press Urbana, Chicago, and London, 1968, p.507-535.

Gale S. A Prolegomenon to an Interrogative Theory of Scientific Inquiry// Questions. - Dordrecht, Boeton: D.Reidel publ. Co., 1978, vol.I, p.319-348.

Giere R.N. Toward a unified theory of science// Science and reality. - Notre Dame (Ind.), 1984, p.5-31.

Goldstein L. Logic and Reasoning// Erkenninis. - Dordrecht, 1988, vol.28, N 3, p.297-320.

Greenfeld L. Russian formalist sociology of literature: A Sociologist's perspective// Slavic Rev, - Stanford, 1987, vol.46, N 1, p.38-54.

Gunther Hans. ВЕЩЬ// Russian Literature XXIV (1988), North-Holland-Amsterdam, p.151-160. •

Haack S. Philisophy of logic. Cambridge, 1978. ^ .

Hansen-Love A.A. ДоМИНаНТа//Russian Literature XIX. Amsterdam, North-Holland-Amsterdam, 1986, N 1, pЛ5-26.

Hansen-Love A.A. "УсТЭНОВКа" ("Intention", "Einstellung"// Russian Literature, XXIV, Amsterdam, 1988, N 8, p.161-180. '

Hintikka J. Answers to Questions// Questions. - Dordre'cht, Boston: D.Reidel publ. Co., 1978, vol.1, p.279-300.

Hintikka J. The Semantics of Questions and the Questions of Semantics// Acta Philosophica Tennica, vol.28, N 4. North-Holland publ. Co., 1976.

Hiz H. Questions and Answers// Journal of Philosophy, 1962, vol.59, N 10, p.253-265.

Husserl E. Logical investigations. - London, N.Y., 1970, vol.2, p.435-877.

Husserl E. Philosophie als Strenge Wissenschaft, Logos, Tubingen', 1910/11,' Bd. I, Heft 3.

Husserl E. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. An introd. to phenomenological philosophy. - Northwestern univ.press, 1^70.

Kuhn T.S. Logic of Discovery or Psyhology of Research// Criticism and the Growth of Knowledge. - Cambridge: Univ.Press, 1970, p.1-23,

Kuhn T.S. Reflection on my Critics// Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge: Univ.Press, 1970, p.231-278e

Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Recearch Programmes// Criticism and the Growth of Knowledge, - Cambridge, Univ.Press, 1970, p.91-195.

Lakatos I. History of Science and its Rational Reconstruction// Boston Studies in the Philosophy of Science - Dordrecht: Reidel, 1971, vol.VIII. - 615 P-

Malcolm N.. Ludwig Wittgenstein: A Memoir. Oxford, 1958.

Manuel F.E. The use and abus^ of psychology in history// Daedalus. - Cambridge (Mass.), 1988, vol.117, N 3, p.199-225.

Masterman M. The Nature of a Paradigm// Criticism and The Growth of Knowledge. - Cambridge: Univ.Press, 1970, p.59-89.

McKinsey M. Psychologisra in Semantics// Canadian Journal of Philosophy. ,Vol.XIII, N 1, March, 1983, p.1-25.

Meiland J.N. Psychologism in Logic: HusserPs Critique// Inquiry, 1976, vol.19, N 3, p.325-339.

Mohanty J.N., Findlay J.N. Husserl • and Frege// Idealistic studies, Worchester, 1984, vol.14, N 3. Bloomington; Indiana University Press, 1982, p.273-277.

Mohanty J.N. .Heidegger on logic// J.of the history of philosophy. - Claremont, 1988, vol.26, N 1, p.107-135.

Montgomery R. Psychologizm, folk psychology and one's own case// J.for the theory of social Behaviour. - Oxford, 1987, p.195-218.

Morris C. Foundations of the Theory of Signs// International Encyclopedia of Unified Science. - Chicago, 1938, voi.l, N 2.

Morris C. Signs, Language and Behaviour - N.Y., 1946.

Notturno M.A. Frege and the psychological reality thesis//- J.for the theory of social Behaviour, Oxford, 1982, vol.12, N 3, p.329-344,

Pietruska-Madej E. Should philosophers of ecience consider scientific discovery?// Ratio. - Oxford, 1985, vol.27, N 1, p.7-18.

Polanvyi M. Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy. - Univ.Chicago Press, 1958.

Popper K.R. Unended Quest. An Intellectual Autobiography. - Illionois, 1990.

Popper K.R. Normal Science and its Dangers// Criticism and the Growth of Knowledge. - Cambridge: Univ.Press, 1970, p.51-58.

Popper K.R. Objective Knowledge: An evolutionary approach. - Oxford; Clarendon Press, 1972.

Popper K.R. The Logic of Scientific discovery. - N.Y., Basic books, 1959.

Reichenbach H. An analysis and Foundations and the Structure of Knowledge. - Chicago Illinois, 1952.

Reichenbach H. Experience and Prediction. - University of Chicago Press, 1938.

Scaff L.Ac Weber, Siramel, and the sociology of culture// Sociol.Rev. - Keele, 1988, yol.36. N.S., N 1.

Sodeika T. On the question of psychologism and the theoretical status of philosophy in E.Husserl's phenomenology// The philosophical understanding of human beings. - Vilnius, 1988, p.58-67.

Thagard P. Frames, knowledge, and inference// Synthese, 1984, vol.61, $ 2, p.233-259.

The Russian formalist tradition// Sov.studies in lit. (White Plains), 1985, voL21, N 3/4, p.3-155«

Topolski J. Methodology of History. - Warszawa, 1976.

Watkins W.N. Against "Normal Science"// Criticism and the Growth of Knowledge. - Cambridge: Univ.Press, 1970, p.25-37.

Watkins Y.W.N. Metaphysics and Advancement of Science. 4 - British Journal for the Philosophy of Science, 1975, vol.26, p.91-121.

Wells R. Frege's ontology// Essays on Frege. - Univ.of Illinois Press Urbana* Chicago, and London, 1968, p.3-41.

Willand D. The Paradox of Logical Psychologism: Husserl's way out. - American Philosophical Quarterly, 1972, vol.9, N 1, p.94-100.

Wittgenstein L. Last writings on the philosophy of psychology. - Chicago: Univ.of Chicago press, 1982.

Wittgenstein L. Remark on^ the philosophy of psychology. - Oxford: Blackwell, 1980. Vol.1, vol.2.

Бахтин М. М. Проблема текста (опыт философского анализа)//Вопросы ли*еоатуры, 1976, № 10, с. 122-151.

Берков В. Ф. Вопрос как форма мысли. — Минск: БГУ, 1972.

Бирюков Б. В. Актуальные проблемы философско-кибернетических исследовании//Философские науки, 1981, № 2, с. 24-33.

Бирюков Б. В. Человеческий фактор в логике в свете проблемы "искусственного интеллекта"//Кибернетика и диалектика. — М.: Наука, 1978.

Бочаров В. А. Аристотель и традиционная логика. — М.: МГУ, 1984

Гоббс Т. Соч. в 2 т. — М.: Мысль, 1989.

Гофман А. Б. О социологии Эмиля Дюркгейма//Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М.: Наука, 1991.

Грязное Б. С. Философские "парадигмы" Т. Куна//Природа, 1976, № 10 с. 63-67.

Гумыга А. В. Кант. — М.: Молодая гвардия, 1977.

Наука 982^ ШСЛ°В Ю ° В Шбрба ~лийгвист*теоРетик и педагог. - Л.:

Кант. И. Соч. в 6 т. — М.: Мысль, 1963-1964.

Кант И. Трактаты и письма. — М.: Наука, 1980.

Кацнельсон С. Д. Вступительная статья//Пауль Г. Принципы истории языка. — М.: Изд. иностр-й лит-ры, 1960.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, 13.

Милль Дж. Ст. Автобиография. — СПб, 1874.

Милль Дж. Ст. Обзор философии сэра Вильяма Гамильтона и главных философских вопросов, обсуждаемых в его творениях. — СПб, 1869.

Милль Дж. Ст. Система логики. — СПб, 1865.

Минералов Ю. И. Вступительная статья//Сакулин П. Н. Филология и культурология. — М.: Выс. шк., 1990.

Мэнюел Ф. Е. О пользе и вреде психологии для истории//Философия и методология истории. — М.: Прогресс, 1977, с. 262-288.

Овсянико-Куликовский Д. Н. Собрание соч., т. 6. — СПб., 1909.

Социология Эм^я Дюркгейма. Критический анализ концепций. АДД. — М.: МГУ, 1978.

Поппер К. Логика социальных наук//Вопросы философии, 1992, № 10, с. 65-75.

Смирнова Е. Д. К проблеме аналитического и синтетического//Философские вопросы современной формальной логики. — М.: Изд-во АН ОС(jР, 1962, с. 323-363

Февр Л. Бои за историю. — М.: Наука, 1991.

Фреге Г. Мысль: Логическое исследование//Философия, логика, язык- — М • Прогресс, 1987.

Якобсон Р. Избранные работы. — М.: Прогресс, 1985

Sc¡en^e0^959Hvo.S2(InNr308;U?73Sra,iVe' ^ "d "-/philosophy of

Russel B. Introduction to Mathematical Philosophy. — London, 1953.

Работа выполнена в отделе
философских и социологических проблем
Института системного анализа
Российской Академии Наук

Научный консультант — доктор философских наук
профессор В. Н. Садовский

3.10. Методологическая концепция Гуссерля. 87
3.11. Реконструкция проблем психологизма-антипсихологизма в логико-методологических концепциях второй половины XX века.....'..:..... 92
3.11.1. Психологизм куновской модели развития знания.....ез
3.11.2. Антипсихологизм в методологической концепции Лакатоса 97
3.11.3. Неопозитивизм и Поппер: их отношение к антитезе "психологизм-антипсихологизм". .. .. .i 100

Очерк четвертый: Мир* психологизма в гуманитарной культуре

4.1. Основные проблемы психологизма..... ив
4.2. "Психологические оговорки" в литературоведческих текстах 120
4.3. "Психологические оговорки" в исторических текстах..... 123
'4.4. "Психологические оговорки" в лингвистических текстах. Связь лингвистики с историей.....v..... 128
4.5. Младограмматизм как одна из форм психологизма..... *зб

Очерк пятый: Мир антипсихологизма в гуманитарной культуре

5.1. Проблемы антитезы "психологизм-антипсихологизм" в связи с творчеством Витгенштейна раннего и позднего. 140
5.2. Филологический мир антипсихологизма. . . .. .168
5.3. Идеи психологии искусства Выготского в контексте его отношения к проблемам психологизма и антипсихологизма.....*.. ш
5.4. "Симптомы" присутствия проблем антитезы "психологизм-антипсихологизм" в творчестве Бахтина..... ш
5.5. Идеи антипсихологизма в структурализме. . .. . .ns

Заключительный очерк. .....isi
СПИСОК Литературы *34

Галина Вениаминовна Сорина

ЛОГИКО-КУЛЬТУРНАЯ ДОМИНАНТА

Очерки теории я истории психологизма и антипсихологизма в **культуре**

Издание монографии осуществлено при содействии фонда Колпакова

Ответственный редактор Я. Я. ***Грифцрт***
Мл. редактор ***М. Ю. Бородина***

АР № 020420 от 12.02.92

Подписано **в** печать **10.03.93.** Формат 60x90/16. Бумага писчая. Печать офсетная.
Усл. яеч. л. 12,5. Усл. кр.-отт. 12,69. Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ. **176.**
Цена договорная.

Отпечатано в типографии Информагротех
141290. пос. Правдинский Московской обл., ул. Лесная, 60.